

Магнифит

Часть 1 Красный город

На углу улицы, там, где она заострилась, словно стрелка у женского глаза, в дружном кругу сидели григорианцы. Они сидели прямо на асфальте, на тротуарах, рядом с ними лежали кошки, григорианцы хлопали в такт и подпевали парню с гитарой в руках. Рядом с ним сидели мужчины с барабанами и били под его ритм. Он же неистово крутился и после каждого своего маленького куплета подыгрывал на своем инструменте. Он плясал и крутился с поднятыми руками, после каждого оборота так и выкрикивая: «Эй, эй». Его Музыка звучала воинственно: барабан властно гулял по задворкам улиц, а гитара была дуновением пассата с моря. Он пел:

«О любовь моя, ради которой я одам свою душу
Я напишу тебе её на лепестках
Пусть лучше они пронесутся по ветру и упадут на твою щеку
Чем упадут слезы из полюбивших мне глаз».

Их неожиданным гостем стала Диана. Такая же григорианка, как и они. Она смотрела на них сверху вниз из маленького и ветхого окна своей кухни. Прислонившись лбом к стеклу, улыбаясь, она обнимала свои белые голые плечи.

Каждый куплет парня был словно виршей, которая как заплатка пришивалась к улице чуждыми для неё нотами. Эта улица, как и все другие, принадлежала аспирийцам. Теперь принадлежала. Ещё год назад ни у кого бы и мысли не возникли чья эта улица. А музыкант тем не менее плясал. Мужчины вокруг него, будто сопротивляясь рукой невидимому грузу, властно ударяли по барабану, а парень разыгрывал свою гитару. Чуть согбенно. Прищурив глаза, сжав губы, еле шатавая головой её мольбам, словно высасывая из неё весь жизненный нектар. Он щеголял в ночи в своей выжженной от солнца футболке.

«О на-на на-а на на-на, о-о на-а на-на на-нинья
О любви-и-мая моя
Ты не плачь, ты не бойся
Ведь теперь бессмертна моя душа».

Диана улыбалась их беспечности. Смотря на них, все недавние беды её семьи и народа забывались. Музыка и культура давала им свою независимость. Эта музыка врывалась в квартиру, в которую она не так давно переехала со своими детьми по настоянию мужа, в которой она теперь сидит одна в нетерпении и ждёт, когда её муж приведёт дочку домой.

Недавно всю страну потрясли беспорядки и погромы. Страна своим естественным путём после ста лет существования распадалась на прежние маленькие государства согласно своим этническим группам. Диана и её семья оказались не на той территории. Её муж был вынужден спрятать свою семью в целях безопасности в чужую квартиру, дабы переждать народную бурю. Но как бы мы не прятались от своих бед, они все же нас всегда находят. Ибо мир всегда хочет доказать своему человеку, что без боя он не достигнет своего мира – вот так первая беда и пришла в семью Розари, так звучала их фамилия.

Их дочка, Эля, заболела менингитом. И как бы её муж, Александр, ни пытался обойти народную глупость, внезапное неуважение друг к другу, ни один врач не стал долго держать у себя ребёнка григорианцев, в конечном счёте, их девочка потеряла слух.

Родители обомлели от этой новости. Страх о невыполненном долге перед

ребёнком и последующая боль сводили им скулы. Они с ужасом понимали, что слух дочке уже не вернуть, что затронута сама их красота, сама их нежность. Самое прекрасное в их доме. В последнее время они с широко раскрытыми глазами, да с потупленными головами сидели за своим столом на кухне. И только их дети, Лев и Эля, которые являлись двойняшками, невзирая вообще ни на что: ни на ситуацию в стране, ни на боль родителей, отважно и с храбростью, вселяли в дом радость.

Александр должен уже с минуты на минуту привести Элю домой. Диана искоса смотрела, как в углу улицы играет музыка. Весь этот сентябрьский вечер лоснился от духоты, от влажного ветра с моря, от шафранных огней, от бархатного голоса этого мужчины – все эти повапленные мазки украшали улицу. У всех уже далеко не первым слоем пота была засалена кожа и одежда. Запах шёл в перемешку с духами. И вот наконец. Он поднял высоко руку. Музыка остановилась. Он пропел последний раз припев. И затем со взмахом руки и последним аккордом они успокоились. Все захлопали ему и улыбаясь кричали: «Браво!» И вдруг стук в дверь...

Тук – тук. Прозвучал он грубо ногой снизу. Диана, отбросив из головы восторг, побежала к двери и отворила её. На пороге стоял Александр, а на руках он держал спящую Элю.

- Что такое? – с тревогой в голосе спросила Диана.

- (Не смотря ей в глаза) она замоталась. Уснула, когда ехали обратно. Врач сказал, что её ещё где-то недели две следует держать в постельном режиме.

Он зашёл в квартиру, которая сразу же начиналась с кухни: слева был диван со столешницей, телевизором и с этим маленьким единственным окном, а справа от двери стоял круглый стол рядом с плитой, столешницами и шкафчиками. Вперёд, перпендикулярно двери, шёл коридор, разделяясь на две комнаты, в левой спали дети, а в правой – он с женой. Александр, как и Диана, ещё были очень молоды и красивы. У Александра были темно-русые волосы, коротко стриженные, кудрявые, и щетина, всегда выступавшая на исхудалых щеках. Он был очень высокий и сильный телом. На свою жену он всегда смотрел своими тоскливо-улыбающимися черными глазами. Но для всех других они преобладали своей тёмной строгостью и серьезностью. Диана была в своём домашнем чёрном платье карандаш, её черные, длинные и прямые волосы лежали на её белых, как у скульптуры, сальных плечах, её маленький носик и щеки были испещрены родинками, словно чёрными веснушками, умиляющие мужа. Она смотрела на него своими чистыми лазурными глазами, как прозрачное море при свете солнца.

- (Пытаясь поймать взгляд мужа) а потом?

- Все. Это был наш последний визит к врачу. Пусть ещё недельку поспит у нас в спальне. – они стояли, и Диана, жалея, гладила свою дочку по голове и поцеловала её в лоб. – Ты не волнуйся, Диан, если я на второй или третий день увижу, что она не поправляется, я этого доктора сам сюда за шкуру притащу. – слегка успокоившись. – В любом случае она сейчас очень слабая, видишь: одна поездка как её вымотала. Хотя вроде бы сидела у меня спокойно, ничего не делала, там я её тоже без очереди провёл. Не знаю даже.

Диана как-то непонятно на него посмотрела. Александр улыбнулся ей и поцеловал её.

- (Поцеловав в ответ мужа) пошли, положишь её, а я переодену, только сразу не уходи, я её одна не подниму.

Они пошли к себе в спальню. Не включая свет, положили Элю на кровать и стали её переодевать.

- Лев уже спит?

- Да, давно уже лёг. Мы поужинали, не стали вас ждать.

- Хорошо.

- Тебе еду разогреть.

- Нет, кофе потом мне сварить?

- Да, конечно, тоже с тобой попью. – они уже почти переодели Элю,

Александр одевал её в пижаму, а Диана складывала уличную одежду. – Ты опять будешь на диване спать?

- Да, пока она здесь будет спать, я там. Не нужно ей мешать.

- (Обхватив плечи) я даже не знаю, надо бы тоже её оставить...

- Да спи здесь, если тебе со мной неудобно.

- Просто, если спать с тобой, то это на тебе всю ночь надо лежать, а у меня потом и грудь и спина болит.

- (Равнодушно) смотри сама, я тебе не запрещаю.

- (Обиженно) ну не надо так, слышишь, чего ты так со мной серьёзно. Если хочешь, чтобы с тобой была, так и скажи.

- Но тебе же неудобно будет.

- Ну тебе же тоже.

- (Ухмыляясь) вот, это мне уже больше нравится. Все равно будешь нормально лежать, я в последнее время плохо сплю.

Они пошли на кухню, закрывая за собой дверь. Створка света сужалась по кровати и защемилась, оставив силуэт света вокруг двери.

- Естественно, если ты на ночь глядя решил кофе попить.

- Вообще меня наоборот от него через полчаса уже разморит.

Александр сел за стол, а Диана достала турку. Закинула туда кофе. Ложку сахара, Добавила воды. И поставила на плиту.

- Лучше бы чай попил.

- В такую жару?

- Какая разница? Кофе тоже горячий.

- Я где-то прочитал или мне кто-то об этом сказал, что кофе лучше всего утоляет жажду. Не помню, где я это узнал.

- Как по мне это все ерунда. Никто не станет пить кофе в этой маленькой чашечке в жаркую погоду. Лучше выпить что-то холодного. Да просто воды со льдом. Жидкости хотя бы больше. А тут надо делать маленькие глоточки из маленькой чашечки.

- Ну вот видишь: может поэтому мы и пьём его сейчас на ночь, а не днём.

Диана разговаривала с мужем, спиной стоя к столешнице, посматривая краем глаза на брожение. Кофе в турке уже был готов подняться, но Диана вовремя сняла его с газа. И налила в две маленькие чашечки.

- Тебе с пенкой или без? – сказала Диана, заискивающе посмотрев на мужа.

- Ну бери себе, мне без разницы.

Она села рядом с ним, повесила свои ноги на его и взяла за руку. Так вместе в тишине они пили кофе. И своим бархатным голосом она напевала мотив: «О на-на на-а на-нинья».

- (Пристально посмотрев) ты ведь не сердись на меня? – резко вдруг спросил Александр.

- (Оторопев, не поняв его) за что?

- За Элю?

- Ты сделал все что смог.

- (Потупив взгляд) это меня и раздражает. Что это все, что можно было сделать. Она этого не заслужила. Кто угодно, но только не наши дети.

- (Приглаживая руку) Александр, перестань. Тебе не нужно мне ничего доказывать, я все понимаю.

- Диан, обещаю, я смогу вас защитить. А наши дети, поверь, будут счастливы. Скоро это все закончится, надо лишь переждать, и я дам вам все.

- Ты не можешь так говорить. Со страной происходит непонятное. Никто не знает, где и кто в итоге окажется.

- Да ничего не будет. Все это ерунда. И скоро их всех успокоят, если сами не успокоятся. Я знаю, что обещал нас здесь продержат только на лето, но придётся ещё немного.

- Я все понимаю. Что ты мне хочешь доказать?

- Да... ничего. Я боюсь, что ты мне не веришь. Я очень люблю тебя. И если честно, то последнее время я только и чувствую, что люблю тебя. Ко всему остальному, даже, наверное, к самой жизни я стал как-то холоден.

- Почему?

- Наверное на то есть причины. (Усмехнувшись) мне кажется, я до сих пор пытаюсь тебя добиться.

Диана прильнула к его шее. Поцеловала. И так и осталась лежать на плече.

- Говорила, чай надо пить. Взбодрился на ночь глядя.

- (В ответ поцеловав) я уже буду ложиться.

- Я полежу немного с Элей, а потом приду к тебе, хорошо?

- Хорошо. Ты мой ангел.

- (Улыбнувшись) знаю.

Диана пошла к Эле. Александр снял туфли, носки. Расстегнул рубашку. Кинул её на спинку дивана. Остался в одних брюках. Выключил свет на кухне и приоткрыл дверь в комнату, где спал Лев. Ему захотелось посмотреть на лицо сына, за прошедший день он первый раз смотрел на него. Вернувшись на кухню, он включил телевизор. Убавил звук, так чтобы от телевизора только исходил свет. Подошёл к открытому окну. Оно было старое. В деревянных ветхих наличниках и откосах. С белым подоконником, на котором лежали всякие вещи. Рисунок Эли. Икона Марии. Его часы. Чья-то брошенная мелочь. Он закурил. Выпускал вензелями дым на встречу прохладному воздуху, пронизывающемуся сквозь пряный лоснящийся жар. Ветер, пропахнувший морем. Он встречал его всей своей голой грудью, наслаждаясь, упиваясь этим вечером. Город засветился огнями. Внизу, во дворе, через бесконечные простыни он видел крылечки с включёнными фонарями, и как их жители мирно сидят на своих стульчиках. Он, прислонившись головой к оконной раме, курил и смотрел на них. В его сердце играла все одна мелодия.

Сердце его в последнее время процеживало тяжесть. Болело. Да как-то странно. Болело от тоски. Она имела не малый вес. Вес этот давил и держал равновесие на кромке его сердца и чувств. словно оно держалось на струнах, а внизу разверзлась яма, куда оно может упасть – упасть в тягучую тинной тоску.

Он говорил правду. Ему мало, что стало интересно. Чувствовал он только любовь к своей жене. А его тоска так и впивалась в неё любовными поцелуями. Но любовь эта была далеко. Она жила себе и жила. С каждым днём при новых сложных условиях он понимал, что выполняет свой долг мужчины. Ничто его теперь так не интересовало как его долг. А все дело в том, что он прекрасно знал, чем закончатся эти события. И дни его были сочтены. Он ощущал себя приговорённым к смерти, гуляющим при этом на свободе. И эта свобода ему дана, чтобы сохранить жизнь своим детям. Он понимал, что не уверен, сможет ли он спасти свою любимую и себя. И поэтому его любовь и долг наконец стали самыми важными вещами в его жизни. И делали его во время тирании самым свободным человеком на земле.

Он вернулся на диван и стал сидеть в темноте под прямоугольным мерцающим светом телевизора. Он поставил на столик пепельницу, и пускал ажурный дым, плавающий в голубом свете. Он курил и посматривал на два ковра, свернутые в трубочку. Они стояли были прислонены к углу рядом с входной дверью. Диана ругалась на него, что ковры просто так стоят и пылятся, что надо бы их расстелить. Но Александр их не хотел трогать. Сам не знал, почему, словно это было таким богатством, к которому не хотелось прикасаться руками.

Чёрная ночь потихоньку голубела, утро просыпалось и тянулось в своих сумерках. Этот свет еле проникал в расщелину меж двух гардин, прикасаясь пыльным лучом до кровати.

Веки Эли, дрожа, еле боролись с сошедшим с них сном. Ей бросился темный и в тоже время нежный образ в глаза. Образ богини, которая так была для неё похожа на маму соседского мальчика. Этот образ стоял на маленькой угловатой дощечке вблизи к окну с гардинами. Рядом с ним стояла наполовину растаявшая свечка. Огонёк оттенял черты лица Марии, изображённой на почерневшей дощечке.

Сны Эли потихоньку уходили от неё. Хотя ей ещё спать и спать: она проснулась очень рано, ей ещё предстояло досматривать свои сны. Вся простыня промокла – либо от пота, либо от влажного воздуха. Будто море бушующее, гонимое ветром, пришло к ней ночью и улеглось рядышком.

Она, не переставая, смотрела на красивое и в тоже время уставшее лицо богини. Как она снизу вверх смотрела на своего ребёнка, сидящего у неё на коленках. Маленькая Эля уже понимала по-женски её уставшее выражение лица и в тоже время прекрасное. Ей казалось, что она уже видела её в одном из своих снов, которые ей приснились этой ночью. Вот толко она не стояла маленькой в углу. А стояла во весь рост скалы у деревни с рекой, с разрушенными домами и множеством птиц. Ей так же снились деревни, затопленные в воде, чьи дома поросли розовыми цветами. Ей снились бесконечные цепи людей и цепи только детей, огибающие горные перешейки. И во всех этих снах героем был молодой человек со шпагой в руке, а за ним шло целое войско.

Ночь была тяжелой, и ей с таким же уставшим видом захотелось подняться с кровати и подойти к окну. Она аккуратно ступала босыми ногами по дощатому полу, чтобы сильно не скрипеть им, дабы не услышали родители. Стоило ей раздвинуть гардины, как вся утренняя красота раскрылась ей мгновенно всей целостностью, одним внезапным аккордом.

В те минуты не спал и Александр. Он уже стоял также у окна со своей терпкой чашечкой кофе, потихоньку потягивая её, и перебивая терпкость сигаретным дымом. В горле першило. Нос немного заложен. Прохладное, влажное, морское утро. Голубеющее. Ещё без разгулявшегося солнца.

Эля смотрела на кучевые в перемешку с перистыми облаками на горизонте. Как кучевые наливались дождливостью, наливались темно-синим цветом. Перистые облака сиренью порхали, а на самом верху, над макушкой, в зените, ещё был чёрный купол со громоздившимися друг на друга облаками, через которые были видны звезды. Это было похоже на родничок новорождённого. Мерцание жизни.

Александр уже давно не спал. Но огни города ещё не погасли. Они спали перед огромной громадиной наверху. Этой ночью он дал Диане спокойно поспать. Она пришла к нему посреди ночи и улеглась прямо на него. Он почувствовал сальность и запах её кожи. Её плечей. Её нежной ключицы и груди. Ему даже нравилось иногда, что они спят вот так. Когда она приходит к нему, ложится, он заключает её своими длинными руками, долгими поцелуями. Их ноги нежно соприкасались, выбравшись из под простыни, ловя хоть маленькое дуновение ветра в духоту.

Эля стала еле-еле на цыпочках возвращаться к кровати. Она шла по дощатому полу, чтобы не разбудить родителей – хоть она не слышала его, но пол скрипел зверски. Но Александр и не прислушивался, он вернулся в свою постель к жене, расцеловывая её; но после умоляющих стонов, чтобы ей дали побольше поспать, он оставил её и включил телевизор. Чуть убавил звук. Стал листать каналы одним за другим, ища новости и наконец наткнулся. По каналу стали показывать протестующих, ночующих на улице, требуя провозглашения республики для аспирийцев. А после стали показывать военных, ночующих в

полях.

XXX

В палатке, где вповалку на матрасах спали военные, один стал будить другого спящего ногой. Молодой лейтенант спал в обнимку с автоматом, зажав приклад между ног и поджав колени. От толчков ноги он резко встрепенулся, спрятал под себя снаряжение и посмотрел одним глазом на будившего его военного. На него свысока смотрел полковник. Лейтенант молчаливым вопросом дремотно смотрел.

- (Ухмыляясь) чего испугался, мне твоё оружие нафиг не надо.

- (Хрипя) товарищ полковник?

- Курить есть?

- (Показав пальцем) у меня одна.

- Да у меня есть сигареты. Со мной пойдёшь?

Лейтенант посмотрел на всех спящих. Уже вострым взглядом оглядел в окрест палатку.

- А сколько время?

- Минут десять, может пятнадцать до подъема. Ну так что, идёшь?

- (Недоверчиво) ну пойдёмте.

Полковник вышел из палатки и чуть отошёл в сторону. Лейтенант вышел из палатки в не застегнутом кителе, держа ремень в одной руке, в другой автомат. На ремне свисала шпага, фляга и подсумок с обоймами. Палатки солдат располагались недалеко от деревушки с ветхими домами из почерневших брёвен. Земля была хорошая. Плодородная. А вокруг лишь горы, которые казались такими же почерневшими как и брёвна от сумерек утра.

Лейтенант подошёл к тому, кто его разбудил, бросил ремень на землю, из кармана в штанах вытащил пакетик и также бросил его к ремню. Сел, не выпуская автомат из рук, на холодную землю. Другой все стоял и наблюдал за ним и наконец спросил:

- Как звать?

- Карлен

- (Вопросительно) Карлен...

- Просто Карлен.

- Что ж, хорошо. Ну а я ваш новый командующий.

- (Взяв свой пакетик) рад познакомиться товарищ полковник, садитесь, чего стоите?

Полковник присел рядом и достал сигарету. Карлен вытащил из пакетика фильтр с бумагой. Фильтр зажал в губах, а на коричневую бумагу стал класть табак, заведомо шелуша его большим и указательным пальцем.

Карлен был высок, худ и ещё очень молод. С черным волосом, который был выбрит по бокам под офицерскую стрижку. Щеки оцетинились утренней щетиной.

- (Полковник, усмехаясь и закурив) это надолго?

- Все лучше чем эти папироски. Так и табак можно выбрать и бумагу. От бумаги тоже многое зависит. Вот у меня сейчас более мягкая. Белая потяжелее будет. (Шмыгая носом и откашливаясь) холодно здесь, постоянно хриплым просыпаюсь. Все воспалено, аж в ушах стреляет. У нас дома гораздо теплее. Я даже уже не курю так много. Горло и без того болит.

- (Посмотрев вокруг) а все же хорошо вот так до подъема сидеть. Мне уже надоело просыпаться от крика. Все время раньше просыпаюсь.

- (Закончив закрутки и закурив) вы что-то от меня хотели, товарищ полковник?

- Да вот, решил проверить информацию на своих офицеров. – лейтенант кивнул ему головой, и полковник продолжил. – Все отучились на офицерский чин, а вот вы получили его просто так и сразу, а в вашем личном деле ничего толкового нет.

- И что?

- Вот я и хотел с вами поговорить и узнать, кто вы? И что за секретность такая, что даже фамилия выдумана.

- (Улыбаясь) с чего вы решили это?

- У меня свои источники мальчик.

- (Внезапно быстро заговорив) я обычный провинциальный парень, сын священника, учился в нашей столице, контракт заключил несколько месяцев назад, но дело не успели дописать из-за этих бесконечных полевых условий.

- Ну и с какой ты провинции?

- Из провинции Магнифит.

- (Кивнув головой) значит ещё служить и служить.

- (Выдыхая дым и поджимая плечами) ну а что поделат? Ничего не поделаешь. Ведь скоро может вспыхнуть самая настоящая война. Лучше в ней быть офицером, чем обычным рядовым: ведь так?

- Можно откупиться. Многие откупились. Считая это все бесполезным.

- (Раздраженно) товарищ полковник, я же вам уже сказал, я сын обычного священника из провинции, а не городской. Да и даже, если бы были деньги, то я бы все равно пошёл.

- (Ехидно улыбаясь) вы патриот, что ли?

- (Пожав плечами) может быть. (С упрёком) в любом случае, я не назову свою службу бесполезной.

- Ну не знаю. (Поднявшись с земли, потушив бычок, положив руки в карманы) многие с вами поспорят, лейтенант: ведь уже абсолютно не понятно, где мы с вами. Что это за земля? Это земля федерации? Нет. Федерация, если не пала, то скоро падёт. Может это земля Григориании? Но я не знаю такого даже государства. Аспирии? Не думаю, хотя, это их земля все же.

- (Показав рукой на деревню) здесь живут григорианцы.

- (Закинув голову и протяжно) ну-у, мало ли кто здесь живет. Нас всех разбросало, но сейчас будут формироваться прежние государства, и народы также будут перемещаться по своим исконным родинам. Это будет касаться как гражданских, так и военных. Ведь если дробятся государства, то и армия наша тоже раздробится. Вот вы григорианец? – Карлен кивнул ему головой. – И я тоже. Нам с вами ещё повезло. Служим на исконно своей земле. (Осекшись) ну сейчас, конечно, нет.

Карлен и Полковник посмотрели вокруг. Они видели и понимали, что перешли границу и находились на аспирийской земле. Деревушка, что рядом, начинала уже просыпаться и работать. Люди засеменили по её улицам.

- (Смотря на деревню) это тоже наша земля. – сказал Карлен.

- Она не наша. На ней нас никто не признает и не примет. Посмотри: все чужое, даже эти горы. Наши покрыты лесами, а это скалы какие-то. Ты не найдёшь здесь дома, а твои дети в особенности... власть и общество прогнило. Все стало преступным и глупым. Ещё непонятно, что у нас будет.

- (Карлен, пренебрежительно) а что у нас будет?

- Как я понимаю, то как было раньше – храмы в деревне или в городе, чьи хозяева будут хозяевами провинций, губернатор, как местное самоуправление, губернаторы подотчётны премьер министру, а хозяева провинций - королю. И будет у нас и монарх, и хозяева провинций, и парламент.

- (Карлен, повернув голову с деревни на полковника) если страна расколется, каждой республике ещё придётся набивать свои шишки.

- По вашей логике складывается такое ощущение, что вы и не против этого? – спросил полковник.

- Можно и так сказать. Давно пора. Я всегда уважал федерацию, но я ясно вижу, что времена меняются, и надо самим брать ответственность за свою страну, а не перекладывать её на чужаков. Да это и неплохо. Мы вновь будем жить исключительно в своей стране. Мне надоел этот срез общества абсолютно везде, в том числе и в этой армии. Люди лишний раз доказали, что не способны терпеть друг друга. Они не хотят быть нацией федерации, они хотят разбиться вновь на свои народности. Надо сказать спасибо, что хоть не на племена.

- Ну тогда начнётся война. Начнутся волнения, начнётся резня.

- Я то на это смотрю спокойно.

- Спокойно?

- Не стоит бояться метели... - он улыбочиво посмотрел на полковника, - бывает в снегопад гораздо теплее, чем в застойную мерзлоту. И если эта огромная глыба растает, расколотаея расплывётся в разные стороны на льдины, то это ничего, все что делается или не делается к лучшему, но многие, правда, начинают бояться, и все идёт к черту в итоге.

Полковник молчал, даже не стал парировать его доводы, понимая, что Карлен прав. Вдруг приосанившийся Карлен, который доселе выглядел не так умно, на глазах возмужал. Он спокойно следил за жизнью деревни и наслаждался картиной – картиной дома.

Когда Карлен, повернув шею, смотрел на деревню, полковник увидел белую связку бус у него на шее, выглядывавшие из под кителя.

- (Добавив внезапно и простирая рукой) а земля это наша, потому что здесь наша церковь, а значит наша власть.

- (Показывая на шею) что это? (Смеясь) девушка дала на память?

- У меня нет девушки.

- Ну тогда, что это?

Карлен застегнул китель и поднял ворот, чтобы спрятать то, на что смотрел полковник.

- Ничего.

- Как тебе ещё не сделали замечания с этими бусами и с твоими самокрутками.

Полковник пристально смотрел на юношу, теперь он понимал, кто он.

Они услышали подъем. Как сигнальный огонь, команда распространялась по палаткам. Полковник оставил Карлена одного – он пошёл командовать командирами рот. Карлен же остался, смотря на эти чужие горы, что как стены стояли, не давая заглянуть за шиворот горизонта. Он стал шаркать по сторонам, смотреть и замечать, что земля очень плодородна. Что она радуется изобилием разноцветных нив, что борозда за бороздой вельветово расчертили всю землю. Что также во главе деревни стоит церковь. «Здесь живут григорианцы», - подумалось Карлену, - значит здесь также есть свой правитель». Прохладный ветер. Хрипнет горло. У него аж мурашки. Бр-р-р. До трясучки. И всю эту красоту нарушают вереницы гигантских машин с развёрнутыми антеннами, танками, палатками. Все было спрячено под маскировочной сетью. «Зачем этот полевой выход, куда мы вообще так далеко заехали?»

Был выходной день. Александр сидел с Элей за столом и смотрел телевизор. Очередную сводку новостей. Эля сидела на коленках отца и рисовала. Рисование было её любимым занятием, особенно, когда она заболела, и Лев перестал с ней играть. Сам же Лев подружился с мальчишкой по имени Корнеид, который живёт по соседству, его дверь находилась прямо напротив их. Они жили в конце коридора и их двери, - если их открыть одновременно, - ударились друг об друга, так как в конце этот коридор сужался.

Диана вдруг стала ругаться на Александра. Стала показывать на телевизор: «Переключи канал, сколько это можно смотреть при ребёнке». Отец, повинувшись, стал крутить каналы и, наткнувшись на мультики, остановился, но Эля даже не обратила внимания; а внимание отца, которое доселе было свободно, теперь лобзало и взглядом, и губами свою дочку, теряясь в её мягких щечках. Все больше и больше привечая к себе её внимание. Это была миниатюрная девочка с каштановыми волосами, молочно-кофейной кожей и ореховыми глазами.

«Где Лев? – вдруг отец крикнул матери, на что она стала поднимать плечами и говорить что-то вроде. - В футбол, наверное, играет». Потом, как показалось Эле, отец стал показывать недовольство и подозрение в том, что Лев его избегает и не разговаривает с ним. Отец махнул в сторону окна, и мама пошла к нему. Открыв, она посмотрела вниз, где бегали множество пацанов и со всей дури били мячом по стенке с нарисованными воротами. Грохот от этих ударов стоял похлеще, чем от множества взбивавшихся одеял и ковров от пыли в выходной день. Пыли этой было столько много, что было видно, как она проходит через открытое окно по лучу, невольно наведывавшегося в гости.

Не найдя Льва среди мальчишек, отец ударил кулаком по столу, взял соломенную корзинку, в которой обычно лежит хлеб и стал ею трясти. Мать успокаивающим взглядом стала на него смотреть и что-то говорить, показывая глазами на Элю. Отец начал отнекиваться, да и сама Эля понимала, куда они клонят. Сходить в булочную – это зло в самом чистом виде. Им почему-то перестали продавать хлеб, мог его купить только Лев, да и другие такие же дворовые пацаны, которые были всюду. Все улицы, каждый задворок, даже каждое деревце, даже когда солнце находилось в зените, в выходной день, они были заполнены сорванцами, словно солнечными лучами в воде, играющимися всюду.

Тем не менее, без согласия Эли, единогласно было решено, что за хлебом пойдёт она. Мама на руках объяснила, что им нужна всего одна лепёшка, дала ей деньги и отправила за хлебом. Открывая дверь, Эля стукнулась с соседней дверью, за которой показался Корнеид. Как же она его не любила. Как же она его ревновала к своему братцу. Не посмотрев на него, она тут же убежала в своём фиалковом платьице, так что за углом на мгновение прощанием взмахнули её каштановые волосы.

Выбежав на улицу, она аккуратно, пошла вплотную вдоль витрин, прячась от палящего солнца, перепрыгивая из сени в сень, под тенью прямоугольных тентов каждого магазина.

Дойдя до булочной, она вошла и оказалась в душном месте с коричневыми стенами, как и её кожа, а сам магазин был полон здоровенными дядьками в костюмах или в безрукавных рубашках. Она стала протискиваться через них к кассе.

Добравшись, выпростала пригоршню монет из своей потной ладони и показала на хлебную булку. Продавщица эта, на её взгляд не самая приятная женщина, удостоила её разве только своим фырканьем и с неприличной усмешкой показала ей на выход, а сами деньги забрала. Обомлев, оцепенев и оторопев Эля обернулась на сборище потных рубашистых мужчин, ища в их взгляде понимания к себе, но те удостоили лишь продавщицу одобрительным взглядом, та ещё даже за спиной умудрялась что-то говорить ей в затылок.

Эля, удручённая положением, пошла обратно, пока ей по спине ни потыкали пальцем. Она обернулась. И кто бы это мог быть? Ну конечно, ещё один ей ненавистник – вот только ростом он поменьше. Корнеид руками ей показал остаться на месте, а сам ушёл, потерявшись за многочисленными брюками. Когда он вернулся, в руках у него были две лепешки хлеба, он с улыбкой стал протягивать одну. Эля, конечно же, подумала бы, что это очередная насмешка, если бы не понимала бы, что Корнеид - это лучший друг брата, и тот бы не стал смеяться над его сестрой. К тому же его все стали дергать, чтобы он забрал оставшиеся монеты,

но Корнеид демонстративно одним мановением сказал, чтобы сдачу она оставила себе. И тогда Эля почувствовала, что находится в его тени, где она ощущает приятный холод в любой жаркий день.

Домой они пошли вместе. Ну как вместе? Оба не поместились бы под узкой теневой вереницей витрин. Так что Корнеид шёл впереди, ну а Эля со своим хлебом и накуксившимся лицом сзади. Хотя сквозь это лицо процеживалась улыбка, да и даже взгляд признания.

Ближе к вечеру Лев и Корнеид собрались в кино. Как только Лев собрался уходить, Александр велел ему взять сестру. Эля, конечно же, была не в восторге. Ей вроде бы хотелось пойти в кино со своим братом, да и с Корнеидом, но и что-то её держало дома – вязкая тоска, навиваемая от одиночества в своём новом положении. Александр, как человек одинокий в своих мыслях и чувствах, тонущий в такой же тоске, видел это и в своей дочери и не позволял ей оставаться в этой трясине.

Шла Эля, как хвостик, как тень за двумя пацанами. Проходили они сквозь улицы, двора, мимо кафе и витрин с неоновыми вывесками, по тротуару, вдоль набережной, вдоль бесконечных серых балюстрад, за которыми волновалось море, чей шум приятно шершавил слух, а последние лучи солнца растрепались по морской спине рябью.

Кинотеатр был на улице. Перед полотном на поляне, испещрённой камушками, были поставлены белые стулья. Их быстро заняли зрители. Наши герои тоже нашли себе место. Лев и Корнеид сели рядом друг с другом, а Эля села со стороны последнего. Ну и что тут смотреть? Что можно понять? Даже обидно. Ведь ничего не услышишь.

На полотне был мужчина. Он был тореадором. Дрался с быками. Дрался с людьми на шпагах. Был неистов. И также любил, пока сердце не разбилось, и все чувства не выселились оттуда, оставив внутри такое же глухое зияние облаков с потускневшими звёздами. Точно такое же, какое было и у Эли, и у Александра в ту ночь. Хоть и не было слышно, Эля прочувствовала всё трагическое падение героя; особенно, когда он стоял на рыхлом песке и смотрел на море, которое отображалось в его глазах, придавая им цвет слепого.

Пока шёл фильм, Эля успела замерзнуть. Корнеид ей нашёл и плед, да и сам под конец приобнял. Эля была уже влюблена в героя своего дня – она тихо сидела, не замечая фильм, уткнулась в его плечо и смотрела куда-то вдаль в чужие ноги. Возвращаясь домой, её маленькие туфельки развалились на этих кумушках, и Корнеид забросил её себе на спину. И прошёл: и вдоль набережной, и мимо кафе и витрин с неоновыми вывесками, и через темную тесную дорогу в их круглый двор мимо купы тутовых деревьев, на которых отливался редкий процеженный лунный свет.

Пришли домой. Лев привёл сестру, а сам захотел с Корнеидом спуститься во двор, так как другие ребята позвали их играть в прятки. Лев уже хотел уходить, как Корнеид стал его уговаривать, чтобы Эля пошла с ними. Хотя он даже его и не уговаривал, просто не знал как попросить об этом Элю. Лишь всячески на неё посматривал, чтобы она поняла. Эля, как девочка с хорошим тоном, показала свою усталость, но при этом большую признательность к приглашению в кино, потому и не смогла отказать, погулять с ними ещё, чего она абсолютно, конечно же, уже хотела.

Родителей дома тоже не было. Диана сидела где-то с подругами, а Александр сидел в закрытой беседке и играл с мужиками в карты. Беседка была в круглом дворике, где и играли дети. Двор этот был исполосован нитями с бельём. Прямо во дворе росли тутовые деревья. Стояли и фуры, и машины. А играясь можно было так и наступить и размазать инжир. От этих деревьев даже сама ночь со своими повапленными жирными мазками фонарей, и со своей всюду веющей морской пылью, становилась фиолетовой и сладко душистой. Настоящий рай для детей. Эти малыши так и мерцали во всем этом ароматном тумане.

В тот вечер Эля решила залезть на дерево, чтобы спрятаться. Под этим

деревом стояла машина. Из-за того, что Эля залезла на дерево, абрикосы стали падать прямо на крышу машины. Машина сразу же стала визжать своей сигнализацией по всему двору, и её владелец выглянул из окна и стал кричать на Элю. Она, его не слышав и не увидев, никак не отреагировала. И тогда он спустился с длинной палкой, будто отколол её от швабры, подошёл к дереву и ударил Элю по ногам, от чего она рухнула как ягодка на землю.

Дети все закричали. Первым на крик прибежал Лев. Он вцепился в эту палку, но мужик сразу же огрел его по спине. Следом прибежал Корнеид и, вцепившись в палку, не выпускал её из-за своих рук в страхе, что может получить такой же удар. Мужчина стал трясти его из стороны в сторону так, что у парня ноги отнялись от земли, и он уже размахивал им, как стягом на битве. Лев, от унявшей боли, схватился за ногу мужика, не отпуская.

Александр все играл в карты в беседке. Его игру прервал отец Корнеида. Забрав в беседку, он, пыхтя, лишь сказал: «Александр, дети». Александр, бросив карты, ринулся опрометью наугад. Когда он бежал, то уже увидел цель. Корнеид все-таки сдался и разжал руки. Льва мужик отбросил новым ударом и приблизился к лежащей Эле. Взмах. Который ударился об ладони Александра, внезапно оказавшегося между ними. Схватившись за палку, он силой изменил своё положение, силой и потугами попирая его к своим ногам, оказавшись выше него, опустив мужчину на колени. Выхватив палку, он также его ударил по спине, а после и по рёбрам, он стал бить дальше, пока отец Корнеида не остановил его.

Вот и закончился веселый день. Александр взял Элю на руки и понёс её домой. Да и вообще вся беззаботность того двора, того вечера растеклась по домам, оставив улицу одну в морской пыли.

Ночью Эля проснулась оттого, что Лев нежно и отрывисто целовал её в щеку и гладил по голове. Жалел любимую сестрицу, к которой целый день не оказывал никаких знаков внимания. Эля стала его отталкивать. После того, как нарочно пропустила пару поцелуев. Они были похожи на двух братцев-медвежат, которые целый день могут валять друг друга по полу и кусать.

Лев долго не спал. Их кровати стояли параллельно друг другу в узкой комнате. Отсветы от машин и окон, словно призрачные вагоны поезда проезжали по стене или по потолку между их кроватями.

Ребёнок чувствовал вину за любимую сестру. Чувствовал злость и обиду за себя. Это было обычное явление: когда он не уделял внимание любимому человеку, а потом необходимость этого внимания пришла для него естественным путём. Он должен был защищать сестру. А до этого и приобнять её в кино. И нести на своей спине. И горы для неё свернуть. И весь двор для неё подчинить. Всё мальчишеское нутро било кулаками внутри его груди. И теперь он ревновал Корнеида к сестре, пока Эля благоговейно ждала, чтобы соседский мальчик ей приснился, будто хотела посмотреть фильм с любимым актером.

А Лев все не спал. И даже мечтал о своём могуществе. Вот если бы оно было. Ему бы хватило одного взгляда, чтобы все оцепенели. Но его жаркие и иступленные думы прервали возгласы за их маленьким балкончиком. Вдруг призрачные вагоны, проезжающиеся по комнате исчезли, а вместо холодного фосфорного света с окна исходил тёплый, жёлтый, шафранный.

Лев встал с кровати. Тайком пробрался на их маленький балкончик с чёрными железными парапетами. На балкончике стоял маленький столик и две табуретки. «Здесь бы мама и папа могли бы пить кофе». - подумалось Льву. Посмотрев на улицу, он увидел собрание григорианцев, которые стояли полукругом, словно амфитеатром: они были на всех балконах, на всех крылечках, заполняли все улицы, стояли на машинах, громоздились друг на друга. Всех их охватывало кольцо одного и того же возмущения. Лев увидел отца в толпе. Он молча стоял у угла одного дома, прильнув к русту плечом. Это был закат их времени. А время без замков. Оно уходит далеко за горизонт. И Лев как ребёнок, который все понимал и чувствовал, и как губка впитывал всеобщую

несправедливость, опасался за своё время – ещё не наставшее.

К Льву подседа Эля. И они долго сидели и смотрели на всё действие, пока их внимание ни отвлекли две вороны, дерущихся над всеми ними. В клюве у одного вороненка был черствый хлебец. Они летали из стороны в стороны, пока оба ни сели на крыльцо Льва и Эли. Два вороненка казались детям подобострастными всей ситуации внизу.

Эля аккуратно вытащила хлебец из клюва и разделила его на две части, отдав потом птицам. Каждый воронёнок медленно, повернув шею, чтобы не задеть пальцы, взял свой кусок в клюв и вспорхнул. А дети остались, наблюдая за миром взрослых людей. Уже расколотый, но который тщетно жаждал целостности. Целого своего хлеба. Видимо детям делить хлеб куда проще, чем взрослым.

***

Однажды пришел день. Тот, который Лев пытался отсрочить куда подальше. Он скрывал его всеми силами. Пытался двигать его бесконечно, глубоко в душе веря, что этот день никто не сможет достать. Он думал, что спрятал своё деяние так глубоко внутри себя, в тень одного из своих детских наивных альковов, что его никто не найдёт. Он думал, что спрятал его очень хорошо, что от беззаботных детских дней и сам вовсе забывал про него. Но от каждого звонка он вздрагивал и тут же вспоминал. Прислушивался о чем разговаривают родители, встретив кого-то из учителей или кого-то из родителей его одноклассников.

И вот этот день настал. Лев сидел в кабинете директора и ждал, пока за ним придёт отец. Перед Львом лежал скукоженный от огня, обгоревший журнал. Его корка была вся чёрная, а листы внутри все почти сгорели. Все, что от них осталось, окрасилось огнём в черно-оранжевый цвет.

Все уже знали, что его сжёт Лев. Его раскалывали целый день, как и других пацанов, с которыми он был в сговоре. Даже пригласили полицию, которая каждого допрашивала отдельно, так же по отдельности и раскалывала. Их забирали с каждого урока – только он начинался, как Льва или другого мальчика, тоже григорианца, приглашали в кабинет директора. А под конец им всем устроили очную ставку, где узналось, что лидером всего движения оказался сам Лев.

Наконец пришёл Александр, и Льва попросили выйти. Лев обернулся через плечо и увидел строгий взгляд отца. Одним взглядом он сказал ему выйти и ждать его, на что сын подчинился и пошёл наслаждаться каждой минутой спокойствия, сидя на скамейке. Александр сел на место, где сидел сын: перед дневником и директором. Директор был ровесник Александра, на вид тщедушным мужчиной в висащем на нем костюме.

- (Пренебрежительно показав на журнал) знаете, что это такое?

- Ну я вижу, что это что-то обгоревшее.

- (Встав с места, напыщенно) это журнал класса, где были все оценки. Ваш сын вместе с другими детьми григорианцами сожгли его.

- (Не дёрнув даже бровью) и почему же?

- (Недоумевая) что... почему... да это у вас надо спросить, почему ваш сын наносит порчу школьному имуществу. (Успокоившись) хотя их мотив и так нам ясен: у Льва, как и у других ему подобных...

- (Перебив) ему подобных? Это каких, я извиняюсь?

- Это у всех таких же малолетних преступников, как и он...

- Преступников...

- Да, преступников...

- Выбирайте выражения, когда говорите о моем сыне...

- Я оперирую фактами...

- Я сейчас начну оперировать кое-чем другим, - сказал Александр, оперевшись об ручку стула и поддавшись вперёд, - если называете моего ребёнка преступником, значит должен быть факт этого вашего преступления.

- (С довольным выражением лица) ну как же? Таков факт есть. Доказано, что ваш сын выкрал этот журнал, а после сжёг его вместе с другими ему... - увидев, что Александр не шутит и может на него наброситься, он сменил тон, - и с другими мальчишками, которые все к удивлению оказались григорианцами.

- (Издавательски) да, это действительно удивительно. Вы, видимо, очень наблюдательны. Но я одного не могу понять, они что, сами взяли и признались в том, что сделали?

- (Резко) конечно! Сотрудники полиции и педсовет проводили с ними целый день беседу и в послед...

- Простите что вы сказали?

- Я говорю что с ними провели...

- (Повысив голос) полиция!? Вы с ума сошли?

- (Явно боясь гнева Александра и начиная будто оправдываться) я не могу понять, чего вы возмущаетесь. Вы видимо не понимаете, что произошла кража, это преступление, это было школьным имуществом.

(Пауза)

- Вы идиот?

- Что вы...

- Нет, что вы себе позволяете. Вам сколько лет? Сколько лет, я спросил.

- Это сейчас не имеет никакого отношения.

- (Фыркнув от возмущения) наверное гораздо старше моего семилетнего сына. Вы его что, так боитесь, что аж полицию на него вызвали? Сами разобраться не могли. Я себе даже представить подобного не могу: великовозрастный вызвал полицию на малолетку. Ну что, прижали его к стенке, да? И сколько они его допрашивали?

- Ну сколько. В течении дня.

- (Снова вспыхнув) целый день? Нет, вы притворяетесь, что ли? Целый день полиция допрашивает моего малолетнего сына, а я об этом узнаю только сейчас под ночь. Вы идиот?

И тут Александр встал так, что директор начал отходить в угол, боясь, что он на него накинется.

- (Рявкнув) Лев!

Маленькие ноги затопали к кабинету, и дверь отоварила медленно со скрипом.

- Это ты сделал? – Лев молчал. – Смотри на меня и говори, ты или не ты?

- (Дрожа) я, отец.

- Хорошо, выйди. – Лев закрыл за собой дверь. – Вот видите: и никакой полиции не надо.

- Думаю нам незачем продолжать разговор. – директор стал доставать бумаги. – Я вас сюда пригласил, чтобы вы были осведомлены в случившемся и подписали вот эти бумаги. – директор положил их на стол.

- Что это? – спросил Александр и стоя над ними одной рукой стал их быстро пролистывать.

- Они свидетельствуют о том, что вы признаете вину своего сына, а также уведомлены, что полиция знает место вашего проживания.

- (Посмотрев на него страшными глазами) вы дали им мой адрес?

- Конечно, ведь теперь Лев состоит на учете, а вы, как родитель должны это подтвердить.

- Я так понимаю, другие мальчишки григорианцы тоже были поставлены на учёт.

- (Долго раздумывая) да, совершенно верно.

- (Покачивая головой) не могу в это поверить даже. Вы вмешиваете в наш конфликт даже детей. Они даже не знают, что происходит. Они даже не знают, что начинается. Зачем это?

- (Начиная быстро говорить) я не понимаю вас. Их поступок никак не связан

с войной. Если, конечно же, вы, их родители, не надоумили их на это. Тогда, конечно, да, эти дети жертвы.

- Не надо меня оскорблять. Я прекрасно знаю, что вы сделали. Теперь вот так можно собирать информацию, где и какая григорианская семья живет. В случае чего, эта информация может попасть в ненужные руки. Например, чисто случайно, да? – директор молчал. – Да, так и есть. На войне все средства хороши, да? – он стал к нему подходить с выпренными от злобы и налившимися кровью ненавистными глазами, директор ни на шутку испугался его и стал отходить. – Не бойся, я тебя не трону, но просто знай, у нас с тобой хоть и разные боги, но такое не простит никакой. – директор слушал его и все внутри дрожало от того отчужденного холода, которое он внимал от человека. (Отойдя) что ж ладно. Я ничего подписывать не намерен.

- (Дрожащим голосом) тогда, боюсь, что Лев будет отстранён от занятий.

- Хорошо. Я своих детей и на пушечный выстрел к вам не подпущу. Всего доброго.

Александр и Лев шли вдоль набережной домой. Поднялся жуткий шторм. Море шумело, сутулясь, горбясь. Волны, словно змеи, поднимались и вгрызались в камни. Поднялась морская пыль вместе с туманом. Молния сверкала и вспахивала облака так, что они тяжелой драпировкой вместе с дождевым водопадом растекались вниз. Пыль вместе с туманом понемногу шли с моря и тушевали в свою тьму и бурю весь город. Из виду терялся свет маятника, окон, фонарных огней, которые вереницей с проводами растягивались вдоль набережной. Туман, как крепдешиновая ткань, закрыла собою почти все пространство, и даже сверкающий кнут молнии на секунду не показывал даль горизонта.

Александр шёл в одних брюках и коричневом свитере вдоль набережной быстрым шагом, держа за руку сына, все время подпрыгивающего, чтобы портфель удачно сел на плечи. Не стерпел бурю, и даже ничего не видя. Они на ощупь еле-еле заметили витрину таверны. Обычная таверна у моря.

Они забежали. Зазвучали колокольчики у двери. Официант, который ходил по пустой таверне и натирал стакан полотенцем, остановился и вопросительно поднял голову, уставился на них. Это был взрослый полысевший мужик с таким выражением лица, будто он втихаря выпил на работе. Александр провёл рукой по волосам собрав из капель пригоршню дождя. Его свитер также был испещрён водяными бусинами. Он снял с сына портфель и усадил его за стол.

- (Официанту) кофе, пожалуйста. (К сыну) ты что будешь? – сын пожал плечами. – Ну давай, быстрее. Надо что-то взять и согреться.

- А мне можно кофе?

- Ты вообще ещё мал для кофе. – Александр повернулся к официанту, и тот поднял голову, посмотрев на него одутловатым лицом. - (Показывая пальцами) давай две чашки кофе и пацану ещё стакан обычной воды. – официант одобрительно кивнул.

Александр сел за стол к сыну. Видя, что Лев его боится, он принял более мягкое выражение лица и тона. Они сидели близко к витрине. Дождь растекался по всему периметру стекла, обтесывая его своей быстрой сечей и дыша холодным воздухом, прижавшись к нему.

- стакан воды нужен, чтобы ты запивал кофе. Он слишком крепок для тебя. И маме не говори, что кофе пил. Хорошо?

- Хорошо. – вторил сын.

В таверне стал распространяться терпкий запах, который Лев обожал, но никогда не был к нему причастен.

- Ну рассказывай. Зачем ты это сделал?

- Не знаю.

- Да ладно, рассказывай. Не бойся, ругаться сильно не буду, маме тоже не скажу, чтобы не ругалась. Ты знаешь, если разговор между нами, то женщины не при делах. Ну...

- Мы сожгли его, потому что нам несправедливо ставили оценки. – он посмотрел на отца, и видя, что тот все ещё слушает, продолжил. – В журнал плохие оценки ставили только григорианцам. Даже если неправильно отвечает аспириец, учителя двойку ему не ставят. А нам могут поставить, даже когда мы отвечаем правильно. А потом в обычный журнал стали ставить оценки за поведение, а для этого есть другой журнал, но григорианцам стали за плохое поведение ставить и в обычный. Хотя все, почти что, вели себя хорошо.

Официант подошёл к ним с кофе, и Лев замолчал.

- (Потирая губы) ясно... Ну, попробуй.

Лев отпил кофе и сразу сморщился. «Почему он такой горький? - подумал он. - Зачем родители пьют каждый день эту гадость». Увидев, как сын сморщился, Александр засмеялся:

- Ну водой запей. Сказал же рано. Ещё успеешь быть взрослым. Лучше возьму тебе горячего шоколада.

Лев, накуксившись, не понимая, смотрел на свою чашку кофе и ждал теперь шоколада. Александр умилялся своим сыном. Как я уже говорил раньше, этот мужчина в последнее время хотел испытывать любовь только к своим детям и жене. Он достиг такого состояния, что все его чувства и былая страсть выжгли ему сердце и оставили только пустыню. А возникающая любовь к ребёнку или к жене была целым акведуком в этой пустыне. Такой мужчина ничего не боялся и не страшился. Сам Лев был на вид очень смешным парнем: у него было маленькое, но крепкое тело, большая голова с взъерошенными чуть светлыми волосами, толстыми губами, все время растягивающимися в улыбке, с одним прищуренным глазом, лукаво смотрящим.

- Лев, почему ты мне ничего не рассказал?

- Не знаю.

- Самое ужасное это не то, что ты сжёг этот дурацкий журнал, а то, что ты мне ничего об этом не сказал. Понимаешь, если бы ты вовремя дал мне знать, я бы что-то придумал. А теперь у нас могут быть неприятности.

- Какие неприятности?

Александр понимал, что ещё рано. Он просто ребёнок. Но он все чувствует, все понимает. Такому существу тоже сложно врать.

- Я хочу сказать, что своими поступками ты можешь нанести вред другим.

- Но они сделали несправедливо.

- Я знаю. Я знаю, что и ты справедлив. Я всегда в тебе это видел. Но ты не задумывался, что в этом журнале есть оценки аспирийцев. И как они восстановят свои оценки.

- (Обижено отстаивая свою правоту) но они все несправедливы к нам.

- Они же вам ничего не сделали, ты так говоришь, потому что они аспирийцы. Тебе ничего не сделали твои одноклассники. Все что из вне - это из вне. Я хочу сказать, что своим поступком ты сам разделяешь класс на григорианцев и на аспирийцев, но ты не сохраняешься ваш класс. Понимаешь?

- Угу.

- А твой друг Корнеид. На сколько я знаю его мама григорианка, а отец аспириец. Как ему жить в таком классе.

Лев молчал, потому что начинал понимать правоту отца.

- Я тебя даже не хочу наказывать. Потому что в том, что произошло виноват я. – Лев посмотрел на него. – Я тебе не объяснил все это. А объясняю уже после того, как все произошло. Но я хочу чтобы ты умел думать. Оставь свою справедливость женщинам. Это они все любят взвешивать. Мы с тобой мужчины. Наше дело исполнять наш долг. Долг брата, мужа, отца, сына, а также долг к тем, с кем ты живешь в не семьи. Их ты тоже должен уважать. Ты должен уважать своих одноклассников. Понимаешь?

- Угу.

- Вот тебе и угу. Мне из-за тебя ещё с мамой ссориться, когда я ей скажу, что ты теперь в школу не ходишь. Хотя мужчина должен только любить своих женщин, а не слушаться их. Но с твоей мамой это, конечно, не прокатит.

Лев стал улыбаться, а официант принёс ему шоколад.

- (Тоже улыбаясь) что лыбишься? Ешь давай свой шоколад. И пойдём уже. Вот только рубашку не испачкай. – хотя предостережение Александра уже было поздним. – М-м, да.

Александр смотрел, как сын наслаждается шоколадом, и та ужасная мысль, что из-за сына могут пострадать другие семьи вдруг унялась. А вдруг все пройдёт. А вдруг этот день никогда не настанет.

Был уже поздний вечер. Александр шёл с работы. Целый день он тяжело работал. Носился без отдыха, без разгибания спины. На улице было очень тихо. Ни одного человека, хотя в это время всегда ещё отдыхали взрослые, и игрались дети – все наслаждались последними тёплыми днями, протискивающимися через дождливый сезон.

Зайдя в свой подъезд, он прошёл мимо человека, который иступлено тёр свою дверь губкой, рядом с ним стояло ведро с покрасневшей водой. Он тер, через каждую секунду оборачиваясь, а когда мимо прошёл Александр, вовсе испугался и обернулся. Александр кивнул ему голой, не посмотрев на него. Больше всего ему хотелось видеть Диану, лечь вместе с ней на диван и хоть на полчаса уткнуться в её шею. Он даже шёл и гадал, что на ней будет надето, и представлял, как она улыбается, когда он её смешит.

Поднявшись на свой этаж, опять стояло несколько человек, которые тёрли свои двери, также с тряпкой и ведром, также отчаянно натирая её, с таким же поведением. Александр начал уже ускорять шаг и увидел: как рядом с его дверью стоит отец Корнеида и тоже трёт свою дверь. Все эти люди были ведомы одним и тем же тошнотворно стыдливым чувством, будто были унижены тем, что с такой силой и скоростью трут свою дверь, словно пытаются быстро убрать за собой свою грязь, дабы её никто не успел увидеть.

Подойдя поближе, Александр увидел, как он пытается стереть красный крест. Он был жирно нарисован красной краской. Спешно. С засохшими красными каплями, стёкшими вниз и затёкшими в щели меж досок дощатой двери.

Александр оцепенев от страха повернулся к своей двери и увидел тоже самое – красный крест, со стекающими каплями вниз. Его вдруг пробрал первобытный страх. В горле пересохло. А сердце забило импульсивной птицей в клетке, чьи крылья в панике ударялись об тесные решётки. Глаза расширились. Костяшки побелели, задрожали. Голова стала думать гораздо быстрее, но в никуда. Он рванул к дверям. Ну же. Что же это? Он смотрел на людей, кто оттирает. Григорианец. И это григорианец. И это тоже. Он обернулся. Отец Корнеида. Нет. Он аспириец. Да. Нет! Нет! Нет! Причём здесь она. Его жена. Он рванул дальше. Как сумасшедший стал прыгать по лестнице, забегая на чужие этажи. Кто здесь живет? По-моему этот. А здесь? Тот-то. Так он пробежал и посмотрел все двери. Даже пустые. Глазами вперив, сканируя памятью – кто там живет. Почти у каждой двери стоял мужчина, и не обязательно григорианец, и стирал этот крест, словно свой позор. Стирал так, оглядываясь, чтобы никто не узнал об этом, будто его в чем-то уличили.

Вот и все. Все двери с красным крестом это двери григорианских семей или семей, где хоть один член семьи григорианец. Началось. Это зашло уже слишком далеко. Эта была та человеческая глупость, которую не сломать, не переубедить. Прогрессирующая. Агрессивная. Она шла за тобой. И скоро она за тобой придёт. Она берет количеством. Она берет волной, когда ты один. Во всем этом океане безумия. Был лишь вопрос времени о начале шторма. Каждую ясную секунду ты

убеждал себя, что сможешь уплыть из его зоны. И вот облака сгустились. Гладь загорбилась. И теперь ты пытаешься куда-то уплыть? Куда ты хочешь убежать? Когда город теперь лабиринт. Море - кипятик. Горы – стены. Человек – чужой. Куда ты хочешь убежать от своего последнего дня?

Он вбежал домой. Захлопнул за собой дверь. Диана, стоявшая между столом и диваном, зажав руки в замке у груди, вперив глаза в телевизор, резко дёрнулась и машинально попятилась назад. По телевизору вещали о падении федерации, создании отдельных государств, в том числе Аспирии и Григориании, которые объявили друг другу войну. По всей стране происходили погромы и убийства.

- (Поставив перед собой руку) тише, тише.

Увидев мужа она побежала к нему и с жаром обняла его.

- (Глядя её по голове, целуя, не видя её лица) с тобой все хорошо, все хорошо? – она закивала головой, Александр обхватил её лицо обеими руками, постарался сделать так, чтобы она на него посмотрела. – Диана, где дети, успокойся и скажи, где дети?!

- Спят.

- Спят? Уже?

- Да. Я им велела лечь спать.

- А ты что, не заметила, как у двери кто-то был? – она покачала головой. - Вообще? Даже ничего не услышала? – она опять покачала головой. – Да как так?

- Что это?

- Я не знаю, как тебе это сказать. Но ты должна уйти отсюда.

- Уйти?

- Да, иди в церковь, там они не посмеют тебя тронуть.

- Нужно поднять детей. – она отпустила мужа и хотела пойти к ним в комнату, но Александр схватил её двумя руками за предплечья.

- Нет, не надо этого делать. Оставь детей. Я знаю, как увезти их отсюда, никто даже не узнает.

- Куда увезти? (Пытаясь вырваться из его рук) нет, я детей не оставлю.

- (Встряхнув её) Диан, я тебя умоляю, сделай, как я тебе говорю. Мы не можем их здесь оставить. Сами мы не выберемся, а их вытащим. Если что-то произойдёт... уходи... иди в церковь, пожалуйста, прошу тебя.

- А ты?

- Как только спрячу детей, я приду к тебе. Но ты должна идти прямо сейчас. И ни в коем случае не возвращаться. Обещай мне. – она смотрела на него шокированными глазами, абсолютно немыми. – Обещай!

- Хорошо.

- Иди, прямо сейчас иди.

Он открыл дверь. Отец Корнеида и другие григорианцы все ещё оттирали двери. Он уже вышел вместе с ней, она не отпускала его руки. А он морально не мог отпустить её. «А если больше не увижу? Она все моё сердце. Куда мне её отпустить? Осталась бы лучше со мной. Нет иди. Иди. Иди». И он отпустил. Цепляясь глазами за каждую секунду, что видит. И она уходила, оборачиваясь с напуганными глазами. И вот она скрылась за угол. И вот её уже и нет.

Он вернулся домой, оставив дверь открытой, и встал за гипнотизированный телевизором – по нему показывали начало боевых стычек на границах. И разъярённых людей на главной площади их города. Чьи-то сыновья и отцы стали погибать на границах. Радикально настроенные националисты напомнили аспирийцам, что они здесь хозяева, и что не следует держать у себя дома людей, представителей того этноса, с которым сейчас идёт война. Началась общая истерия. Стали показывать беспорядок в центре города. Погром. И радиус этого очага разрастался и был очень близок. Он приближался. И для него уже были помечены цели. Александр с ужасом думал, что некоторые помеченные двери, стали известны после сожжения журнала Львом. Но место фактического жительства Александра и

его семьи не знали. Значит полиция с мятежниками за одно. Только у неё был точный адрес и этот адрес попал в руки мятежа. Как и все остальные. Они хорошо подготовились. И теперь они нанесут точечные удары.

Александр все елозил в мыслях, смотря в пустую в телевизор. Дверь была открыта, и в квартиру вошёл отец Корнеида. Его звали Сандро. Он был не приметлив, маленького роста, черноволосый, с мраморной кожей, и густой чёрной бородой.

- (Стоя на пороге) это началось, Александр.

- Да... к сожалению.

- Куда ты пойдёшь?

- Не знаю. Но оттирать свой крест бессмысленно. Они скоро придут. Я спрячу семью и буду их ждать.

- (Вспылив) это глупо, тебя убьют. – сказал Сандро.

- (Говоря каким-то тихим и безучастным голосом) бежать мне некуда.

- Я жену и ребёнка отправлю в храм. Сам пока тоже останусь. Можешь спрятаться у меня.

- На твоей двери тоже крест. – сказал ему Александр, кивнув на дверь.

- Если будут ломиться, я открою и скажу, что один.

- А если обыщут?

- Значит будим с ними драться.

- (Немного подумав) хорошо. Оставь меня, я кое-что сделаю и приду к тебе.

- Да конечно, моя семья ещё дома. Я прослежу, чтобы они сначала ушли.

Александр кивнул головой, и Сандро ушёл, закрыв за собой дверь. Тогда Александр выключил телевизор и взял молоток.

XXX

В это время в поле, где был Карлен началась тревога. Все стали носиться мимо него. Погружать сумки в машины. Выстраивать всю технику в линию. В воздухе гремели команды. Каждые взвода и роты собирались и строились перед своим командиром. В итоге так построилась вся бригада и слушала свою команду. Она растянулась и по длине стала больше деревушки, которая жила рядом. Шеренга растягивалась так, что кто-то стоял среди домов, кто-то среди скал, а кто стоял в поле, между подсолнухами, которые стояли смиренно вместе с солдатами и лишь головами кивали от ветра, да от легкого бьющего дождя. Команда была сесть на свою технику и колонной ехать в Красный город. По приезду построиться у его границы. Всю деревню камуфляжной лентой огибали военные.

Карлен стоял вместе с офицерами своей роты, перед ним недалеко стоял его полковник с другими полковниками и подполковниками, они смотрели друг на друга, пока зачитывался приказ о наступлении. Карлен стоял в купе дощатых домов. Он заметил, как прямо на него из дома, что рядом, из окна на него смотрела молодая девушка. Карлен не поднимая головы, лишь глазами тоже её осматривал. Он слегка улыбнулся ей, вдруг вспомнив о своей любимой. Рядом стоял командир роты, он шепнул ему.

- (Шепотом) капитан, что произошло?

- Да, пока не понятно, что на самом деле произошло. Ничего не говорят. Мы сейчас информационно отрезаны. Знаем только одно, мы едем в Красный город. Офицерам пришла информация, что там убивают гражданских.

- Гражданских? Кто? Армия, полиция?

- Нет, такие же гражданские. Армия и полиция не вмешиваются, но и не мешают. Поэтому поедем мы, надо забрать оттуда григориан.

- Может случиться бой.

- Не думаю. Их нет в городе. Оставили его, как на съедение волкам. Думаю мы встанем там, и пригрозим использовать силу. Тогда-то они и обосрут все. У

нас же столько техники. Да и сами вооружены.

XXX

Александр постучался в дверь соседу. Сандро открыл дверь и увидел Александра, а позади него полупаломанную дверь, будто выбитую, оставленную висеть на петлях. Позади него зияла квартира в полной темноте с выбитыми лампами. В этой темноте прорезывалась для глаз поломанная мебель. Вся она была перевернута и переколота чем-то. Все вещи валялись на полу. Выдвижные ящички от комодов и шкафчиков также были вытащены и оставлены лежать на полу. Сам Александр стоял с молотком в руках.

- (Недоуменно) что произошло?

- (С нарушенным дыханием) так надо. Пусть думают, что дом атакован, это отвлечёт внимание.

Александр зашёл в квартиру, закрыл дверь, а сам прилип к дверному глазку. Уставившись в темноту своей квартиры.

- (Не отликая от глазка) ты спрятал жену и сына?

- Да.

- Хорошо.

- Что теперь будем делать?

- Пока ждать. Я должен кое в чем убедиться. А потом пойдём за своими. Но пока нужно ждать. Лучше выключи свет.

Он спрыгнул со спинки дивана и подбежал к выключателю.

XXX

- (Капитан самому себе) ну чего мы ждём? Пока мы здесь стоим, григорианцев там режут уже.

- Мы ведь должны только образумить их?

- Боюсь, что уже будет поздно. Надо будет применить силу.

- Если применить силу, то страна уже прежней не будет.

- Боюсь, её уже и нет. Мы все здесь проспали. Теперь каждый сам за себя. Я час назад видел, как арестовали солдат аспирийцев, они сейчас под стражей в одном из этих домов.

- Вы серьезно?

- Конечно, они же не поедут убивать своих же. Но и держать их за своих мы тоже не можем; а если предадут?

- Разве для этого достаточно быть аспирийцем?

- (Усмехнувшись) ну будем на это надеяться, лейтенант.

Вдруг к армии обратился полковник, который разговаривал с Карленом.

- Товарищи офицеры, товарищи солдаты. Только что к нам пришла информация, что федерации больше не существует. На данный момент мы находимся с вами на территории между двумя государствами – Аспирией и Григорианией. Вы могли заметить, что некоторых ваших товарищей, с которыми вы служили, сейчас нет рядом с вами в строю. Передо мной стоят только этнические григорианцы, и это григорианская армия, кто считает, что он присягал на верность другой стране, и не желает отстаивать новую, пусть выйдет из строя. – никто не вышел. – Сейчас наша страна возвращает себе прежнюю систему. У нас будет конституционная монархия с нашей прежней королевской семьей. Она будет опираться на нашу конституцию, на наш парламент, на хозяев провинций, и на нашу армию. Сейчас с вами мы находимся на спорной земле. Аспирия считает, что она принадлежит им, наше правительство считает, что эта земля прилегает к провинции Магнифит. С главного штаба управления поступила задача вытащить с

Аспирии наших людей, и после вернуться и отстоять эту землю. Команда всем ясна?

- (Хором) так точно.

- Тогда ещё одно. (Смотря на Карлена) если сейчас, каким-то образом, в строю есть хозяева провинций или члены их семей, я попрошу их выйти из строя. – армия стала незаметно переглядываться, полковник и Карлен смотрели друг на друга. Никто не вышел. – Командиры подразделений, личный состав в вашем распоряжении.

XXX

- (Шепотом) послушай меня, Александр, я никогда не считал вас чужаками...

- Тсс, - в квартиру Александра зашли мятежники, они шли недоверчиво, осматриваясь, - сейчас тихо.

Сандро подошёл к двери и прилип к ней ухом. Два мятежника стали выходить из квартиры с пустыми руками. И стали подходить к двери. Александр смотрел как они тихо приближаются. Доска под ними закричала. Сердце забилось быстрее. Дерзкий стук кулаком. Сандро быстро показал ему пальцем, уходить в ванну. И как только Александр ушёл, он отворил дверь.

Как только дверь открылась, два мятежника сразу узнали своего:

- (Махнув рукой) а, аспириец.

- (С комом в горле) да. – ответил он, хоть это был и не вопрос.

- Почему тогда на твоей двери крест?

- Моя жена григорианка, но она давно уже здесь не живет.

- Почему она здесь не живет?

- Я хотел сказать - бывшая жена. (Нервно усмехнувшись) правда, мы ещё не развелись официально. Не сошлись менталитетами.

- Со шлюхами менталитетом и не сойдёшься.

- (Кивнув головой) это да.

- Ты один?

- Да. – мятежники на него посмотрели внимательнее. – Можете проверить, я не против. Я все понимаю. Я пять лет прожил с этой тварью, жаль, что её здесь сейчас нет.

- Ну так разыщи сейчас.

- Если честно я подумывал об этом. Но мне хочется переждать здесь.

- Смотри, из-за креста многие будут к тебе стучаться за эту ночь... - на этаже выше вдруг послышались крики и выстрелы. – (Подняв палец вверх и усмехнувшись) о, началось. Кстати, не знаешь, что с этой квартирой?

- На неё напали здешние. Где-то ещё час назад. Эту семью никто не любил.

- Но тел нет.

- Да? Не знаю даже. По-моему их увели куда-то.

- (Мятежники между собой) видимо повели к костру.

- (Мятежники между собой) может быть.

- К костру?

- Да. Было решено не убивать их, а сжигать. Ночь будет очень тёплой. Ладно, отсиживайся дальше.

Сандро трясущимися руками закрыл дверь. Его ноги также затряслись, все ослабело, он не мог себя нести. И упал на пол. Попятился к спине дивана и оперелся. Александр выбежал и снова прилип к глазку.

- (Страшным голосом) костер. Ты слышал? Они что, хотят из заживо сжигать? Господи. – вокруг дома стены и потолок затоплялись криками. – Как это возможно? Мы родились в одних роддомах, ели одну и ту же еду, в школах одних учились. Все было одно. Как сжигать они хотят?

- Мы этого не допустим. Я вполне уверен, что мужчины без боя не сдадутся.
- Но мы же не чужие друг другу.
- Это не важно. Теперь я убью любого из них.

XXX

Бригаду распустили по машинам, все стали забираться на них и выезжать, оставив несколько рот в поле. Карлен бежал к машине, он отпирался в город.

- Отец помолись за меня. – сказал он вдруг самому себе.

XXX

- Любого? Даже меня?
  - Нет, как бы то ни было, мы были одним целым, друзья есть друзья. – в квартиру Александра опять зашли два аспирийца и вытащили два ковра на своих плечах. – А теперь пора идти.
- .....

Над красным городом поднималась желтая круглая луна. Её ореол освещал чёрный смог, который стяжался наверху от множества костров внизу. Чёрные густые дымки горизонтально исполосовали круглишок луны.

Внизу растягивались цепи людей, состоявшие лишь только из стариков, женщин и детей – тех, кто уже не окажет сопротивление, они шагали вперёд под дулом автоматов – они стояли в очереди за смертью. Все мужчины, которые оказали сопротивление, лежали застреленными на полу. Скорбный плач венчал их тела. А крики страха и боли шли наверх вместе с искрами от костра прямо к звёздам.

Корнеид стоял в одной из многих цепей. И смотрел только наверх, как желтые искры танцуют хороводом вокруг мерцающих холодных звёзд, еле видимых через этот чёрный смог.

То ли от него, то ли от скорби небес прямо из этих звёзд полился дождь. Корнеид не опускал голову. И капли разбивались об его лицо, а он все высматривал своё спасение. В его маленьком сердце зарождался страх, который заграждал ненависть. Он стоял в этой очереди уже целую вечность. И крики казались ему теперь всей его жизнью. Будто они были всегда, будто они были ещё до него, будто они настолько древние, что весь этот дождь сыпавшийся из этих звёзд застынет сталактитами, будто эти елозящие искры в воздухе – это сгоревшие их души.

Надежды не было. Он знал, что потерял своего отца, а его мать уже давно присоединялась к крикам и искрам. Сандро пал вместе с другими мужчинами, которые хотели их освободить. Он давно уже их не видел. Когда он с матерью выжидал в храме вместе с другими григорианцами, ворвались аспирийцы, их было так много, что они заполнили своей тенью золотистость нимбов святых, изображённых на иконах. И все же он шел вперёд. Волочил ноги, предаваясь страху. И вот Корнеид уже следующий.

Площадь эта находилась почти на краю города. С другой стороны были уже голые холмы. На них один за другим стали появляться силуэты. Сначала один, два, горстка, а потом и по всей дуге, обрамляя площадь окружности, как крапинки в темноте, стала появляться армия. Угрожающим грохотом приехали танки и остановились. При виде площади, усеянной трупами мужчин, в голове каждого солдата закралась мысль, что они опоздали, что они проиграли, не успев вступить в войну.

Мятежники стали смотреть на них. Армия приказала им остановиться и бросить оружие. Но те лишь поощрительно сплюнув все, что они услышали, демонстративно продолжали казнь.

Солдаты стали смотреть друг на друга. «Стоять! Приказа не было». Каждый, через одного, только рыпался вперёд, что его сразу останавливали: «Стоять!» - проходили поползновения по всей дуге. Но крики протекали в сердце и затопляли изнутри, как бездна выпивает жизнь – они стали звереть от увиденного. «Вперёд!» - вдруг решительный крик. «Нет!» - послышался одинокий, но громкий возглас. «Вперёд! Ура!» - раздалась дуга общим возгласом, и танки тронулись. Не жалея аспирийцев, они их давили заживо без разбору даже безоружных. Солдаты шли за танками и отстреливались. Цепи григорианцев разорвались и разбежались. Перебив всех аспирийцев, солдаты брали с собой кого могли, помогали забраться на машину или на танк и быстро уезжали из города.

Карлен пробрался чуть поглубже, крича григорианцам, чтобы те бежали в сторону солдат и покидали город. Некоторые аспирийцы умудрились их отлавливать заново, и тогда солдаты без предупреждения убивали.

Карлен краем глаза увидел, что кто-то забежал в церковь, а за ним вбежал аспириец, и он последовал за ним. Это был Корнеид, этот день был первый в его жизни, когда он вошёл в церковь, ему казалось, что это его дом. Свет луны проникал, через сиреневые витражи, отбрасывая иссиня-фиолетовый цвет на белые колонны, золотые стены, красные розы, окаймляющие богиню. Её же статуя стояла у алтаря ногами на постаменте с распростертыми пустыми объятиями. «Это же моя мама? Почему здесь её изображение», - подумал Корнеид.

Он подошёл и встал ногами на постамент посреди её объятий, и вдруг открылась дверь. В неё зашёл аспириец с ножом в руке. Медленно он шёл к Корнеиду, а тот отошел за спину Марии. Он подошёл к нему и грубо схватил его за ногу, скинув на пол. Занёс нож...

- (Ворвавшись) оставь пацана или я убью тебя. – Приказал ему Карлен, прицелившись из автомата и продвигаясь вперёд шаг за шагом. – Я сказал: оставь его. Если отпустишь, я дам тебе уйти.

Аспириец послушался и ушёл через другую дверь. Карлен подбежал к Корнеиду и взял его за руку. Карлен сразу же посмотрел на мальчика вопросительным взглядом. То, о чем он думал, казалось ему невозможным.

- Нет! – вскрикнул он, вцепившись свободной рукой за ногу Марии.

- Пойдём со мной, не бойся.

- Нет, не пойду, сюда сейчас придёт моя мама.

- Послушай, пойдём, мы вас всех вывезем, ты потом найдёшь её.

- Она придёт сюда, это её место, вот это она. – сказал Корнеид, показав на Марию.

Карлен долго не мог понять, что не так с мальчиком.

- Это твоя мама?

- Да! – убеждённо сказал Корнеид.

- Это богиня.

- Богиня? – повторил Корнеид и посмотрел на неё повнимательней, а потом посмотрел на Карлена. Карлен же смотрел будто в прошлое. Мальчик был его копией детства. В ту ночь Карлен подумал, что он не просто так зашёл за ним. Точно также будет думать и Корнеид через много лет, смотря на исполинскую Марию.

- Пойдём, нам нужно уходить. – сказал ему Карлен, резко опомнившись от раздумий.

И Карлен взял мальчика с собой, вместе они покинули город и отправились обратно в поле, где располагалась армия, оставив для Корнеида Красный город надолго позади.

Когда они ехали обратно колонной, то мимо себя видели не одну цепь людей, огибающие горы и равнины, эти цепи растягивались на дюнах гор и насыпей,

словно держа равновесие. В ту ночь под жёлтой луной происходило переселение народов. Они огибали горы, были живыми перешейками. Обнимали леса. Были плутавшими нивами, говорящими гобеленами полей. Окунались в ложбины, прогалины. Были как миражи. Какдвигающиеся перелески, разных родов деревьев, ищущие свои корни. Мрачные чёрные горы, как клыки титанов клацали, увиваемые низким тембром ветра. Было похоже, что это горы и пели, провожая народы, как провожал Карлен и другие солдаты всех их своими глазами. Ветер дул, и не от силы его или холода, а от звука и пения пробегали мурашки, как и сон отбегал от Карлена. Ему хотелось спать, но глаза закаленные от ужаса, не хотели закрываться. Он сидел в машине, одной рукой держа спящего Корнеида, другой – фотографию своей возлюбленной. Он вместе с другими офицерами и солдатами сидел в камазе в карманной темноте на краю, смотря на отдаляющийся пейзаж. Всмотревшись в темноту, увидя, что все спят, он незаметно поцеловал фотографию, и долго думал о ней, а также о родителях и маленькой сестренке. Он просил у них силы.

Когда они приехали в поле. То увидели, что к полю пришло небольшое подкрепление, и оно уже роет окопы. Пришла информация, что скоро сюда придет армия аспирийцев, которая стремиться нагнать их и отомстить, за то, что было сделано на площади. Была дана задача держать их здесь, ибо примерно в этой деревне проходит граница. Их нужно держать, пока ни придёт более весомое подкрепление. Теперь они солдаты новой страны. Своей личной страны. Родины, которую нужно защищать.

Карлен оставил Корнеида в одном из домов. В доме, из окна которого на него смотрела девушка тогда на построении. Она оказалась дочерью местного священника, и он чувствовал подобострастие и доверие к ней. Он оставил мальчика ей, а сам обещал за ним вернуться после боя. По дороге беженцы, связанные родством, в своих колоннах находили друг друга. Это было не сложно, каждый знал друг друга. А парня никто не нашёл. Его родители навряд ли спаслись, поэтому он решил забрать его домой к себе и сделать его своим братом. А пока он окопался со всеми остальными и лёг в обнимку с автоматом немного поодаль, спрятавшись во ржи, растянувшись меж двух насыпей борозды. Танки, что у них были замаскировали в лесах по бокам, чтобы они начали обстрел незаметно.

Карлен обратил внимание на деревню. Чёрные дома, красные крыши. У всех. Как и у церкви. Дома были обязаны быть того же цвета, что и церковь, чтобы было понятно под чьей эгидой дом. В его деревне были такие же правила. Вот только у них стены белые, а окна и крыши бардовые. Он снова подумал о доме. Об отце, матери, маленькой сестре. Как же хочется побыть с сестрой. Бывало он долго так лежал у себя дома на дальнем берегу озера. Никто его не мог найти. Только сестренка могла, а потом ложилась вместе с ним смотреть на блестящие звезды в чёрном небе, в чёрной летней неге. И луна, как женщина была укутана в этот чёрный шёлк. Карлен вспоминал свою любимую. Как она ему улыбалась. Это улыбка постоянно его окутывала. Её присутствие, её отсутствие, но все же любимая, бередящее сердце, обволакивающее или раскалывающее. «Мария поцелуй её за меня, пожелай ей спокойного сна», - прошептал он вслух своей одинокой тишине, подумав, что она уже наверняка спит. Та, кто отвергла его; та, кто не захотела разделять с ним жизнь, которая была ему уготована.

Тишину нарушал лишь только ветер. Он он гулял по полям, а потом Карлен заметил, что это вовсе не ветер, а горы. Когда небо покрылось сеткой кракелюра, горы дрогнули дуновением дудука. И из их пик полились души водопадом вверх. В сверкание неба.

Он долго лежал и о многом молился, трогая бусы на своей шее. Его веки тяжелели и закрывались, и вдруг разом проснулись, когда раскатано прогремел мстящий танковый выстрел.

Выстрел попал в соседнее поле. Земля чёрным всплеском подпрыгнула вверх. Карлена оглушило; он со звоном в ушах стал ползти к своим, сильно при этом прищурив глаза. Он стал двигать челюстью, чтобы заложенность и звон в

ушах отпустило. Он дополз до своих. Перевалил через насыпь и плюхнулся в окоп к остальным. Все уже приготовились к изготовке: легли, расставив ноги, прицелившись вперёд. Рядом лежал лейтенант, и как только он стал говорить, слух шумной волной вернулся. «По моей команде, - все лежали по фронту и ждали, танки стали полить по бокам из перелесков, отбирая внимание врага, - ждем, товарищи, перезаряжай, - прозвучала команда слева, и команда стала дублироваться вправо офицерами каждого взвода и отделения, - ждём пока они приблизятся». Враги сами продвигались, не стреляя в дугу. Они шли танками вперёд, отстреливаясь от танков по бокам, и думая что большая часть армии там же, а не со стороны деревни. «Бьем их кучно, по команде «Огонь» стреляй. Ждём, товарищи, уже скоро». Враг все подходил. Карлен никак не мог нормально поместить оружие: никак не мог нормально упереть приклад в плечо, цевьё казалось таким далеким, а насыпь чуть высокой, куда он положил дуло. Так получилось, что оружие смотрело куда-то вбок и наверх, а надо было чтобы смотрело ровно прямо и низко, так, чтобы попасть в цель за сто метров, которая ползёт по земле.

И наконец: «К бою, огонь!» Команда прокатилась волной, но ни одного выстрела не последовало. «Давай, давай, огонь!» И по среди дуги прозвучал выстрел, и за ним беспорядочно последовали все остальные, и полился горизонтально по земле град сверкающих искр, вспахивающий землю, убивающий людей, орошающий землю их кровью.

Карлен начал стрелять. Один выстрел - нормально. Второй, третий, четвёртый и даже пятый. Попал, не попал, черт его знает. Они в одной стремнине. Они одна река. Они сеют пулями новый мир. Стоял такой грохот, что он сразу быстро оглушил: ведь стреляли, и слева от него, и справа, создавая сумбурное, беспрестанное, беспорядочное положение: уши заложило, отовсюду шёл серый дым едкого пороха, удушающего; гильзы от соседних автоматов отлетали, ударяя по пальцам, по голове, обжигая. Карлен уже не смотрел вперёд. Закрыв глаза. Да какая разница. Бьем в одну точку. Этот беспорядок стал его пугать. Хотелось уже отстреляться и все, да побыстрее.

Стреляли долго. Впереди была серая поволока, кою решетили пулями. Душа редела. А враг, наверное, тоже: ведь ничего не видно. Было даже не понятно близок ли день. Началось ли смеркаться. Ведь бой шёл уже так долго. Уши ничего не слышали. А глаза слезились от дыма. Постепенно боеприпасы закончились у тех и у других. И бой продолжился со шпагами. От боя танков все вокруг полыхало огнём.

Карлен отбивался. Все тело уже ныло. Тела громоздились друг на друга из мертвых и живых. Эта человечья гора громоздилась дугой, изгибаясь к самому небу. Все возвышаясь и падая; возвышаясь и падая. Танковые снаряды так вспахивали землю, что земля переодевала наизнанку свои поля, они казались почерстевшими, обгоревшими гобеленами. Каждый взрыв, каждый всплеск земли отдавался аккордом органа в голове у Карлена: «Отец, ты ли эту музыку играешь, где ты?» - стали крутиться его мысли в голове с сумасшествием. Чёрные простыни уносились ветром, цепляясь за обгоревшие нагие ветви, и порванные накрывали горы. «Отступаем! - вдруг прозвучала команда своих. И все рванули к домам. Словно бежали домой от войны. А за ними бежал враг, как и они в своё время бежали за врагом в Красном городе.

Два войска, цепляясь друг за друга, стали пробираться через поля, разрушенные стены домов, сквозь огонь, сквозь дым и разруху, сквозь горящие леса. Карлен побежал к Корнеиду. Мальчик вместе с девушкой прятался в доме, сидя на корточках на полу. Стоило Карлену к ним подойти, как ударившись в его бок, его повалил вражеский солдат. Карлен начал отбиваться. Враг занёс шпагу и полоснул его по груди, разорвав китель, так что вся грудь открылась, оставив кровавую нишу. Он снова занёс, но уже чтобы воткнуть шпану, и тут на его спину набросился Корнеид, держа застывшие, казалось на секунду, руки с ножом. Он повалил его своим весом на пол. Солдат быстро встал на колени и замахнулся

шпагой на Корнеида. Карлен, коря своё тело за слабость, уже отчаялся, а девчонка, увидев эту картину взвизгнула, но внезапно для всех, с не менее громким взвизгом в дом влетела птица. Огромная птица. Разбив окно, она влетела в дом когтями вперёд прямо на солдата. И стала его царапать. Солдат пятился назад, отмахиваясь ножом. Птица все страшно визжала. Корнеид, прикрыв свои глаза и повалившись на бок, через щель меж пальцев, видел на стене играющую тень, как птица, неистово махая крыльями, царапала человека. Карлен, воспользовавшись ситуацией, нащупал рукоять своей шпаги, встал и влетел во врага со сверкающим смертельным выпадом.

Солдат обнял его тело, они выпрямились во весь рост. Птица улетела. Стало очень тихо. Слух снова вернулся. Тело солдата, как мокрая одежда – отлипнув от Карлена, тяжело упало на пол, оставив его в лёгкой истоме. Карлен вдруг замер со своей голой разрезанной грудью, бусы свисали вниз. Девушка, подбежав к нему, сразу же увидела грудь и приклонила колена, взяв Корнеида за плечи, потупив голову. Не слыша ничего, она подняла на него глаза и увидела, что он спокойно смотрит в окно. Его ноги остались на ширине плеч. А на его глаза яростной лентой завязался рассвет нового дня. Поднималось красное солнце, отливаясь на его глазах, так же, как и зияла кровавая рана на его груди.

Он хрипло произнёс: «Встань, - она послушалась и встала, - береги мальчика, я скоро за ним вернусь». Приказал он ей и ушёл. Побежал общей рекой людей в горящие леса. Увидев там целые свои взвода, которые не смотря на гарь, пытались перевезти дыхание. Как только он к ним подбежал, все увидели его крест на груди, свисающий прямо у пупка, держащийся на розарии из белых бус. Половина солдат приклонились перед ним. Его лик окаймляли палые горящие листья, обжигающие мужественные ланиты. Вся оставшаяся армия стояла в лесу, перед Карленом стоял полковник, он поклонился ему. Карлен обратился к армии: «Меня зовут Карлен Магнифит, я хозяин этой провинции, на которой сейчас бесчинствует мой враг. И я пролью свою кровь, чтобы прогнать его территории, на которой стоят эти разрушенные дома. Я готов биться за разрушенные дома. Передо мной стоят мои ровесники, за спинами которых я не спрячусь, а лишь скажу, переполняясь общей злобой, - Карлен всеми своими гневливыми глазами смотрел на солдат, вселяя им решимость, - в бой наш последний, в бой наш священный, в бой, в бой!»

И тогда он взял горящий, тощий, тщедушный клён с темно-сиреневой горящей листвой, вырвал его с корнями, поднял вверх, взмахнул шпагой и закричал: «За мной!» Так они стали теснить врага, вытеснили из лесов, через деревню, обратно в поле. И там бились пока все не легли или не сновались потерянными.

Эта битва закончилась, а Карлен стоял на коленях, не в силах подняться больше. Он смотрел на некогда разноцветное, но уже выжженное поле. Подпирал своё тело рукояткой шпаги, вонзившейся в землю.

Корнеид нашёл его вместе со священником и полковником. Корнеид подбежал и также опустился перед ним на колени.

- (Улыбнувшись ему) ты уж прости, братец, но дальше ты без меня. Как тебя зовут?

- Корнеид.

- Корнеид, - еле улыбаясь и задумавшись повторил он, - а фамилия есть у тебя? – но Корнеид промолчал. – Конечно есть. Запомни. Тебя зовут Корнеид Магнифит. (Священнику и полковнику) помогите моему брату найти дорогу домой, скажите моему отцу, что Корнеид наследник моей власти. (Корнеиду) моя семья – теперь твоя семья. Моя мама, мой отец, моя милая сестренка теперь твоя семья. Заботься о них. (Улыбнувшись) а также не забывай своего брата. – Корнеид его внимательно слушал, и правда относился как к старшему брату. – Мои поля твои поля. Мои поданные, твои поданные. Моя жизнь с её испытаниями и бременем правления – твоя. Теперь ты – это я. Хорошо это запомни. – Корнеид не понимал, что именно Карлен имеет в виду. – Защищай моих людей. Оберегай их. И

последнее...

Карлен потянулся к своей груди и снял крест. Он поднял его на фоне солнца, и смотрел как свет его поглощает, как бусины розарии тонули и истаивали в круге солнца. Смотрел на свою власть, а потом перевёл взгляд на мальчика. «Хоть бы не ошибиться. Думаю это правильно». - подумал он. Он взялся за розарии двумя руками, расправил бусы пошире, и медленно, подчёркивая важность момента, наделил Корнеида Магнифита властью, а сам отрекся от неё: «Отныне я нарекаю тебя Корнеидом Магнифитом, хозяином провинции». Они обнялись, как полагается братьям и попрощались, поклявшись помнить друг о друге. Он велел Корнеиду идти, а сам упал навзничь, растянув ноги, поймав по всему телу истому от холодной земли. «Ну вот теперь я могу думать о тебе любимая, не думая о времени». Он вытащил её фотографию, это последнее, что он хотел видеть. На чёрный смог навалился лёгкий снегопад, покрывая колючими снежинками рыхлую жжённую землю. Карлен лежал и смотрел на снимок, пока его глаза ни закрылись.

В тот день, когда умер Карлен, начались темные времена.

Часть 2. Темные времена.

С пятого этажа он видел церковь. Уже темнело. Солнце спряталось за гребнем гор, отливая красный оттиск своего последнего вздоха дня на перламутровую корку льда озера и на золотой крест. Он стоял у окна и видел в отражении свой темный силуэт прямо перед собой. Этот силуэт был затоплен пейзажем. На груди у него были улицы, на голове горы, озеро и небо. Горизонт превратился в лестницу на горы из градации цветов заката. И на лбу золотой крест, словно пригвозденный к этому закату. И весь этот пейзаж нарушало лишь его дыхание прилипшее к стеклу.

Было холодно. В своей новой квартире с черными стенами, холодным, дощатым, скрипящим полом, чьи дощечки были выложены елочкой, можно было увидеть лишь одну картину: его жена и его дочь в одежде, укутанные одеялами, лежали на раскладушках возле буржуйки, похожей на цилиндр с трубой, выходящей в окно. Час света уже прошёл. Больше в этот день ничего важного не будет. Свет включали лишь на час в день. Такое распоряжение было нового правительства, когда было объявлено, что страна находится в блокаде. Дрова также было запрещено добывать вырубкой леса. Это уже запретил новый хозяин провинции. Поэтому сжигали мебель, книги. Очень хорошо горели пропагандистские книги ушедшей власти. Еды всегда было мало. Можно было бы, хотя бы, добывать рыбу с озера, но и это запретил хозяин провинции. Он держал всех в страхе и подчинении. Он не был законным лидером – он был обыкновенным бандитом. И тот, кто прекословил и попирали его указы, он изгонял из города. В основном это были, конечно же, мужчины. Их семьи оставались без главы. Дети и старики могли остаться одни в холод и голод, а мужчина попадал на фронт. Так в итоге и случалось, просто жители деревни этого ещё не понимали. Война только началась, государство оказалось в блокаде, а фронт был так близок. Городок находился недалеко от места, где нашёл свой покой Карлен.

У окна стоял истинный хозяин этого города – Роберт Магнифит. Он смотрел на свой старый дом – базилику, где теперь жил его враг и враг его сына. У печки лежали его жена и дочка – Кнара с Талией. Семья не так давно узнала о гибели солдат на том поле. Талия уже успела выплакать своё детское горе, а мать лежала, не спала, смотрела на своего дражайшего мужа, дрожащего у окна.

«Кто ты такой, чтобы так ко мне относиться. Что я тебе сделал? Я – человек вечно преданный тебе. Твой верный сын. Я ни разу не сомневался в твоей власти и ни разу тебя не предал. Я всегда тебя прославлял. И чем ты мне оплатил? Какой славой я удостоился? Ты отнял у меня все: моего сына, мой дом, мое уважение и власть, данную мне моим отцом. Разве я просил об этой власти? Никогда. Я получил её по твоей воле и не противился. Я принял твою волю. А теперь твоя воля такова, чтобы унижить меня. Моя семья, мой народ в нищете и в страхе под тем, кто сейчас сидит в моем доме. В доме моего отца. В твоём доме. Мой враг, враг моего сына. А что ты сделал с моим сыном? Убил его? За что? Уж он-то справедливее нас всех вместе взятых. Это что, воля твоя? Да нет у тебя никакой воли. Без тебя здесь все решается. Слышишь меня? Без тебя. Сила правит – не ты. Сильный побеждает слабого. Ладно я. Ладно моя семья. Ты столько невинных принизил, а разбойников возвысил. Позволил им все это. Вот она воля твоя. Свершилась... я отрекаюсь от тебя. Нам с тобой больше не о чем разговаривать. Чтобы ты не делал, ты предал меня. Я тебе этого не прощу. Иди своей дорогой, и об одном тебя прошу позволь и мне идти своей без тебя. Так будет лучше. Да, так будет лучше».

Так думал про себя Роберт, смотря на храм у озера. Он не так давно пришёл домой. У окна он стоял и ждал покупку, которую заказала Кнара – её должны были

привезти с минуты на минуту. Она считала, что так дома будет потеплее.

Роберт Магнифит, худой и высокий человек в серых брюках и в широкой рубашке, заправленной в них. На плечах всегда висит пиджак. Рукава рубашки закутаны, обнажая загорелые волосатые руки. Длинные пыльцы упираются в ладони сжатых кулаков. Щеки у него впалые, скулы выразительные, подбородок длинный и треугольный. Щеки ошетинились серой щетиной. Волосы у него были темно-русого цвета, короткие по бокам, а наверху кудрявились.

Стук в дверь. Ну наконец-то принесли. Он уже думал, что обманут, а ведь жена, можно сказать, отдала последние деньги за них. Да и вещи не дешёвые сами по себе. Он отворил дверь. Женщины сонно смотрели в пол глаза на порог. В дом вошли двое мужиков и на своих плечах принесли два ковра, облокотив их к углу.

Когда они ушли, Кнара все-таки встрепенулась и подошла к мужу.

- Думаешь правильно, что купила их? Что-то мне все равно кажется, что это бесполезно. – сказал Роберт.

- Роб, лишними не будет. Я бы тут все обвесила бог знает чем, лишь бы Талия не заболела за эту зиму. – ответила ему Кнара.

- Они хоть красивые?

- Посмотреть не разрешили, да они и единственные были. Привезли прямо с границы. Видимо там дела совсем плохи. Продают, что видят.

- Ну давай раскроем один.

- Только тихо. Пусть Талия спит.

Роберт положил руку на один из ковров и толкнул его. Ковёр упал плашмя на пол, издав человеческий стон. Роберт и Кнара встали как вкопанные у ковра. Стон был отчетливый. Они точно его слышали. Роберт принялся разворачивать ковёр и увидел в нем мальчика. Кнара от увиденного вскрикнула так, что проснулась Талия. Это был Лев Розари. Еле дышавший. Он лежал, хрипел и смотрел на них обоих. Талия подбежала к матери и схватилась за её ногу, поглядывая на Льва. Лев посмотрел в её зеленые глазки, и пухлые щеки. У неё было темно-каштановое каре. Никого прекраснее чем она, он не видел. Находясь на пороге смерти, он влюбился с первого взгляда в её тревожный взгляд и пухлые белые щёки. И передумал уже умирать.

Роберт рывком приблизился ко Льву, взял его за плечи и приподнял к себе. Лев был не в силах держать даже шею – его голова свисала назад, а изо рта еле вырывался хрипящий стон.

- (Тряся его) парень. Слышишь меня? – Лев немного собрался с силами, приподнял голову и посмотрел на него. – Ты меня понимаешь? Как ты сюда попал?

Лев стал что-то говорить своим хрипящим голосом, но буквы тонули в словах от голода и душевной боли, будто слезы внутри стремниной залили всю гортань.

- Отец... - вдруг его глаза резко вспыхнули, выпучились и врезались в Роберта, - сестра... другой ковёр... ковёр.

Роберт сначала и не сразу понял, что он хочет сказать; но Кнара вспыхнув друг воскликнула: «Робер, в другом ковре!» Они оба схватились за него и положили рядом со Львом, стали разворачивать и увидели Элю.

- (Нежно) девочка... маленькая, красивая... посмотри, Роб, совсем как наша Талия.

Эля открыла свои ореховые глаза, и в них будто влажный месяц сверкнул. Такой живой красоты был оттиск её глаз, сразу прорезавшийся в души Роберта и Кнары.

- Роберт, надо их обоих в постель и накормить чем есть. Быстрее! – скомандовала она.

Роберт по очереди поднимал их и клал на раскладушки. Кнара их укутывала тем, что попадалось под руку. Талия пыталась помогать, рьяно суетившейся матери. Кнара поставила на печку кастрюлю с варёной картошкой. Она была дородной женщиной с сильными руками, нежной кожей и собранными черными

волосами.

- Ну вот, могу даже размять её, чтобы легче пошло. Талия, налей молока по стаканам, пусть пока остынет немного.

Она стала бегать вокруг детей. Они не спали, их веки дрожали, а глаза сквозь теньевую дрожь пытались сноваться по всем. Кнара все пыталась потрогать их лбы. И рукой, и губами, и щекой прильнёт, лишь бы хоть что-то почувствовать и понять. Она села рядом с Элей, стала её гладить по голове, заметив, что она не спит, стала с ней говорить.

- Какой волос у тебя красивый. Какая девочка аккуратная вся. Не одно мужское сердце разобьешь. Вырастишь красавицей, да? А глазки какие. – Эля ей улыбнулась, и Кнара ещё пуще заулыбалась её красоте. – А как тебя зовут?

- Её Эля зовут. – вдруг сказал Лев, у него хоть немного стали появляться силы.

- (Роберт) а тебя как зовут?

- Меня Лев.

- Откуда вы?

- (Зашипев на мужа) Роберт, сейчас не время!

- (Жене) подожди, я должен знать.

- Мы из Красного города.

- Как вы оказались в ковре?

- Наш отец нас в них положил.

- А где сейчас ваши родители?

- (Подумав) я не знаю. Папа положил нас в ковёр и сказал, чтобы молчали, потом были звуки, потом я почувствовал, что меня подняли... а потом не помню.

- Роберт, оставим их?

- Даже не знаю. Девать мне их некуда. Но мы не прокормимся в таком количестве. Пока пусть остаются, потом посмотрим.

- (Кнара – Эле) Да? Поживём вместе? Молчаливая такая, улыбаешься мне и все.

- Она немая. Не разговаривает совсем и не слышит.

- Немая? – задумчиво проговорил Роберт, резко повернув голову к окну.

Будто сам себе Роберт задал этот вопрос. Сумерки сгущались, отбрасывая красные квадрата от заката на чёрные стены. На потолке дёргалось жёлтое пятно от печки. И вдруг зазвенел монотонно колокол. Роберт и Кнара встрепенулись, подняли головы, глазами бегали по квартире, будто искали призрака в комнате. Они замерли, будто хотели увидеть само пространство. Монотонный колокол зазвенел радостным звоном. Перебивали друг друга колокола в своём хорале.

У Кнара выступили слезы.

- Роберт, это он. Это он!

Роберт с корточек ринулся, взял дубленку и выбежал из квартиры. Кнара занервничала, дала дочери наказ, чтобы не отходила от Льва и Эли, и, накинув куртку, побежала за мужем.

Люди стали стекаться к базилике с радостными возгласами. Роберт выбежал на улицу, все держа дубленку в руке, сжимая её. Легкий морозец сжал его в одной рубашке. Он бежал по замёрзшей застойной грязи. Хрустя ногами по палым листьям, заиндепевшим и съёжившимся. Он бежал, вбежав в общую стремнину людей, ведомых колоколами. Добежав до церкви, люди стали создавать полукруг, не заходя на ступени церкви, а на паперти стояли священники и новый хозяин города.

Добежав, Роберт стал расталкивать людей, чтобы войти в круг. Люди его пропускали, завидев через плечо. У него быстро билось сердце, работало как поршень машины. Ноздри раздулись. Руки устали уже всех расталкивать. Ныли. От частого дыхания горечь поселилась в горле. И вот он выскочил в центр. И только сейчас заметил: люди замолчали, колокол перестал радостного звенеть. А перед ним стоял священник держа за руку мальчика. И священник начал говорить.

- Я привёл Корнеида Магнифита, хозяина этих земель, где Роберт Магнифит, кто мне скажет?

- (Человек на паперти, разразившись злобным смехом) хозяина земель? Папаша, оглянись, здесь я хозяин.

- Вы, Магнифит?

- Слава богу нет, святой отец. Магнифиты здесь больше не правят. Карлен Магнифит ушёл в армию, и как я понял, уже больше не вернётся.

Человека, который это говорил, звали Ваш. Это был житель города, который, воспользовавшись кризисом, захватил власть у Роберта силой вместе со своей шайкой. В тот день город разделился на два лагеря битвы, но Роберт и Карлен проиграли ему. Ваш славился искусным мастерством в фехтовании. Он был непобедим. Это был низкий, но крупный мужчина с большим носом, с обросшими волосами на голове и бородой. Позади него стояли священники храма, которых на то время ещё не выгнали из него, они били в колокола, думая, что идёт Карлен, но, как и все, были разочарованы в увиденном. Дело в том, что мужчины решали свои вопросы только шпагами, и все знали, что Ваша может победить только Карлен. Ваш же в свою очередь хотел убить Роберта, но так как пол города были за него, то он не решался идти на него напрямую. К тому же ему нужен был крест, но его забрал Карлен. Убив Роберта, его власть не была бы полностью захваченной, а теперь крест свисал на ребёнке.

- (Вдруг, воскликнув) я - Роберт Магнифит.

- (Священник повернулся к Роберту) господин, примите мои соболезнования. Я видел вашего сына, он геройски погиб, защищая нашу землю и этого мальчика. Карлен Магнифит перед своей смертью передал ему власть. А также нарёк его полноправным членом семьи Магнифит. Его последним желанием было, чтобы мальчика считали его родным братом и родным сыном его родителей вместо него. – по полукругу, словно по амфитеатру пошёл шёпот. – Я клянусь богом, это было так. И я не единственный тому свидетель. Это информация передана старшим офицерам армии, которые передадут её королю.

И снова зазвучал дерзновенный смех Ваша, перебивший все шушуканья.

- Роберт, посмотри, как там говорится... взгляни на сына своего, да? – он смеялся, и его смех сотрясал сознания всех сочувствующих людей.

За спиной Роберта появилась Кнара и со слезами на глазах смотрела на ребёнка. Надо заметить, что маленький Корнеид был невероятно похож на Карлена – он был точной копией его в детстве. Такое ощущение, что это и был Карлен. Роберт смотрел на него и видел своего сына; война, словно убила его года, и они скорлупой облупились, и Карлен снова вернулся ребёнком. Слезы сотрясали всю грудь внутри Роберта и Кнары. А Ваш все не переставал смеяться над участью Роберта.

- Ну Роберт, скажи же, ты точно знаешь, как там он сказал, а? А, кстати, святой отец, с чего бы нам принимать этого сосунка за другого сосунка – Карлена Магнифита.

Священник обхватил шею мальчика и вытащил из под его куртки крест семьи Магнифит. Как только крест свис с его шеи, люди удивленно ахнули. На лице Ваша пропала улыбка, он уставился на этот крест. У него в голове начали закрадываться мысли, что у ребёнка забрать крест ещё проще, но тогда он и вообразить не мог, что этот мальчик трижды убьёт его. И Роберт, ранее недоверчиво относясь к этой истории, вдруг посмотрел наверх: «Ты правда сделал это, тебе было некому или ты в нем что-то увидел, сынок?» Он смотрел на небо. Только сейчас он увидел красоту облаков. Они громоздились и стекали друг на друга пасмурными оттенками. Он себя почувствовал крупницей перед их величием. Он ничто перед глыбой прямо над его головой. Эта притолока мира надсадно давила на него своей тенью, нарекавшая за его ранние слова. Будто сам бог, что-то сейчас говорит ему. Только он отвернулся от него, как он ему начал ставить загадки в виде трёх детей. Потеряв сына, он обзавёлся двумя и ещё одной немой дочерью. «Как

мне это понимать? И что я должен сделать?» Казалось, что только уйдя из дома бога, он начал возвращать его обратно. А исполинская тень облака все плыла над городом и улеглась на склоне горы, словно бог прилёг на неё и смотрел сейчас на Роберта.

Он вдруг прохрипел, но никто не разобрал его слова.

- Мать, взгляни на сына своего, сын, взгляни на мать свою.

Он повернулся, скользя пасмурными глазами по глазам людей, пока ни нашёл глаза Кнары.

XXX

- Мне надо бежать отец. - Карлен клал вещи в баул. Они стояли в пещере в виде храма. Свет от огня танцевал на наскальных образах.

- Ты не можешь уйти. – сказал ему Роберт, стоя у входа в этот храм на скале, в которую шумно задувал ветер.

- Ваш тебя не тронет, ему нужен только я. Я вернусь и свергну его. Соберу силы и вернусь в наш город. Тебе и маме придётся немного потерпеть. Но вы зато будете в безопасности.

- Когда ты вернёшься?

- Не знаю. – он снял с себя крест и протянул отцу.

- Он по праву твой. Я больше не правитель, а ты да.

- (Раздраженно) брось, отец, эти глупости, сейчас не время.

- Я не могу больше носить этот крест на глазах народа! Правитель ты, к тому же Ваш захочет себе этот крест, а так ты уйдёшь вместе с ним.

- Я тоже не могу сейчас править. Я ещё не готов.

- Я тоже так думал в твоём возрасте, но мне пришлось... и все же ты должен остаться.

- Из этого ничего хорошего не выйдет. Грядёт война. Люди не будут меня поддерживать, а Ваша я одолеть не могу. Я должен идти, этим самым я сохраню и себе и вам жизнь.

- Ты не потому уходишь. Ты уходишь из-за неё, я же знаю, Карлен. Ты любишь её, и теперь тебя все здесь гнетёт.

- Перестань... скоро начнётся война, я буду стоять вместе со своими людьми, а потом вместе с армией войду в город. Шпагой его не взять, сам видел.

Ветер выл, проносясь мимо пещеры. Огни свечей иступлено дергались, а как ветер стихал, свечи в истоме спокойно вытягивались. И лица образов оставались спокойными. Каменная Мария стояла вместе с тенями отца и сына. Ветер дул в пещеру, будто индеец, нападая, кричал, хлопая ладонью по губам. Уши закладывало.

- (Завязав сумку и встав перед отцом) ну что? Пришло время прощаться. – они обнялись. - Попробуй объяснить как-то матери, а к Талии не будьте строги, ей и без того нелегко. Хорошо?

- Как скажешь, так и будет, сынок. Мы будем ждать тебя. - он вышел из его объятий и положил руки на его плечи. – Помни кто ты такой, не давай своим чувствам погубить себя. Сейчас твоё сердце разбито, но это ещё не конец. Понял?

- Да, отец.

- (Кивнув головой) хорошо, ступай. И да хранит тебя Господь.

Карлен выбежал из пещеры и стал спускаться с горы. Роберт остался внутри, на конце нефа стояла каменная Мария и смотрела на него. Была ночь, молния сверкала из под облаков, Карлен бежал по узким улочкам своего города. Все дороги были тесные, буквально на одну машину. И дома стояли тесно фасадом друг к другу со свисающими простынями.

Он забежал в подъезд со стеклянной дверью, пробежал по винтовой лестнице и постучался в дверь. Ему открыл мужчина и резко отошёл назад. Карлен

властно прошёл в чужую квартиру и заглянул в тёмную комнату с пряным запахом женской постели. Карлен подошёл к своей любимой и разбудил её поцелуями. Та завидев его, накинулась ему на шею. Он побыл с ней немного. Она не отпустила его шею. Он молча поцеловал её в последний раз, говоря, что они всегда будут вместе, и ушёл.

Выходя из города, он обернулся. Молния сверкала, венчая светом все бугры, все долины вокруг его спящего города, который шёл от озера и храма.

* * *

Зима, наконец, воцарилась в городе Магнифит. На улицах лежал снег, на покатых крышах тоже шапками лежал снег. Теперь и дома и церковь были полностью белыми с бардовыми окнами, с голубой луной по вечерам. Весь город погрузился во мрак. Не горели даже фонарные столбы. Днём город был белес, а ночью от луны - голубоват. Луна отливала свой свет на снег и белые стены, от чего город казался фосфорическим и хрустальным от застывшего озера. Озеро было такое чистое, что лёд выглядел как зеркало. Когда вечером на час включали свет в городе, огни столбов и окон отражались в этом зеркале, будто в воде завелись золотые рыбы.

Когда давали свет, люди включали фоном свои телевизоры, гладили, стирали, в общем занимались необходимыми домашними делами, и все это за какой-то час. Когда давали свет, дети радостно кричали: «Свет дали!» А потом через час город мертвецки погружался в тишину и темноту. Люди стали поклоняться свету.

В одну из таких ночей в город Магнифит пришло войско. Это следовало ожидать: область была самой крайней и близкой к фронту, а в городе Магнифит живет правитель этой области – именно с ним они и должны сотрудничать.

Когда войско шло по городу, тени их шеренг мелькали по стенам домов, снег нежно скрипел под строевым шагом. Генерал армии фронта построил солдат возле церкви фронтом на неё, а сам вступил на ступени храма. Когда к ним вышел Ваш, генерал отдал воинское приветствие, а солдаты позади резко подтянулись, приосанились, встав смирно. Этим генералом был некогда полковник, общавшийся с Карленом.

Дети все выбежали на балконы, смотрящие тесно друг на друга, и повернули головы, кто направо, а кто налево, будто тоже равняясь.

- Равняйся. Смирно. Равнение на середину. Господин, генерал армии фронта прибыл к вам по приказу Его Величества короля для размещения в этом городе воинской части, мы в вашем распоряжении и ждём ваших следующих указаний по размещению армии в городе.

- (Поджав губы) что ж, хорошо.

Генерал повернулся к войску с приставленной рукой.

- Вольно! – и повернутся обратно к Вашу, протягивая документ, - эту бумагу нужно подписать, она свидетельствует о том, что вы расположили войско в этом городе.

- (Читая документ) куда потом он пойдёт?

- После сам король поставит на неё свою резолюцию и печать.

- Хорошо, надеюсь ничего, что здесь не моё имя? (Протянув руку) ручка есть?

- Не может быть такого, документ несколько раз проверялся на опечатки. Вы же Роберт Магнифит, насколько мне это известно, отец Карлена Магнифита?

- (Раздраженно) нет, я вообще не Магнифит. Магнифиты здесь больше не правят.

- (Спросив строгим командным голосом) я вас не очень понимаю, а кто правит?

- (Увидев, что его хотят подогнуть, Ваш подобным голосом ответил) я,

хозяин этой земли.

- (Ещё на один тон, повысив голос) это право утвердил за вами король?

- (Издвательно) нет, он этого ещё не успел сделать. Видимо был занят своими другими королевскими делами, да это и нева...

- (Повернувшись к нему спиной) фронт! Кругом!

- Что это значит?

- (Спокойным голосом, вкладывая в него свою правоту) это значит, что либо вы мне говорите, где сейчас находится мальчик и Роберт Магнифит, либо...

- (Злобно и взявшись за шпагу) либо что? Нападете на меня? (Улыбнувшись) ах да, это не ваше дело.

- Где сейчас символ власти?

- (Засмеявшись) у маленького ребёнка. Что, его величество, приказало подчиняться ребёнку во время войны?

- (Вступив на ступень, на которой стоял Ваш) не надо оскорблять короля в моем присутствии. Я вас предупредил. Сейчас война, королю может быть будет не до ваших здесь внутренних споров, но я уверен, что он не оставит церковь во главе преступника.

Генерал повернулся и стал искать семью Магнифит. Все войско растянулось по улице перпендикулярной церкви, шагая меж двух рядов домов. Люди на своих длинных балконах кричали генералу, направляя его к нужному подъезду. На их тентах, что над балконами, спадал и ударялся об перила снег. Из их окон на балконы выходили множество труб от буржоек. Наконец он нашёл стеклянную дверь в подъезд. Прочитал фамилию Магнифит возле двери наряду с другими фамилиями. Поднялся по винтовой лестнице и постучался в дверь.

Дверь открыл Роберт и впустил его в квартиру. Генерал вошёл и был неприятно удивлён увиденному. Пока ещё горел свет. Семья обзавелась мебелью, но все равно жила бедно. В центре кухни стояла буржуйка, мальчики сидели возле неё в одеждах. Кнара бегала по кухне, пыталась успеть сделать все дела, ей помогали девочки. Соседняя комната была обставлена кроватями с буржуйкой у окна. Было понятно, что в ней спят женщины, а здесь на кухне, на раскладушках в окрест печки спали мужчины.

Генерал сначала стоял на пороге. Роберт положил ему руку на спину, пригласив войти. Генерал стал снимать обувь, но Роберт сказал ему, что это лишнее. Он неудобно начал ступать по дощатому скрипучему полу, этот скрип увещевал его все больше в увиденном шаг за шагом, пока он ни ступил на ковёр. Роберт предложил ему сесть на раскладушку рядом со Львом, а сам, посадив Корнеида на коленки, сел на раскладушку напротив. Роберт и Кнара уже успели привязаться к детям, они их считали своими родными. На Корнеида они смотрели, как бы смотрели на Карлена, вернувшегося с войны, и очень сильно его любили.

- Вы семья Магнифит?

- Да, это мы. Я – Роберт, моя жена Кнара, мои сыновья - Лев и Корнеид, мои дочери - Талия и Эля.

- (Все вместе) здравствуйте.

- (Невольно смущенно улыбнувшись) здравствуйте. В первую очередь примите мои соболезнования по поводу лейтенанта Магнифита, он был славным юношей и очень храбрым... – Роберт, кротко и резко кивнул головой, он посмотрел на документ. - Да, здесь ваше имя, Роберт Магнифит. (Осекшись) виноват. – он встал в стойку и отдал приветствие.

- Пожалуйста, не надо. Садитесь, спокойно обсудим вашу цель визита.

- (Протягивая документ) это приказ короля расположить армию в вашем городе, именно отсюда солдаты будут направляться на фронт.

- Хорошо, я обязательно подпишу, но прошу вас вместе с этой бумагой выслать королю заявление о передачи моих полномочий другому.

- (Возмущенно) простите меня, вы что, собираетесь отдать свой крест преступнику?

- (Посмотрев на него) что? А, нет! Что вы?! Моему сыну, Корнеиду.

Генерал посмотрел на мальчика у него на коленях и увидел, что на шее у него мелькают розарии, как когда-то он видел на Карлене.

- Но он ещё несовершеннолетний, а вы, однако, ещё не стары. Думаю, ваш сын был бы не против, чтобы вы взяли этот крест обратно.

- Однако он передал его не мне, а мальчику. Я не имею право его забирать.

Генерал посмотрел в чёрные глаза Корнеида, а Кнара смотрела на мужа через плечо, нарезая на столешнице ужин, она прекрасно понимала, почему муж не хочет нести крест.

- (Раскрыв руки, жестом прося Роберта не торопить события) позвольте узнать у вас, что здесь произошло?

- Когда начались беспорядки, человек в церкви напал на мою семью, его поддержали мужчины нашего города. Его целью было выгнать нас из церкви и забрать крест.

- Как я понимаю, у него это получилось, всё, кроме последнего пункта.

- (Кивнув головой) когда начался призыв, мой старший сын Карлен не попадал под него по моей прихоти, но зато попали другие ребята. В основном все. Даже из семей, где этот парень был единственным ребёнком. У меня не было выбора, правительство каждый раз, имея сведения о населении, присылало мне все новую цифру на призыв. Я понимал, что грядёт война, и не мог отдать единственного сына. Это понесло за собой недовольство к Карлену. На нас напали, я и мой сын боролись с Вашем и его сыном. Между моим сыном и сыном Ваша уже существовал и без того конфликт на другой почве. Ваш настроил против нас пол города, когда другая половина защищала нас. В итоге здесь произошла вооруженная стычка. Все четверо получили ранения. Но в ту ночь мы все-таки ушли из церкви сюда, а мой сын направился на войну, чтобы недовольство стихло к нашей семье. Он также забрал с собой крест, став фактически правителем. Но в битве у границы, насколько вам это известно, он умер, как впрочем и все ребята там. Перед смертью он передал крест Корнеиду, такова была его последняя воля. Я же в свою очередь прошу вас выслать заявление, где за Корнеидом будет признана моя фамилия уже официально.

- Я это сделаю, можете не сомневаться. Но почему вы не вернёте себе власть шпагой? Я не имею право вмешиваться в ваши дела, я военный, мое дело война, но я смогу удерживать народ при свержении этого преступника. Все увидят вашу решимость, а главное – силу.

- Это невозможно. Я только погибну. Ваш непревзойденный фехтовальщик. Его не смог победить я, его не смог победить даже мой сын, а он был лучше меня в фехтовании. Сейчас моя главная задача заботиться о своих детях.

- Не только о детях, но и о народе.

- Нет, это уже не мое дело. Моё дело подготовить к этому Корнеида.

- Позвольте, это ваше дело. Если вы хотите, чтобы сын правил, то к его зрелости вы должны заработать себе авторитет.

- Я не могу. Ваш и его уроды дышат мне в спину.

Между ними встала Кнара и поставила кастрюлю с водой на буржуйку, а потом быстро отошла, не мешая разговору.

- (Подпрыгнув на месте) да-нет же, вы можете, армия вас будет поддерживать, на вас никто не нападет. Поймите меня правильно, я не имею право вмешиваться в ваши дела и разжигать ненависть в гражданском населении, да ещё и во время войны, но я обязан защищать хозяина провинции, в данной сложившейся ситуации, это вы и мальчик. Прошу вас, вы должны подготовить его. Моя армия должна видеть крепкого местного лидера. Они пришли бороться за свою страну и за свой народ. А в качестве народа они будут видеть население этого города. Вы обязаны дать пример.

Роберт слушал его и понимал, что если армия будет прикрывать ему спину, то он сможет и дальше предпринимать действия по управлению. Он отрёкся от

бога, но не от человека. Он обязан был исполнять волю своего сына. Корнеид должен встать на ноги и править. Это будет возможно только с личного примера Роберта.

- Вы правы, мой генерал.

- Ну вот, я рад это слышать. Если мы будем помогать друг другу, то вот увидите, мы обязательно выстоим эту гадину. Делайте то, что считаете нужным, и не бойтесь за свою безопасность или безопасность детей. Теперь это наше дело.

- (Уйдя взглядом куда-то в себя) да... да, вы правы.

- Быт армии будет зависеть во многом от наших с вами указаний. Вам не надо будет ничего предпринимать. Дайте указание, солдаты выполнят. Даже если это противоречит указу того преступника. Будет мешать армии, значит будет арестован. А вы вернётесь домой. Так что вы в выигрыше, не надо вешать нос. Видите, всегда из минуса можно извлечь выгоду. Из этих выгод мы с вами и слепим себе победу.

- (Все ещё задумчиво) да...

- (Хлопнув в ладони) итак, армии на первых парах нужны будут дрова и еда.

- Еды у нас мало. А дрова придётся рубить.

- Ну леса вокруг полно, если что пойдём за озеро...

- За озеро не пойдёте, генерал, там живут григорианцы, это их лес, нам не нужны лишние проблемы. Дрова быстро закончатся, они нужны всем на время зимы.

Кнара опять прервала их разговор, встав между ними с доской и овощами на ней в одной руке и ножом в другой. Ножом она скинула овощи в воду.

- (Думая, что неправильно понял) простите, как это, григорианцы живут в лесу?

- Это древний народ, они не приняли религию и не хотят её принимать, они так и остались жить своими племенами. Это было очень давно, но так все и осталось.

- (Помотав головой) я припоминаю, мои родители мне рассказывали об этих людях. Так, ладно. (Раздумывая) значит придётся тратить нашу солянку. Я распорядюсь, чтобы привезли керогазы.

- Так как урожая мало, я предлагаю делать обмен: мы вам часть нашей еды, а вы нас обеспечите дровами.

- Да, это разумно. (Заискивающе) видите, уже начинаете управлять. Сразу видно, есть опыт.

- Единственное только, что и еды так тоже не хватит.

- Сейчас всего будет мало хватать, но ничего не поделаешь. Время такое, придётся затянуть пояса. Мои солдаты должны нормально питаться, если мы хотим выстоять.

- Да, это правда. Но у нас дети, они тоже должны расти, а старики, они должны ещё жить.

Генералу не нашлось, что сказать, но вдруг сказал Корнеид:

- А можно ёлку?

- (Генерал) ёлку?

- Ну мы же будем рубить деревья... можно нам ёлку?

- (Лев, подхватив) да, пожалуйста.

- (Кнара, строго) так, а ну ка тихо мне... (Генералу) прошу прощения.

- (Генерал - Кнаре) ничего, ничего, а он вообще прав, да? Война войной, а рождество рождеством. (Роберту) в лесу есть ели?

- Да вообще-то есть. Но им целая и не нужна, опушки хватит, другое пусть идёт на дрова.

- Хорошо, рубить все равно сейчас будем, а то не заснём. Нарубим всем детям по опушке. Как вам? От вашего лица будем раздавать.

- (Усмехнувшись) да, хорошо.

- (Льву и Корнеиду) ну что, а рубить дерево пойдёте?
- (Корнеид) да! (Роберту) можно?
- (Талия) а можно мне тоже пойти?
- (Кнара) ну начинается, сейчас все пойдём смотреть как ёлку рубят, да?
- Кнар, ничего пусть идут.
- Мои солдаты их приведут обратно. И как раз вы с ними и раздадите ёлки.
- Хорошо. Что ж, спасибо. - встал Роберт, пожимая руку генералу.
- Ну что вы. Будем с вами товарищами.

Генерал взял всех четверых детей с собой. Электричество вскоре отключили, и Роберт с Кнарой остались в темноте. Они улеглись и укрылись вместе от холода, рядом с печкой. Дрова в ней трещали. Дыхание жены ударялось об грудь мужа. Холод бередил все тело. Оно дрожало и сжималось. Горло было холодным и слегка воспалённым, постоянно пытаешься сглотнуть, унять неприятность, елозя языком по нёбе. Этим самым щекоча всякие уличения внутренних слов на свой быт.

В ту ночь тишину нарушали глухие удары топора. Генерал учил мальчиков правильно сечь топором по дереву. Это был сосновой лес. Ночью от красных крон в лесу было светлее чем в городе. Раздавались глухие удары один за одним. Дерево падало странно стеной, будто мяли пенопласт, и этот стон простирался по всей длине ствола, и оно падало на землю с грохотом, поднимая рыхлый снег. Дети зажимали уши, выжидая грохота при падении дерева, но оно глухо падало, слегка пружинясь при падении хвойными ветвями.

Потихоньку дети учились жить подобной жизнью. Они дружили в этом быте и росли, защищая друг друга. Они были братьями и сёстрами. Ходили в одну школу и учились вместе. Все делали вместе. Дочки помогали по дому матери. Роберт учил мальчиков фехтовать. Пацанам это очень нравилось. Роберт также учил детей слову божьему. Мысли он их учил также искусно, как с терпением орудовать шпагой. Он заострял их мысли и взгляд, оттачивал их ум. Делал их глаза острыми в тёмные времена, прядя в их некрепких сознаниях свет. В конечном счете, в семье появилась неподдельная любовь друг к другу. Роберт и Кнара полюбили своих новых детей также, как и Талию. Они и забыли, что нашли двойняшек в коврах, что один из сыновей был на войне. Кто мог подумать: обычно война уничтожает, убивает все живое, а в случае Роберта и Кнары, война породила детей. Да, именно детей. Детей, растущих и развивающихся. Скоро они вырастут. Мальчики получают власть. Талия и Эля станут для обоих нерушимыми опорами. Хоть Корнеид и правитель, но их братство и учение Роберта о том, что только глупец держит власть целиком возле себя, сподвигнет их властвовать вместе. Это как жизнь, она дана, чтобы ею распоряжаться и пользоваться. Жизнь, что и власть, данные нам богом, которые мы разделяем между любимыми людьми. Жизнь шла. Дети росли. В воздухе у родителей стоял вопрос - кем вырастут их новые дети? Вспомнят ли они, что их жизнь ещё с детства предоставила им право мести? И каждую ночь топора глухо ударились по сосне, раз за разом. Удар за ударом. И с каждым ударом мальчиков, и каждым домашнем делом девочек, они все четверо росли.

Удар за ударом. Холодная ругань шпаг. Вздыхающаяся пыль. Крики людей, движущийся круг. И в центре Роберт сражается с юношей. Звенели шпаги, а вместе с ними бились неистово с подобострастием их сердца. Жизнь вот-вот прервётся. Нить жизни разрежется со звоном чей-то шпаги. С её сияющим блеском холодного луча. Драка подобралась к паперти храма. Белые ступени стали покрываться тонкой поволокой песка и крови юноши. Роберт был гораздо искуснее. Юноша не хотел убегать. Сначала он на него напал, движимый своей стремниной чувств, эта его святая внутренняя река обещала ему победы, но теперь он понял, что чувства его обманули. Он проигрывает. По спине течёт пот, раны зудят. Глаза боятся. Ноги на лестнице трясутся. Атака становится поползновенной. Противник спокоен, и взглядом, и дыханием. Солнце, сволочь, печёт. Да и не понятно, что лучше сейчас - холод или жар. Что комфортно для опасности? Для смерти. Удар. И ещё удар. Шпаги уже не танцуют, одна рвётся вперёд уже неуверенным выпадом, другая ловит и парирует, издеваясь.

Наконец Роберт поверг его на ступени и движущийся амфитеатр замолк. Барабанная дробь сердец. Бежевая пыль так поднялась, что материализовала солнечные лучи. Они прорывались из кучевых, словно пригорелых капитель - облаков, и сразу же переселялись в застойную пыль в воздухе. Крест злато горел. У юноши из рёбер текла кровь на белые ступени.

Роберт занёс шпагу и боковым зрением увидел блеск новой. Это была шпага Ваша. Начался новый бой. Удар. И ещё удар. И бой перешёл в бесконечный быстрый танец, завораживающий, с поющей сталью. Удары были такими быстрыми, что взбивали пыль, вырисовывая вензеля. Бой был так искусен, что соприкасались лишь концы шпаг то сверху, то снизу. Глаза бегали, ища движение шпаги в пыли. Сердце билось, секунды в минуте ускорились, боясь пропустить удар. И вот Роберт оказался раненым. Ваш посмотрел на истекающего сына, а потом на Роберта. Вдруг его взгляд поднялся над Роберта головой. Роберт положил ладонь на грудь. Его нет. Крест лежал у двери церкви.

Ваш приблизился, потянулся за крестом, но не успел схватить, как дверь дерзновенно вышибла его обратно на лестницу. И на арену вступил Карлен в своём мундире с золотыми бортами и обшлагами. Он поднял крест и надел его на себя. Со звоном вытащил свою шпагу. Обожженные чёрные облака упали драпировкой, соединившись с пылью, и через всю эту массу стали процеживаться капли дождя. Поволока пыли намочала и её масса стекала по волосам и лицу.

Карлен единственный, кого боялся Ваш. Он был молод, силён, властен и искусен со шпагой. С внутренним, клокочущим рёвом Карлен полетел на него. Его удары были очень тяжелы, а ярость в глазах пугала всех. Это был юноша с гневливыми глазами и аскетичной внешностью. Его дух побеждал, шпага лишь орудовала. Но шпагами они уткнулись друг в друга. Карлен в ногу, Ваш в плечо. И оттолкнули, отбежали назад держа равновесие.

Карлен приподнял окровавленную шпагу к глазам, остриём к Вашу. Ваш обошёл его, взял сына и, выставив шпану перед собой, попятился назад. Карлен также взял отца и вошёл домой в базилику. Когда промывали раны, он сказал всем собирать вещи и уходить в квартиру. Эта квартира опустела, в ней жил мужчина, ушедший в армию на фронт. Отцу он сказал, что будет ждать его в храме, что в скале. В тот вечер умер сын Ваша, и Роберт, узнав, что убил человека, отказался от власти.

Белые снежные лоскутки аккуратно и беззвучно ложились на тишину города. Они тонко примостились на парапеты балконов, на откосы и подоконники окон, на чёрные и мокрые ветви деревьев. В узких рядах меж домов, абсолютно вертикально без колыхания ветра, опускался сказочный занавес. Все пространство от снегопада стало пятнистым и нежным в темное утро.

Роберт и мальчики в сумеречное утро стояли на зеркальном озере, хлюпая по слою талой воды, лежащей на льду. Перед ними стоял дикий лес, чьи тоненькие, чёрные веточки были пронизаны снежной паутиной и казались более пушистыми чем летом. А позади стоял их город – снег уже полностью стусеивал его хлопковым одеялом, будто простыня, скользящая по голой женской спине.

Сами ребята стояли, как маленькие черточки на огромном зеркале, в окрест него лежала промозглая до корней земля займища.

Роберт и мальчики сделали несколько прорубей и пытались удить рыбу или опускать сетку, чтобы поднять раков. Но ничего у них не шло. Роберту нужно было достать откуда-то еду, жители города голодали после сделки об урожае с генералом. И хоть в домах теперь всегда тепло, но теплом не накормить своих детей. Теперь они, растянувшиеся на одеялах под стрекот дров в огне, показывали свои вздувшиеся животы.

Достать что-либо из этого озера никогда и ни у кого не получалось: озеро было будто подвластно жителям леса. Спустя несколько часов бесполезного удила, Роберт начинал злиться потому, что понимал о необходимости идти к ним и просить у них право на эту рыбу, но это также было невозможно, потому что он знал, как они дают это право чужому.

И все же они пересекли озеро и пошли в лес. Они шли в его глубь. Чёрные кроны захватили их в объятия своей снежной купы. Кроны со стороны озера были занесена снегом, словно масло, намазанное на хлеб, а со стороны леса были не тронуты. Ветви деревьев грузно нависали под тяжестью пригоршней снега. Снегопада уже не было, но с ветвей так и соскальзывал снег, глухо падая в сугроб. Деревья были длинные. Мальчики поднимали свои головы и смотрели, словно через множество ставней ветвей, как высоко вытягивались их пики, пронзая серый купол, словно исторгая из него ещё больше снега, дабы укрыть свою наготу.

Деревья все прорастали из тумана, сгущались, покрывая своей рябью их взгляд. Вдруг один за одним стали появляться незнакомые люди с разных сторон. Слева. Справа. Сзади. Спереди. Один. Три. Десять. И вот их уже около двадцати, стоявших широким кольцом, своей окружностью стягивая и направляя чужаков. Этот круг странных людей в мехах, теряющийся за деревьями, привели их в свою общину. Они сидели на маленьких ложбинах, в прогалине леса, в их главе сидела женщина, не старая, как можно было подумать, а даже юная своими годами, с выбивающимися светлыми волосами из под мехового капюшона, с выглядывающими зелёными глазами из темноты. Роберт с детьми подошёл прямо к ней.

- (Сделав рукой, чтобы он остановился) зачем без приглашения вступил ты на мою территорию?

- Это не твоя территория, а моя. Я пришёл к тебе просить о помощи, я хочу заключить с тобой союз.

- (Пренебрежительно) кто ты такой, чтобы заключать союзы, и говорить, что ты на своей территории?

- (Разведя руки) я - Магнифит, - люди вокруг стали шепотом произносить его фамилию, - я знаю, что моя семья никогда не дружила с вами, но я пришёл просить не за себя. Мой народ голодает. Многие наши мужчины служат в армии, остались лишь старики, женщины, дети. Им всем нужно что-то есть. Я пришёл просить у вас разрешение на рыбу в вашем озере.

- (Фыркнув) мы не станем делиться едой с христианином.

- А я и не христианин. Я ничем не отличаюсь от вас. (Усмехнувшись) да и мой народ ничем не отличается от вас. Вы можете придти в город и сами увидеть, что люди поклоняются не христианскому богу.

- (Разозлившись) что ты мне голову морочишь, Магнифит. Ты пришёл тратить моё время, чтобы рассказывать мне тут свои сказки? Какому богу тогда поклоняются они?

- Вашему богу. Богу света, богу солнца. – сказал Роберт, понимая, что играет с огнём. А народ вокруг заволновался

- (Подняв руку, все замолчали) как ты это докажешь?

- А если докажу, то что?

- (Начиная опять злиться) не тебе мне здесь условия ставить!

- (Поставив перел собой руки, успокаивая её) ладно, хорошо. Если надо доказать, докажу, но с одним условием, что будете делиться едой, мы же в свою очередь будем помогать вам, чем захотите, – видя недовольные и незаинтересованные лица людей он внезапно для себя добавил, - даже землёй, - люди вдруг вспыхнули гласным негодованием, он увидел, что задел их, и стал продолжать - вы сможете жить в домах вместе с нами и свободно жить без гонения церкви, - люди загалдели ещё больше, но женщина их умолкла одним мановением руки.

- Как ты хочешь выполнить своё обещание? Ты сказал, что ты Магнифит, но правитель ли ты?

- (Поджав губы) прими моё восхищение, - сказал ей Роберт, чтобы расположить её к себе, она хоть и была дикаркой, но была весьма хитра и спокойна для дикарки, - нет, ты права, я не хозяин здешних земель. – все вокруг опять стали недовольными, но Роберт быстро их взял в свои руки, дикарка была хитра, но и у Роберта хитрость была главной чертой его характера. - Правитель прямо перед вами, - указав на Корнеида, - мой сын вместе с вами вырастит, вас в будущем и будет защищать. Тот, кто помогал народу в темные времена навсегда останется нашим другом, вы будете ему подчиняться, он же не будет трогать вашу культуру. Он ребёнок, у вас отличная возможность подружиться с ним прямо сейчас и начать все с чистого листа, - люди вокруг одобрительно закивали и зашебетали.

- (Задумчиво) вот этот ребёнок? – она вперила свои глаза в глаза Корнеида и долго смотрела, будто читая что-то в нем, она хитрыми глазами посмотрела на них и подняла кверху руку. – Если хочешь что-то взять, нужно чем-то платить. Если хочешь что-то взять у природы, для начала ей верни кое-что, - смотря на мальчика, улыбнувшись, а после, переведя свой взгляд на Роберта – зажги свой город и покажи нам, как он горит, - у мальчишек от удивления вытаращились глаза, но Роберт не с меньшей хитростью смотрел на язычницу, - мы знаем, что вы погрузились во тьму, мы хотим увидеть, как ваш город будет гореть. Тогда и рыба к вам пойдёт, и мы к вам пойдём, увидев, что вы также бездомны как мы.

- Идёт.

- Идёт? – удивленно.

- Да.

- Через несколько дней, ты увидишь ночью, как горит мой город.

- Пусть горит всю ночь.

- Хорошо.

Они шли обратно по озеру в город. Озеро было таким зеркальным, что отражало в себе горы, будто они шли по ним. Роберт шёл в тишине, потупив взгляд к ногам. Его легкая хитрая улыбка оттенялась на лице. Мальчики ковыляли за ним. По их немым шагам, он понимал, что они считают его соглашением вопиющим. И на середине пути Роберт остановился. Они стояли в самом центре свинцового полотна этого озера. Между лесом и горами с одной стороны, и городом с горами с другой стороны.

- (Кивнув на них) ну, что думаете?
- (Корнеид) как мы сожжем город?
- (Лев) зачем вообще с ними надо было договариваться?

- (Присев на корточки) договариваться нужно уметь со всеми. Моя семья всегда думала, что, не разговаривая со своим врагом, она показывает силу, но она не показывала ничего больше собственного упрямства и глупости. Будь сейчас на моем месте мой отец, он бы лучше заставил своих людей голодать, чем договариваться с врагом о еде. Но лично я не вижу ничего дурного заключать перемирие.

- (Корнеид) а я вижу, они просят сжечь наши дома, это не мир.
- Да, ты прав, это вовсе не мир. И мы никогда на это не пойдём.
- (Лев) но мы пошли на это.

- (Лукаво) а вот и нет. Кто из вас услышал, что дома нужно сжечь, а? Такого разговора не было. Они хотят видеть, как горит наш город. Города горят не только огнём, но и светом. (Поставив указательный палец) а что такое свет для нас?

- (Корнеид) электричество?
- И все?
- (Лев) а что ещё?

- А разве это не самое важное событие любого нашего дня? Что важнее – молитва богу или свет каждый день? Разве свет не заменил нам бога? И разве это не есть язычество? – Роберт улыбнулся, и дети вместе с ним.

- (Корнеид) часа нам не хватит. Она сказала всю ночь.

- Да, уговор был такой. Я вам покажу, как это сделать. В этом нам поможет армия, когда мы дадим им ещё больше.

- (Лев, воскликнув) ещё больше? У нас тогда ничего не останется.

- За все приходится платить мальчики, в этом эти язычники оказались правы. Но вот, что я вам хочу объяснить: никогда не бойтесь подчиняться.

- (Корнеид, степенно) мы не должны подчиняться, мы хозяева.

- (Строго) поверь мне сынок, если ты хочешь уметь командовать, то тогда ты должен для начала научиться подчиняться. Это касается всех хозяев и господ. Как они слуги в чем-то тебе, так и ты служишь в чем-то им. Запомни это и заруби себе на носу. Лев, это и тебя касается.

По свинцовому озеру, словно рыбы, проплыли отражения птичьих облаков. Маленькие воронята пригоршней чёрной листвы вылетели из леса, ероша заволоченное серое небо, дабы посидеть на крышах домов.

На том Роберт и порешил: солдаты часто ехали в главный штаб, в столицу и приезжали обратно, что-то привозя с собой. Роберт попросил у генерала много электроприборов, электрокабелей, очень много маловольтных лампочек, аккумуляторов от машин. Он попросил все это на возмездной основе, поэтому и заплатил малой едой: ведь все это он вернёт рано или поздно. Когда давали свет, он шёл часовой волной, сначала один микрорайон затем второй. Получалась мозаика из света и тьмы. Он подумал, что если подключить левый свет к микрорайонам с главными щитками, то соседний микрорайон подучит два часа, а следующий три часа и так далее. Но было необходимо, чтобы свет шёл не лесенкой, а появился везде и в одно время. Для этого нужно было, чтобы один микрорайон и желательнее с главным щитком, горел не час, а сутки, тогда если сделать слабую электросеть из кабелей и аккумуляторов от этого микрорайона, а также в малых количествах использовать эту сеть, то можно зажечь весь город; но так зажечь можно было микрорайон лишь только одним способом.

Пока Роберт с мальчиками и солдатами создавали эту сеть по городу, каждую ночь этой работы он рассуждал о злой иронии – она вот-вот должна была свершиться, и в одну из ночей она произошла.

В ту ночь Роберт создавал эту сеть без мальчиков с малым количеством солдат. Под конец он всех распустил, делая последние штрихи. Сеть они создавали от крайних микрорайонов к главным, чтобы сеть не заработала раньше времени. В

последний день работы Роберт был со шпагой на поясе. И наконец в главном микрорайоне его ждал один из людей Ваша, вооруженный шпагой. Это уже было не первое покушение на Роберта. Ваш желал ему и всей его семье смерти из-за погибшего сына.

Микрорайон, а в последствии и весь город затопило электроперепадами, город подмигивал звёздам своими огнями. Снег все падал между домами. Зажигались цветастые витрины магазинов. Они шли бесконечной стеной на первом этаже у всех жилых домов, не было такого дома, под которым не было бы ни магазина, ни кафе или гаража. Все эти помещения глубокой ночью зажигались, если человек проходил мимо них, этим самым освещая ему на время путь. Вереницами, жёлтыми змеями зажигались столбы домов. Из деревянных, закрывающих окна, ставней сочился свет. Они исполосовали собой всю улицу.

Мужчина со шпагой побежал на Роберта, и с его бегом витрины зажигались и потухали, а со столкновением шпаг, город погрузил их во мрак. И вот завязалась драка. Свет выключился, оставив их в накрахмаленной темноте. И с каждым визгом шпаги комки снега спадали с подоконников или с дерева. Они дрались на улице, где стояли обрезанные тополя со страшными ветвями в разные стороны. Они дрались под ними и снег спадал с ветвей, попадая под шиворот. Вороны кричали, перелетая с ветки на ветку. Звезды на небе пряталась под заволоченным небом.

Они валялись на снегу, оставляя его на своих замшевых спинах. Они замахивались друг на друга, когда один лежал, промахивались, оставляя полосы на снегу. Они валялись как грязный войлок на заснеженной картине. Они разговаривали сталью втихомолку в мрачном городе. Страшные ветви тополей держали звезды на небе, словно рождественские деревья – огоньки. Решающий взмах. На снег вылилось немного крови, разогрев его. И приняла в свои холодные объятия снежная улица поверженного Робертом.

И в ту ночь зажегся везде свет. Это и была жертва. Таков был закон государства. Когда в микрорайоне умирал человек, ему давали свет на целый день, чтобы осуществить похороны. Вот такая жертва новому богу.

Роберт опустил свои иступленные дрожью кисти в снег и умыл их. Кисти рук дрожали, а глаза не сходили с убитого. Холодный ветер играл на застывших жилах. Ветер гулял по его спине и волосам. Казалось, что он ещё жив, но только метель тщетно пыталась взъерошить в нем жизнь. После Роберт сказал всем, что будет убивать любого, кого к нему пришлют. Так и было. На Роберта готовилось много покушений со стороны Ваша, сам-то он не шёл, боялся военных. Но всех кого он отсылал, возвращались ему зарезанными, и каждый этот день город горел все ярче.

Жители леса, увидев хитрость Роберта, заплатили ему тем, о чем была у них договоренность. Они дали ему соль. Когда эту соль сыпали в воду, рыба начинала удиться, а раки садились на сеть. И больше никогда не было голода.

* * *

Просека в лесу уже давно была проторена Робертом. Он не раз бывал в их лесу и уже смог его хорошо изучить. Это был монстр абсолютно из всех деревьев, словно вся история зодчества, отобразившаяся в одном древнем здании.

Он лежал в поседевшем лесу на куске шкуры в одной из ложбин вместе с белокурой хозяйкой. Они сидели в области темно-бардового клена – эти деревья никогда не расставались со своими листьями и пытались удерживать снег на своих ветвях над головами Роберта и хозяйки.

Они много разговаривали. Много пили. Вся обстановка темно-бардового клена была пьяной. Роберт и жители леса праздновали скорый приход весны; однако холода землю все не покидали: земля была зажата холодным кольцом, был слышен холод, источаемый из одеяла снега.

Несмотря на то, что зима подходит к концу, ещё нужно было держать людей

в тепле. Тот маленький перелесок, что был возле города Магнифит, был вырублен, и теперь Роберту ни что не оставалось, как просить у своих новых друзей о разрешении пользоваться их лесом.

- Ты же знаешь, что я попрошу что-то взамен.

- Зачем, что-то просить взамен. Мы пережили зиму, возможно блокада снимется уже к следующей зиме, город будет расширяться и развиваться, так как останется армия, даже когда война закончится, а она рано или поздно должна же закончиться. Я сдержу свое слово: вы будете жить в домах, ваши дети станут жить лучшей жизнью, а лес и это озеро, все станет моим. Я просто хочу воспользоваться своей будущей землей чуть пораньше.

- (Улыбнувшись) ты очень хитрый, Магнифит. Не думай, что я забыла, как ты воспринял наш договор.

- Я забочусь о своих людях, так же как и в будущем буду заботиться и о вас.

Ты бы на моем месте делала тоже самое.

- (Внезапно) сколько у тебя детей?

- Что?

- Я тебя спрашиваю, сколько у тебя детей?

- Ты про моих?

- (Нетерпеливо) да, про твоих.

- (Лукаво улыбнувшись) ты же видела моих сыновей...

- (Игриво цыкая) не ходи вокруг да около. Говори!

- Что ж. Четверо.

- И все родные?

- К чему ты клонишь?

- (С чувством превосходства) к тому, что я знаю про твою семью, но раньше в ней было двое детей. И один был взрослый.

- (Изменившись в лице) война уже успела изменить мою семью.

- Ну так что, все родные?

- Нет, только один.

- (Повторив, протянув слово) один.

- Да.

- Я помню только двух мальчиков.

- Они всюду идут за мной. Они должны учиться.

- (Указав на него пальцем) это ты правильно делаешь. Но послушай. Это не просто лес. Это наша культура. Многие будут недовольны, если она будет гореть в ваших печках, чтобы вы согревались; однако наши будущие поколения жить в нем не будут, а старые уйдут. Я не исключаю, что при нашем союзе, наши будущие поколения станут, как вы, и примут христианство. Ты как-то мне сказал, что наш союз будет укрепляться потому, что твой сын с малолетства будет обогащаться с нами культурой.

- К чему ты клонишь?

- (Приглаживая свои волосы руками) наш закон всегда прост, взаимнообмен должен быть справедливым. Если хочешь забрать наши корни, тогда пусть правитель Магнифит приобщится к своим корням. Если твой сын с крестом и твой другой, родной ребенок поселятся в храме, который в пещере, то наш с тобой союз будет крепок навсегда.

- Поселятся в храме?

- Да. Ведь вы с этого начинали. На сколько я знаю, в той скале жили первые Магнифиты. Это ваши корни: ведь так? Пусть новые Магнифиты о них вспомнят. И докажут себя достойными. Война ещё нескоро закончится, Роберт. Вам будут нужны, и тепло, и еда. А то армия вас в конец обдерет. Обещаю тебе, это единственное, что я тебя прошу. Только не вздумай меня опять обдурить. Твои дети должны жить в этой пещере и выйти от туда, когда они станут сильными, способными взять твою власть в свои руки. А пока пусть учатся и живут, как

первые христиане. Сделаешь это, считай, что с момента их поселения, мы отныне твой народ, а вся наша земля теперь твоя. Не сделаешь, значит мы больше не друзья. Выживай как хочешь. Без нашего леса, рыбы и мяса.

- (Злобно) если ты думаешь, что я действительно сделаю это, то ты сошла с ума.

- (Поддавшись чуть вперёд) поступай, как знаешь.

Возвращался от неё Роберт под вечер, окружённый в окрест жемчужным туманом. Он расходился вокруг него. Так странно. Всегда кажется, что впереди тебя ждёт туман; однако когда идёшь, то не видишь, как ты в нем тонешь. Оно курилось, бродилось, сгущалось, протекало над озером и затопляло город. Сквозь туман зажигался вечерний часовой свет и маячил ему издалека. А он все плыл, скользя по льду. И почему он не проделывает это путь на коньках?

Туман протекал в его голову, бередил воспоминания прошлой жизни. «Что скажет моя жена? Я должен это сделать. Я глава семьи. И как настоящему лидеру, мне будет необходимо их всех обидеть. Этот поступок, как и все мои поступки, будут припоминаться и осуждаться. Именно из-за них, через их призму, я буду искажаться, как нелюбимый человек. Как нелюбящий муж, как непонимающий отец. Я обречён властью быть таким человеком. Я обречен жить в нелюбви. Нелюбовь. Какое необычное слово. Разрушающее. И все же моё. Как странно: ведь я не восседаю в церкви, ведь не я несу крест. Неужели власть сама решает в чьих руках покоиться?»

Он посмотрел на свои руки. Шершавые снежинки приземлялись на них. Он ногой вытер поволоку снега со льда и посмотрел на своё отражение, через отражение проплыла рыба. Он посмотрел на горы, обросшие маленькими кустами, обнесенными снегом, словно притягивающим магнитом. Роберт вытащил шпагу и все смотрел на своё отражение

XXX

На паперти храма, облокотившиеся к перилам, стояли Роберт и Карлен. Карлен вышел на улицу, чтобы покурить – вот он уже сворачивал себе новую сигарету и смотрел исподлобья на недовольные массы людей на площади, что перед базиликой, и на, выступающего, сына Ваша. Он стоял на коробке, возвышаясь над головами жителей Магнифит.

Карлен сворачивал сигарету, зажав фильтр в зубах, и смотрел на него присущим себе волчьим взглядом. Его улыбка злобно ослабилась. Весь его дух трепетал и вырывался из груди, дабы задушить этого человека, упасть вместе с ним в пропасть и разбиться. Карлен испытывал, всей своей вытягивающейся шеей, приосанившейся спиной, дрожащими от ярости руками, сверкающими глазами, всю стремнину, разливающегося внутри гнева. Всю свою фитильную, запальчивую душу, уже искрящуюся в потёмках.

И вот он чиркнул спичкой и зажег сигарету.

- Жители Магнифит, что это за правитель такой, который ваших сыновей отправляет на бойню, которые даже не знают, не застали начала этого конфликта. Они виновны в том, что доросли до войны. Он отправил туда всех ваших сыновей, кроме своего, нашего будущего правителя. Он продолжает отправлять ваших мужчин, но не идёт туда сам, и не отправляет своего сына. Может ли он заботиться о семьях, о которых он обязан заботиться. Он ничего не делает. Как церковь вам помогает? Ведут ли они себя, как подобает? Нет. Карлен Магнифит сватался с девушкой, которая обещала мне свою руку, она ему отказала из-за меня, а теперь Роберт Магнифит отправляет меня на войну, чтобы избавиться от проблемы. Я к вам обращаюсь, чтобы спросить вас, если наш лидер нас не защищает, зачем нам ему подчиняться?

- (Карлен, разозлившись) я прямо сейчас убью эту сволочь.
- (Роберт, остановив) он этого и добивается. Не будь так глуп. Иди в дом, спрячь мать и сестру, а потом возвращайся, если увидишь, что я дерусь.
- Ты что, я тебя одного здесь не оставлю.
- (Тыча пальцем ему в грудь) сначала наша семья. Делай то, что я тебе говорю. Я то смогу продержаться, но не долго. Если сюда придёт Ваш, одолеть его получится только вдвоем.

***

Жаркая ночь. Простыня мокрая от пота. Тело елозит по ней с бока на бок. Освобождаясь от простыни, скомкав её под себя, вытягивая все тело, купаясь в росе, вытаскивая ноги с кровати, оставляя их на весу. Ветерок, еле уловимый, колыхается по ним, даря наслаждение, истому, проливающуюся по всему телу, готовой всем объятием кинуться к ветру.

Вся взмокшая от жары, Кнара проснулась от шороха. Рядом она не нашла Роберта, а услышала шорох в соседней комнате, где спят дети. Босыми ногами по дощатому полу она пошла на кухню, натягивая на потные руки халат. Вошла в тёмную комнату, где нет окон в отличие от её. Полная темнота без фосфорного и

холодного оттенка луны. На ощупь, на шорох, продвигаясь вперёд. И вдруг зажглась свечка. Огонёк шипением проснулся и растолкал сгустившуюся, лоснящуюся темноту.

Тёплым силуэтом в темноте показалось лицо Роберта. Уже довольно постороннее. Избороздившееся морщинами. С седыми кольцами кудрями. С осунувшимися глазами, посветлевшими. С потупленным, вытянутым лицом. Со согбенной спиной. Он преподносил огонёк к детям. Сначала к Эле. Она так спокойно спала. Она невероятная красotka. У неё был природный загар. Темно-молочная нежная кожа. Точно такого же цвета длинные волосы. Тоненькие розовые губы. Отточенная фигура. Сейчас её ореховые глаза спят, но если бы они посмотрели на тебя, то ты бы увидел этот блеск в виде тоненького месяца в каждом глазу. А как она смотрит. Будто нарочно кокетничает, хоть Роберт, если увидит, то будет сильно ругаться на неё, и Кнаре придётся за неё выслушивать. Она лежала в кремовой наволочке на боку, поджав немного коленки, а простыня змеей собралась параллельно ей.

Рядом спал Лев. Её опора всей жизни. Правда беззаботная сама по себе эта опора. Любитель попить кофе, пофехтовать и посмеяться лишний раз. Красивый. Во многом похож на своего отца, но гораздо крупнее телом. Его мускулистое тело лежало, раскрывшись, положив руки за голову. Простыня закрывала ему бёдра. У него были все те же толстые губы, а голова смотрелась теперь соразмерно его мускулистому телу.

Старик смотрел с негодованием. «Когда? Они были маленькими детьми вчера, когда я их нашёл, завернутыми в ковёр. Боже, а я тогда каким стал?»

- (Строгим шепотом) Роба, ты что, детей разбудишь.
- (Протягивая руку, плохо видя её) Кнар, подойди, подойди ко мне.
- (Ворча) ну что такое? Чего вскочил?
- (Взяв её за руки) Кнара, посмотри на меня.
- Чего мне смотреть, идём спать. Завтра посмотрю. – сказала она и хотела было его потянуть за собой.
- (Удерживая её) нет, смотри на меня сейчас.
- Ну что, Роба? – сказала она, своим выражением показывая ему, что устала.
- (Пристально посмотрев) я постарел, да? Когда я успел постареть? Ещё вчера вечером я отвёл Корнеида и Талию на гору.
- Роба, что с тобой? Плохо себя чувствуешь? Хочешь, завтра дети сюда

придут? – сказала она, сначала улыбнувшись на вечное дурачество мужа, но увидя, что он говорит серьёзно, она забеспокоилась о нем.

- (Умоляюще) подожди, Кнар, ведь я вчера был молодым, как я так состарился?

- Дорогой, посмотри, мы оба состарились. Что тут поделаешь? Ты заснуть не можешь? Это из-за климата? – спросила она, погладив его по руке.

- Не знаю.

- Пойдём спать?

- Нет, сделаешь мне кофе?

- Ну нет, Роб, дети проснутся. Сядь, я тебе воды холодной налью, - она взяла бутылку из холодильника, в городе на то время уже было электричество, - давай я тебе лёд кину, у Левы осталось немного, только два кину не больше, а то простудишься у меня, а мне бегать потом за тобой. Мало мне работы. – она дала ему стакан и села рядом за стол.

- (Смотря в стол) Кнар...

- Шепотом говори.

- Скажи, ты все ещё веришь в бога?

- Ну верю, конечно. – застенчиво улыбнулась она от такого вопроса.

- Ты можешь, мне сказать о чем ты его просишь?

- (Усмехнувшись) эх, Роба, да ни о чем уже. Мне главное, чтобы у детей наших все было, чтобы Талия и Корнеид домой вернулись, чтобы заботились уже о нас стариках. У нас с тобой уже сил таких нет. А они все вымахали. Пора бы им заботиться о нас. У нас с тобой целых два взрослых мужика.

- Ясно. Скажи я был плохим мужем, да?

- Зачем ты такое спрашиваешь?

- (Пожав плечами) Карлен на войне умер. Талия с Корнеидом выросли вне дома. Не знаю. Все это допустил я, а ты их мать...

- (Взяв его за руку) Роба, пожалуйста, это все, ты не то говоришь. Не надо думать, что в этом виноват ты. Такова была судьба, я как женщина приняла это, точно также, как, когда была молода, приняла тебя. О чем ты? Наши дети живы, здоровы. И мы с тобой слава богу тоже.

- И все же у меня такое ощущение, что я виноват перед тобой.

- Если ты не спишь из-за этих глупых мыслей, то напрасно. Никто из нас не виноват. Или виноваты оба. В любом случае вместе. Мы всегда с тобой во всем вместе. У нас с тобой четверо детей. Это не мало. – говорила она, и чувствовала неприязнь ко всем этим вопросам и мыслям, так как когда-то действительно винила мужа.

- (Привставая) я пойду прогуляюсь. Не могу. Жарко, ей богу, уф.

- Нет, Роб, иди лучше душ прими, никакой улицы.

- Я просто пройду.

- А мне просто сидеть и ждать тебя, да? Заняться мне больше нечем ночью. Дожила я до старых лет, чтобы ждать тебя ещё на ночь глядя.

- Ничего не случится. Пару кружочков, ты же меня знаешь.

- Смотри, чуть что, сразу домой иди. - Роберт стал надевать пояс со шпагой еле-еле так, что Кнаре пришлось ему помогать. – А шпага то тебе зачем, родной?

- Ты у меня не умничай, я все ещё в силах ею махать, ясно тебе.

- Ясно, ясно. Но гулять и без неё можно.

Роберт вышел из своего подъезда. Была жаркая, летняя ночь. Звезды на чёрном куполе были выскоблены, как на щите, медленно крутящемся над городом. Все дома были увиты бегониями, розовыми и белыми цветками, они венчали все чёрные решётчатые парапеты длинных балконов, своими стеблями они поднимались до пятого этажа, увивая как виноградные лозы. Все балконы они заволокли собою, словно живой занавеской. Их приходилось срубить, они дико росли и зарастали внутрь дома, если их не трогали. Они не всегда были в городе, лишь последние несколько лет, они украшали собою город. С их приходом город не

навещала больше лютая зима, она покинула людей вместе с жаркой войной и блокадой. Война продолжалась но уже более холодно. Город развивался и расширялся. Король стал больше внимания уделять городу, расширяя его до моря. Было стратегически важно из-за новой войны сделать этот город центральным в приграничной области. Совсем недавно, до описываемых сейчас событий, король начал замечать ситуацию с семьёй Магнифит и по окончании войны обещал заняться данным вопросом. Вопрос все ещё был сложным, в городе царило двоевластие, и многие были за Роберта, а многие и за Ваша.

Но блокады больше не существовало. Была еда. Был свет. И был бог. Люди стали в него верить в тот момент, когда в их жизнь вернулось благополучие. Из-за чего, и Роберт, и его сыновья сделали про себя выводы, что бог, искусство и культура - это все хорошо, но тогда, когда сыт их народ.

Теперь работали все кафе и все таверны. Люди стали много сидеть в тавернах. Стало не хватать мест, и столы выносили на улицу. В переулках ночью было не пройти, там все было заставлено столами и стульями в карманной темноте с маленькими огоньками за каждым столом. В семье женщина не хотела по выходным стоять у плиты, она хотела отдыхать со своим мужчиной и детьми, поэтому приходилось есть в таверне. От прошлой плохой жизни и бесконечного зноя солнца, в людях появилась некая лень. Они спят днём, обязательно приходят с работы, чтобы всей семьёй пообедать, хотя раньше мужчины и женщины ели отдельно вне зависимости от возраста. Сначала ели мужчины, потом садились за стол уже все женщины. Лев в своё время насмеялся над этими традициями и ел всегда вместе с сестрой и Кнаррой, видя, что Эля обижается на все это. Женщин стали больше преподносить к любви и уважению, они же в свою очередь стали более уважительно относиться к мужчинам и даже больше их слушаться.

Люди обедали, а потом пили кофе. Много кофе. Кофе стало главным напитком. Лучше всех делал кофе в семье Магнифит - Лев; но он делал его не так, как все – он не просто варил его в турке, он был очень избирательным к зёрнам и к их обжарке. Он стал добавлять в него молоко, от чего Кнара постоянно ругалась, что она не успевает покупать его, а когда все пили горячий кофе в жару, он пил холодный и приучил всех так пить в своей семье.

А ещё у людей появилась привычка проводить все свои дни на балконах, а так как дома стояли тесно друг перед другом, фасадом к фасаду, а дорога между ними была шириной в ширину одной машины, то можно понять, как все семьи обедали плечом к плечу. Все двери в квартирах были открыты, чтобы гулял сквозняк по дому, и можно было увидеть, что делает соседняя семья у себя дома. Семья напротив Магнифитов была с маленькими детьми, Эля часто сидела на балконе и смотрела, как мама с грудным ребёнком на руках качается в такт колыбели, стоя в своей спальне.

В городе стало много кафе и магазинов. У каждого второго уже был маленький магазинчик. И Льву хотелось открыть свою кофейню, где бы он варил кофе лучше кого другого и своими методами. Он знал, что новое поколение это все воспримет.

Эля на то время жила мыслями о своём бале. В городе Магнифит в начале лета танцевали на улице, весь город превращался в карнавал и праздник. Не так давно до описываемых событий, где-то неделю назад, она пригласила Корнеида быть её кавалером, на что он согласился. Именно уже как неделю Корнеид и Талия не спускались с горы, и от них не было никаких известий, а они не поднимались к ним из-за многих хлопот. Но Эля была счастлива, она не переставала любить своего Корнеида. Она понимала, что она немая, и ей говорили, что танцы это не совсем её, но Корнеид, с присущим ему гневом, как у Карлена, быстро всех осадил в семье и пообещал быть с ней. Эля ждала этого дня больше всего, когда они будут танцевать, а сверху на них будут сыпаться лепестки бегоний. Это была новая традиция – сыпать лепестки на танцующих, не только в выпускной, а всегда, когда

человек танцует. Когда цветов под рукой не было, люди комкали салфетки и кидали их вместо цветов.

А ещё в городе всегда стоял немного вонючий запах от оливок. Он штурмовал все улицы, но к нему быстро привыкли. Плантации оливок испещряли все поля у гор, как раз там, где жил Корнеид с Талией. У Корнеида появилась привычка все время есть эти оливки, и подолгу сосать косточку, как у Льва появилась привычка грызть кофейные зёрна. Корнеид и Лев были настоящими братьями, даже не друзьями, они забыли о том, что когда-то давно у них были разные родители. Они часто тренировались в фехтовании, когда обучение Роберта с ними закончилось, они стали тренироваться друг с другом на горе. Росли они, конечно, по-разному. Один рос в цивилизации, другой на горе. Один не увидел ужас геноцида, другой впитал его в себя. Корнеид вырос и ничем не отличался от своего предшественника Карлена в буквальном смысле. Он стал Карленом. У них была одна внешность, голос, манеры, привычки и характер.

Роберт вышел из своего подъезда, направо шла дорога в глубь города и в гору, а слева дорога выходила на площадь и на их фамильную базилику.

Храм был в виде креста. Он стоял на главной площади особняком от всего города близ озера. Конечность креста, что стояла лицом к городу, была фасадом этого здания. Вся базилика была построена из белого камня, который уже стал серым, с темно-бардовыми шатровыми крышами из восьми скатов на каждой части креста, во главе которых посередине, у перекрестия, стоял бельведер с колоколами, с такой же крышей и с золотым крестом на ней. У базилики были огромные арочные витражи.

К стенкам базилики, со всех сторон и со стороны фасада, были прилеплены апсиды. У этих апсид и были арочные витражи сиренево-голубого цвета. Апсиды делились на два этажа. На первом этаже полукругом апсиду облегал аркада с колоннами и плетённым архивольтом, а на втором этаже точно такая же аркада – вот только поменьше, а вместо колонн – пилястры. Между первым и вторым этажами был красный плетённый фриз. И вход в базилику был через переднюю апсиду, которая продолжалась папертью с треугольным крыльцом и с множеством ступеней, будто храм стоял на высоте. У фасадной апсиды были с двух сторон по две пилястры, они не заканчивались капителью, а выходили за пределы крыши, заканчиваясь наверху в виде статуй. По линии крыши паперти была расшита ступенчатая цепочка из кронштейнов. У паперти был фронтон. В поле этого фронтона были изображены статуями святые, смотрящие на город.

Роберт посмотрел на неё и пошёл к горе, кто-то пил кофе у себя на балконе, он обратился к Магнифиту.

- Здравствуйте, Роберт.

- (Подняв голову и всматриваясь) добрая ночь, уважаемый.

- Вы что не спите в такое время?

- Уф, да разве это возможно, жарко, честное слово.

- Поднимайтесь, выпейте кофе. – человек был слегка виден через заросли бегонии.

- (Поклонившись балкону) о, спасибо, но я пойду, погуляю, стар стал, надо ноги размять.

- Кофе точно не будете?

- Да-нет, какой там, жена ругаться будет, она мне запрещает на ночь кофе.

- Ох уж эти женщины да, что себе позволяют. Вот так стареешь, слабеешь, и они начинают командовать; а что подделаешь, кто другой ухаживать будет за нами?

- Это да, не говорите. Это верно. (Махнув рукой) ладно, всего хорошего.

- И вам. Как ваши дети?

- О, хорошо, спасибо большое, доброй ночи. Вы сами-то, что не спите?

- Я в пекарне работаю, сейчас уже скоро на работу так и так вставать, печь топить. Ничего, днём посплю.

- Ну хорошо, хорошо. Удачи вам

Дело в том, что григорианцы ели только свежий хлеб и булочки к кофе. Молодые люди быстро заезжали, завтракали и на работу. Вчерашнее они есть не

хотели. Поэтому пекари вставали очень рано, чтобы к утру уже все было.

А Роберт все гулял. И все не понимал, как он постарел. Ещё вчера он стоял на ледяном озере в темные времена этого города, а теперь... Он направился к горе, ему хотелось увидеть других своих детей.

В это время проснулась Талия, прекрасная молодая девушка с мраморной кожей и с каре красных волос, зелёными большими глазами, укутанная в белую простыню.

Храм в пещере был сделан из нескольких комнат, вход в неё шёл прямо в центральный неф, где все было выточено из скалы: скамьи, колонны, постамент с Марией, стоящей босыми ногами на нем, выточенная из камня. Самое удивительное, что Эля смогла её сделать более женственную: она её лучше выточила из скалы, оттенив ей лицо, отшлифовав из скалы её красоту, развесив на её волосы бегонии. Она обтесала её под внешность матери Корнеида, хотя у них и так было одно лицо, но она придала Марии некоторые её характерные черты. Корнеид не забывал никогда, что его мать сама богиня, и Элю он за это очень любил и никогда не давал в обиду. К ней он относился лучше всех, но к Талии особеннее.

Весь храм был также обрисован Элей, потолок, стены. На них были отображены жизни прошлых Магнифитов, даже были истории Корнеида и Талии. Корнеид ещё попросил нарисовать истории её и Льва, хоть они и не Магнифиты, он все же настаивал на этом.

Талия проснулась, где была их спальня. Это был простой, гладкий камень с матрасом на нем. Они спали вместе, и Талия проснулась, не почувствовав своего любимого рядом. Она завернувшись в простыню, стала искать его по всей пещере. Она вышла наружу, где внизу этой горы расстились оливы, а дальше шёл каменистый пляж к озеру. На этом пляже она увидела тушью нарисованный силуэт, разрезающий лунный свет своей тренировкой фехтования. Это и был молодой Корнеид. В нефе, у постамента меж двух рядов скамей, стояла буржуйка. Она поставила вариться кофе и налила его в пластиковые стаканы.

Когда спускаешься с этой горы, надо пройти по просеке мимо рядов оливковых деревьев. Там где они росли, земля была такой бугристой и маховой, что можно было легко споткнуться. Их кроны извивались как змеи, словно были обожжены солнцем. Эти деревья были все карликовые и изогнутые, будто по ним били молнии, а они обратно заросли своим древесным струпом. Их ветви были одеты в салатные, длинные листочки. Талия шла меж их рядов, держа в руках два стаканчика, прижав руки к рёбрам, чтобы не спала простыня. Листочки щекотали её оголенные плечи. Ступни чувствовали маховую землю.

Легкие волны качались туда сюда, волохась по камням, не поднимаясь. Корнеид размахивался шпагой.

Он услышал, как камушки ворочаются от чьих-то ног, и повернулся, пригрозив остриём.

- (Удивленно) Талия? Ну куда ты голыми ногами, а если бы поранилась?

- (Кокетливо улыбнувшись) ну я же не поранилась, я нам кофе принесла.

- Иди сюда. – он вставил шпагу в землю, подошёл к ней, взял её на руки, и пошёл к расстеленному пледу, чьи уголки зажаты камнями.

- Мне уже надоедает твоя забота.

- А как иначе, то ты простудишься, то поранишься. Ты однажды две ноги в один день выкрутила себе. На ровном месте, Таль.

- Ой да ладно тебе. Не надо только быть таким паникушником. – он сел на плед, а её посадил к себе на ноги, обнял, она положила голову к нему на плечо. Так они часто сидели, пили кофе в обнимку и разговаривали.

- Это только кажется, что я паникую. Просто мне орать на тебя не хочется, ты же у нас обидишься.

- (Оторвав голову от его плеча) ничего я не обижусь.

- Ну конечно, не обижусь, у нас весь дом в письмах тебе. Я уже сбился со счёта. – когда Талия обижалась на Корнеида, ему приходилось писать ей письмо, не обязательно с извинениями, просто письмо ей, тогда она его прощала.

- Ну и что, тебе сложно, что ли?

- Нет, Таль, просто иногда не понятно, когда ты обидишься. Тогда с ногами я засмеялся, и все, пришлось писать письмо.

- Правильно, я идти не могу, а тебе весело.

- (Подавляя смех) не, ну а что ты хочешь от меня, ты себя слышала? Ты сначала одну подвернула и хромала, а потом, ровно через минут пять, вторую, и такая: (пародируя комично) «А как я теперь ходить буду, у меня ноги закончились».

- (Разозлившись) так, вот видишь, что ты делаешь? Я сейчас опять обижусь, с тобой не возможно разговаривать иногда. Ты можешь не передразнивать. И не обзывать.

- (Опешив) да, где я тебе обзывал?

- Ты надоел со своими солнышко, зайка, Талька.

- Ты сама меня Неем называешь.

- Ну так, я любя, и ты не против.

- А я что, не любя?

- (Улыбнувшись ему и потеревшись носами) ну любя, но мне не нравится. Самое интересное, что я тебе сто раз говорила не называть меня так, но ты не понимаешь этого.

- Ладно, все, исправлюсь, моя принцесса. – издевательски произнёс Корнеид.

- Ты всегда так говоришь.

- Пожалуйста, мы можем не ругаться, каждый день заканчивается ссорой. Это уже не смешно.

- Это ты во всем виноват.

- (Прикалываясь) естественно, кто же ещё? Ладно, все, где мой кофе?

- На, остыл уже давно.

- (Отпив) все равно очень вкусно, спасибо большое, - он её чмокнул в щеку, - спасибо, Талия, намного лучше, чем кофе Льва.

- Правда?

- Ну конечно, - опять отпив, - сейчас попьём и спать. Дай поцелую.

Они поцеловались, слегка прижавшись губами друг к другу. Нежно. Он обнял её, держал как гитару и целовал. Она же лежала на его плече. Он спустился к её шее и, не отрывая губ, целовал в одном месте быстро, сильно впиваясь губами. Так, что она застонала и запустила руку ему в волосы. Потом они сели, он смотрел на неё сверху вниз. Целовал её лоб. Гладил красные волосы. Смотрел на её веки. Ему так нравилось на них смотреть. Они всегда улыбались, будто улыбались сами глаза, и эта улыбка оттиском переходила на веки, и он сверху это видел. Будто тепло дома распространялось и на его сени. Сени эти холодные, но тепло комнат с этой стужей обнималось, и получались веки Талии. А когда она наносила красные тени и подкрашивала глаза, рисовала стрелки, а она всегда их делала маленькими и аккуратными, он аж балдел. Подбегал, чтобы поцеловать, а она ему говорит, что губы накрашены, но ему все равно. Правда стереть надо, чтобы никто не увидел: ведь они скрывают свою любовь.

Эта пещера стала их истинным домом: ведь в ней хранилась вся тайна их чувств. Весь их трепет.

- (Засыпая на её плече) почему ты не спишь?

- Тебя рядом не было, я заволновалась. Ней, все хорошо ведь?

- А что плохого?

- Ты последнее время все время ночью вот так. Я вижу, что ты нервничаешь.

- Я не хочу тебе говорить, что я боюсь чего-то.

- Это вполне нормально. – сказала она украдкой, как будто кто-то подслушивает.

- (Говоря спокойным сонным голосом) нет, это ненормально. Я должен убить его. Но я не очень понимаю зачем. Нет, я понимаю. Он захватил мою власть, и городу только хуже от этого. Многие беззащитные погибли, когда он был у власти от холода, голода. Если бы не отец, бог его знает. Но я почему-то не испытываю той ненависти, чтобы заколоть его. Иногда я говорю себе, что просто боюсь, потому что он сильный и искусный в бою. Не знаю в общем.

- Можно я скажу?

- (Усмехнувшись) когда я тебе запрещал?

- Помнишь я тебе говорила, что в нашей капелле написано, что если мы совершим зло, оно нам в сто крат обернётся лицом.

- Да.

- Эту надпись написал первый Магнифит, который получил власть. Карлен мне говорил, что это не просто надпись, что она на самом деле несёт за собой своё предписание. Тебе вовсе не надо совершать зло по своей воле. Почему бы нам не жить. И пусть он сам нападет. Или пусть что-то случится, чтобы ты, как истинный правитель, стал противодействовать ему. Он ведь тот ещё террорист. Да и не вечен он.

- Таль, наши родители тоже не вечны. Они должны жить, как им подобает, хотя бы под старость лет. Я должен вернуть им их дом. Это мой долг. Я не могу сидеть и ждать. Этот день близится. Я чувствую его всем, что внутри меня.

- (Обняв его сильнее) я не хочу покидать это место. Нам не будет житья в городе. Мы не сможем любить друг друга.

- (Посмотрев на неё) не говори чепухи. Я буду любить тебя всегда, Таль.

- Не знаю, Ней. Но сам увидишь, вся это жизнь, власть, мы с тобой пожалеем, выйдя из пещеры.

- Сейчас я хочу просто побыть с тобой.

- (Кокетливо посмотрев на него) что домой уже не хочешь?

- Давай немного посидим.

Он сидел и смотрел на свои любимые веки. И на Луну. Они молчали. Он зацеловывал её лоб. Луна все светила. Ей не что не мешало. Никакие чёрные, перистые облака не заволакивали её свет. Она освящала облака, но они были внизу, словно земля над озером. Запудренные островки. Талия дремала, в сон ножами мягко прорывались слова – слова, предваряющие воспоминания. Корнеид дал ей немного подремать. А память шепчущим карандашом в темноте писала ей слова... слова... слова, словно сбитый шум волн озера – слова... слова...

XXX

Карлен сидел за столиком у храма и пил кофе. Рядом стояла его девушка и кричала на него прямо на улице. Прохожие на все это смотрели. Маленькая Талия смотрела это все из витража боковой апсиды.

- (Указав на стул, стараясь не кричать) ты сядешь или нет?

- Нет, я сейчас уйду.

- Сядь, пожалуйста, давай нормально поговорим или давай в дом зайдём.

- Послушай, я просто так решила. И все.

- (Вспылив и ударив кулаком по столу) да как ты так решила, а? Что ты там себе решила? Объясни мне. Мы с тобой ещё вчера сидели в кафешке. Ты со мной целовалась, обнимала. Че ты мне рассказываешь?

- (Испугавшись его) я не знаю. Я просто поняла, что не люблю тебя. Ты понимаешь, с тобой сложно разговаривать, мне с тобой сложно. А вчера приходил...

- (Выпучив на неё глаза) кто приходил? Этот урод?

- Понимаешь, мы с ним разошлись из-за того, что ты пришёл ко мне в дом и

захотел свататься со мной, конечно же, мой отец настоял на всем этом. Ну это не только из-за тебя, у нас вообще все было не так... просто... он любит меня, я это знаю, он мне сделал предложение вчера...

- А ты? – спросил он, затаив дыхание, а сердце неистово билось.

- Я отказала ему, а теперь я вообще ничего не хочу.

- (Закрыв лицо руками) господи, что ты несёшь. Ты понимаешь, что я люблю тебя. Я хочу быть с тобой.

- Я не могу...

- Да почему, блять, че ты вчера могла, а сейчас не можешь?

- С тобой невозможно разговаривать, мне некомфортно с тобой, я хочу уйти. – слезы у неё наворачивались на глаза.

- Послушай... - он подошёл к ней, взял её за бедра, а она уже стала отстраняться, ещё вчера вечером она бы прыгнула на него, а он был бы самым счастливым, - солнышко... позволь мне все исправить. Почему ты мне не дашь шанс? – он потянулся к ней, чтобы поцеловать губы, но она робко подставила щеку.

- Пожалуйста, дай мне уйти...

- (Отпустив) иди.

Талия смотрела на него, он стоял неподвижно, потупив голову, смотря на свои пыльные туфли. Он просто стоял. Неподвижно. Он застыл на месте. Талия смотрела на него через мозаичное окно, его силуэт переливался в мозаике сиреневым с голубым цветом.

XXX

Корнеид не стал её будить. Он взял её на руки и поднял в пещеру. Положил на кровать и поцеловал. Он всегда её целовал на ночь. Хотел уже и сам лечь, но захотелось покурить.

Он шёл через неф на выход и остановился у Марии. «Дай ей хороших сновидений... Мама, я должен победить одного человека, дай мне сил на это. Я хочу жить, как мужчина. И, если это возможно, я бы хотел любить её всегда и иметь от неё детей. Мне ничего больше не надо. Только помоги мне. Мой бой близится, я чувствую это. Наверное, я многое прошу. Господи... я так скучаю».

Он вышел из пещеры, засел поодаль и смотрел на огни своего города. Начал скручивать сигарету, и как только скрутил, то увидел приближающийся силуэт. Он не шёл мимо, а был уже у входа и зашёл. Корнеид положил сигарету в карман, а сам рванул в пещеру. Выхватил шпагу и одним мгновением оказался за спиной незнакомца, приставив остриё к шее.

- Ты кто такой? Ты либо смел, либо глуп раз решил сюда зайти ночью.

- (Поворачиваясь) думаю, и то, и другое.

- Отец? – сказал он и тут же убрал шпагу.

- Господи... Карлен... - вымолвил Роберт, увидев вдруг перед собой сына.

Он зажег спичку и преподнес к его лицу. «Да, это действительно он. Посмотри: тот же гневливый взгляд, те же длинные ресницы, и щетина пронизывает исхудалые щеки, и причёска со сбритыми волосами по бокам и этот длинный подбородок. Тот же рослый рост, худоба, изогнутость всего тела, будто месяц только грудью и тазом вперед».

- (Держа его за предплечья, будто сейчас упадёт) отец, что с тобой? Ты хорошо себя чувствуешь?

- Да... да. – говорил он, не отрывая от него глаз.

- Что такое? Что-то случилось? Ну. Что-то с мамой?

- (Махая руками, словно отгоняя дым) нет-нет, не беспокойся, все хорошо.

- Зачем же ты пришёл тогда? Время знаешь какое?

- Корнеид, это ты?
- Да, конечно я.
- Ты так изменился. (Задумавшись) так же как и все мы.
- Пойдём, я отведу тебя домой.
- (Вдруг вспомнив) а Талия?
- Завтра на неё посмотришь, она сейчас спит.

Он отвёл его домой. Они вместе спустились с горы, прошли по ночному городу. Шли мимо витрин и гаражей – они зажигались, когда проходили мимо них и снова потухали. Дорога играла светом с путником. Корнеид шёл, положив ему руку на спину, а Роберт смотрел вниз и был вымотан. И очень стар. Они поднялись по винтовой лестнице. В домах были только такие, а лифт не работал. Роберт оперся на руку Корнеида, и тот его поднимал.

Стук в дверь. Показалась Кнара.

- (Воскликнув, зажав руки перед собой) Роберт? Где ты был, я уже испереживалась? Ой спасибо вам большое, - сказала она, не видя второго человека из-за темноты.

- (С улыбкой) а ты в следующий раз не отпускай его ночью, и переживать не будешь.

- (Благоговейно) Корнеид? – спросила она у самой тьмы, а не у него, и он зашёл в дом.

- Мама.

- Господи... сыночек... ну как ты, а где ты его встретил? Ты был неподалёку? – она резко забежала за его спину и подтолкнула вперёд в дом.

- Да, гулял рядом. – сказал он, не выдавая отца, - шёл мимо, уже домой собирался. И тут вот. Ты следи за ним получше. Он себя плохо чувствует, давление, наверное.

- (Встревоженно) думаешь?

- Ему нездоровится, это видно. Даже не ворчит как обычно. Какой-то он задумчивый? Не с нами он.

- Робочка ложись, я скоро приду.

Внезапно все проснулись и увидели Корнеида.

- (Лев, радостно) опа, братишка, ты прикалываешься, что ли? Время видел? Ты чего зашёл?

К нему подошла Эля и со всем своим весельем прыгнула на него. Корнеид её обнял и поцеловал. У неё были необычные глаза. Один был полукруглым, другой в виде горизонтального ромбика. Ореховые глаза все также таили блеск месяца в себе. У Льва все также один глаз был прищурен, а улыбка не сходила с лица. Он улыбался своими идеально белыми зубами.

- Привет, красотка... (с усмешкой) Лев, ты как за отцом присматриваешь, рассказывает ночью потерянный.

- Как это рассказывает, мы же спать все легли.

- (Кнара) он ушел ночью, видимо действительно не поздоровилось, захотелось ему пройтись, я разрешила.

- (Лев) ну хорошо, разрешила, видишь, что долго нету, почему меня не разбудила.

- (Махнув рукой) ну ладно, думаю чего там? Сама уже думала идти.

- Че за прикол? (Корнеиду) а ты спрашиваешь, эти старики-разбойники с ними так. (Матери) в следующий раз не пускай, а меня сразу буди. Не жди.

Корнеид все обнимал Элю, она смотрела на него и улыбалась. Он спросил, все ли у неё хорошо? Она кивнула головой.

- Ладно, весело тут с вами, но я спать пойду.

- Подожди, я тебе сейчас кофе сделаю, по дороге попьёшь.

- Не надо, спать все ложитесь. Я уже попил кофе. Твоя дочь чудно его делает, точно так же как и капризничает.

- Талия. Как она?
- Нормально. Покапризничала, повыступала, а теперь спит. Все, давайте.
- Ой, сынок, прямо отпускать тебя не хочу. Ну как так, неделю от вас не вести, а теперь опять уходишь.
- Ну ничего, давайте завтра мы придём к вам.
- (Оживившись от радости) ой, вы приходите вечером, а я с Элей с утра на базар, днём приготовим и сядем все вместе.
- Я тебя умоляю, не надо ничего готовить, кофе хватит нам.
- (Строго) давай, ты в женские дела лезть не будешь, хорошо.
- (Лев) о, Корнеид, смотри, опасно заговорила.
- (Ударив его полотенцем) а ты спи давай.
- (Корнеид, смеясь) Все, давайте, завтра увидимся.
Он всех обнял и поцеловал. Корнеид вышел и по дороге домой наконец-то закурил.

***

Ущипнув её за талию, она вся подскочила на цыпочках, её волосы встрепнулись резко вверх и вниз, а сама она обернулась, увидела хохочущего брата и толкнула его, блеснув оттиском месяцев своих глаз. Кнаре с утра не здоровалось, и она отправила Элю на базар одну. Лев же додумался, что сестре будет тяжело одной, и поперся искать её. Он даже сожалел сейчас, что не так глух, как сестрица: ведь этот базар со всех углов орет и раздражает, а ноги то и дело, что чавкают и липнут в раздавленных на полу фруктах и овощах.

В тот день в Магнифите было невероятно жарко. Асфальт плавился, было ощущение, что он действительно расплавится, и ты утонешь в сером зыбучем песке. Но это почти и случилось: у Эли на этом асфальте расклеились туфельки, и Лев сказал ей, чтобы она запрыгнула ему на спину.

Покупки пришлось отбросить и бежать к сапожнику. Солнце стояло в самом зените, растворяя вокруг любое облачко так, что все небо было голубым с разливающимся по нему лучами белых ресниц. Эти ресницы отбрасывали тени. Двойняшки бежали по этим теням то под вывесками, то под пятнистой тенью, под сенью листвы. Бежать пришлось на другой конец города. Все старики, рассеявшиеся в тенёчке под тентом кафешки за круглым столиком, – кто с кофе, кто с вином, – неодобрительно делали жестами руками, пробегающим брату и сестре. «Что это такое?» - говорили они. Они сидели в своих темных рубашках с коротким рукавом, с расстёгнутыми пуговицами наверху так, что седые волосы на груди потемневшей кожи блестели на солнце. Пиджак свисал на плечах, и они осуждали поведение молодой девушки: «Как это она себе позволяет такое?»

Мало того, когда они бежали под очередной пятнистой тенью, Эля ухватилась за ветку и оказалась на тутовом дереве. Она стала собирать чёрный тут в пакетик, оставшийся у неё с базара. Мужчины от этого ещё больше возмущались, особенно, увидев её почерневшие пальчики на ногах и на руках. Эля была очень сексуальной девушкой, и её природная красота в купе с лёгкими манерами раздражали местных консервативных мужчин. Она свободно в легком черно-сиреневом платье, с распустившимися каштановыми волосами, лазила по этому дереву, а Лев все радовался ей. Эле все сходило с рук от брата. Для братьев она всегда была права: как-то раз в булочной она швырнула сдачей в продавца, бог знает зачем, когда этот продавец пришёл к ним домой и сказал, что Эля не права, братья, - а тогда в доме оказался ещё и Корнеид, - спустили его с лестницы кубарем, сказав, естественно, что такого и быть не может.

Она была такой же весёлой, как и Лев. Мешала ему тащить её до сапожника: кусала его за ухо, нацеловывала щеки, качалась специально из стороны в сторону, чтобы он упал.

Пока сапожник чинил её туфли, они сидели в кафе. Эля положила свои ноги через ноги брата, свесив их, и хомячила пирожные с кофе.

«И почему она не может быть нормальной женщиной? Такой же как и все. Вечно что-то с ней происходит. Недавно вообще чуть не разбилась насмерть. В горах у Корнеида, резвясь с ним и бегая по скалам, полетела с обрыва. Хорошо, что налетела на крыжовник. Разодрала себе всю кожу на руках и все платье, но все же этот куст взял её за шкурку. Я же чуть сам не умер. Корнеид потом какую-то чушь придумывал родителям, чтобы ей не влетело. Прикол в том, что это было её самое красивое платье. Она его должна была надеть на бал, а теперь Корнеид меня просит помочь в его новой афере из-за её платья».

Когда они пришли домой – дома уже сидели Корнеид с Талией. Корнеид был весь, конечно, сонный в брюках и в бежевой рубашке, а на Талии было серое платье с открытой спиной. Кнара, вся уже снующая по кухне, стала ругаться: «Что вы так долго?» В особенности досталось Эле. Лев пошёл искать Роберта, он где-то играл в карты на улице, а Корнеид с Элей вышли в маленький закрытый дворик и стали закручивать сигареты. Они взяли с собой пластиковые стаканы с холодным кофе и сели в заднем дворе под сенью листвы и свисающих сверху простыней. Простыни свисали между домами в пять этажей крест на крест. Внизу был немного мокрый от ночного дождя дощатый столик, на который они поставили стаканы и бросили пакет с табаком.

Они всегда курили вместе. Женщинам запрещалось курить, но когда Корнеид приходил, они все время садились в маленькую беседку, занесённую листвой, и начинали курить. Корнеид уже закрутил ей одну, теперь закручивал себе. У него всегда карманы слегка оттопыривались от пакетов с табаком, бумагой и фильтрами.

Заметить их было сложно, так как болтали они жестами. Было время, когда все ради Эли выучили этот язык, хотя не все с ней разговаривают, в основном только Лев, да Корнеид, когда бывает дома. Друзей у неё не было, а в отношениях она последнее время не была. Хотя она считалась самой красивой девушкой в городе. И ходили слухи, что она будет самой желанной невестой, что не будет отбоя от женихов. «Почему? - спросил её Корнеид, на что она ответила: - А как ты себе это представляешь? Они меня не понимают. Я не разговариваю. Да я и без того сложный человек. У меня было пару мальчиков, но это все не то. Один был, он со мной разговаривал с помощью письма на листке. Было мило. Но оказалось, что он меня просто хотел, как женщину». «А ты его не хотела? - спросил он и посмотрел ей в глаза, а она ответила: - Не знаю, я не думала об этом. А у тебе есть сейчас девушка?». Корнеид ей улыбнулся и сказал: «А как ты себе это представляешь? В пещере? – он долго курил и молчал, но потом все же сказал. – Я просто не хочу, чтобы ты вечно была в этом доме и была все время девочкой на побегушках. Тебе нужен муж, тебе нужно уйти из этого дома. Все по дому делаешь ты. На стариков не смотри, они тебе жениха искать не будут, им это нафиг не надо». «Я думала уехать». «Куда? Одна?». «Ну, а почему - нет? Наш город доходит до моря, там у моря много институтов. Я бы хотела поступить в художественный. Не знаю только, как об этом другим сказать». «Так и скажи, что ты хочешь учиться». «Да, они не пустят, не знаешь, что ли?» «Когда я стану по-настоящему править этой землёй, а скоро и теми землями, что у моря, я тебе сам разрешу там учиться. – она недоверчиво покачала головой и посмотрела вниз на сигарету. – Ты что не веришь мне?». «И что дальше, а за стариками кто будет смотреть?» «Ты в конце концов не их родная дочь, у них есть Талия, есть я». Кофе на столе запотел и делал водяное кольцо вокруг себя, впитывающееся в деревянный стол. «Не говори так. Они воспитали нас. Я, если честно, уже и не так помню родных родителей. Как-будто этой жизни и не было. Но я помню море. А ты помнишь?» «Конечно, помню, последнее лето мы были уже знакомы, всегда играли у набережной. Помнишь, какая влажность от него стояла». «Да, я хочу снова жить у моря». «Значит, будешь. Ты же знаешь, я и Лев, мы всегда на твоей стороне, мы твоя защита навсегда». «Да я знаю. Защитники фиговы». – сказала она, собрала свой волос в хвостик и

улыбнулась ему своими брекетами, для Корнеида это была самая милая улыбка. Она улыбалась так, что поджимался её маленький носик, который ему хотелось в этот момент поцеловать. Она взяла свой стакан и отпила кофе, смотря на него улыбающимися глазами поверх пластикового стакана.

Вскоре все сели за стол. Такие посиделки у них были редкие. Они сидели на своём балконе, ели, потом пили кофе, спорили и ругались, как всегда. Спорили они из-за Льва потому, что тот безрассудно на взгляд стариков тратил деньги, когда их наоборот надо копить. Лев же жил легко и не хотел себя ни в чем ограничивать. Он зарабатывал эти деньги и половину прожигал со своими друзьями, сыновьями губернатора города, который заседал в ратуши. Талия и Корнеид, когда уже темнело, все близились друг к другу, они хотели убежать прочь, он иногда украдкой проводил пальцами по её голой спине, а она слегка поворачивала к нему голову и улыбалась своими влюблёнными глазами. На ухо она ему прошептала: «Я тебя съем за такое, когда домой придём».

Но Корнеид домой не спешил, сначала надо было сделать одно дельце. Как раз уже стемнело. Лев и Корнеид, послали Талию домой в гору, а сами вышли тоже чуть за город, идя по берегу озера. Когда они вышли из города – они вошли в воду прямо в одежде и поплыли, окунувшись в ночное лоно черного озера. Они плыли обратно к городу, заведомо отплыв далеко от берега. Они плыли, видя вокруг силуэты чёрных гор, словно вода продолжает подниматься вверх и сливается с небом, словно можно доплыть до небес. Они плыли сквозь шершавую рябь луны и фонарей на чёрной воде. Плыли кролем, будто надевая на себя все эти огни. Плыли они долго и уже чувствовали, как горечь сдавленной дыхалки подходит к горлу, а ноги связываются ноющей усталостью. Они остановились рядом друг с другом и легли на спину. Гладь воды заливалась им в уши, облепляла лицо, оставляя нос и глаза. Глаза смотрели на чёрное небо и разбросанные, словно омела по асфальту, звезды.

- (Посмотрев на него краем глаза) да, братец, водичка, конечно, сексуальная, но это самоубийство, нам ещё плыть и плыть.

- (Лёжа с закрытыми глазами) будешь много болтать, вообще без дыхалки останешься.

- (Засмеявшись) какая разница, все равно потонем.

- Я утону, но Эля будет в самом красивом платье.

- С чего ты решил, что оно существует?

- Оно изображено в пещере. Кто-то из женщин Магнифит его носил, а значит оно должно быть там. А теперь давай плыть молча. У самого сил нет.

Они доплыли до цели. Кромка берега была усыпана бегониями. Волны их таскали взад и вперёд по берегу. Ветер, будто только и занимался тем, как бы сорвать листву с деревьев. Разбегаясь, он все больше и больше оставлял их нагими.

Они доплыли до базилики. Корнеид, по рассказам Роберта, знал, что сзади храма находится вход в подвал. Там должны были лежать все старые вещи Магнифит. У Корнеида даже ключ был. Спереди они бы не подошли, слишком много народу всегда у храма, и люди Ваша всегда сидят за столиками возле него и выпивают. Но можно было подплыть с озера: ведь базилика стояла прямо спиной к нему. Они приплыли на каменистый берег. На нем стояла беседка с бардовой крышей со столиком и скамьями, смотря на базилику спереди, её невозможно было увидеть. А за беседкой, в стене храма, они увидели лестницу вниз - в подвал.

Открыв подвал, они зашли. И правда: в подвале хранились старые вещи Магнифит. Были, и платья, и мундиры, и украшения, и много всего. У беседки была лодка. Они стали все грузить в неё. Они перебрали все. И вот - Корнеид нашёл, что искал. Это было белое платье. Оно было вышито в виде сплетений белых бегоний. Наверное, эти цветы все-таки и раньше были в городе и дико росли. Абсолютно все платье было белым, фасоном футляра было ушито в виде цветов, и только пояс был кремового цвета. А в центре каждого цветка была белая жемчужинка. Это было самое настоящее сокровище. Для себя братья нашли много

парадных мундиров. Чёрный с золотыми пуговицами, с четырьмя горизонтальными аксельбантами на двух бортах и с обшлагами. Были точно такие же серого цвета с серебряными украшениями и пуговицами. Были ещё длинные черные кейпы, видимо их носили мужчины, чтобы прятать свои шпаги за ними. И многое ещё другое они нашли и запрягли лодку с чистой совестью, считая добытое за свою исконную собственность.

На лодке они приплыли к берегу Корнеида, где подняли все в пещеру.

- А раньше лодку ты не мог добыть для этого дела?

- Скажи спасибо, что не заметили, а то пришлось бы уходить с одним этим платьем.

- Ты его сейчас подаришь Эле?

- Нет, ты что, не знаешь её? Она это платье ухандохаёт до бала, залезая на какое-то дерево или скалу.

***

Ветер поднялся с севера и шквалом пробежал мимо, ударяясь в гору. Внутри пещеры гудел дух свирели, будто для ветра гора была инструментом. На улице ночь надела своё блестящее сиреневое платье, вход пещеру заволокли её полы в виде промозглого фиалкового тумана.

Свечки дрожали при каждом новом тоне ветра. Они танцевали и шептались. Корнеид, приосанившись телом, но с понуренной головой, стоял перед Марией между скальных рядов скамей. И будто шептал себе под понуренный взгляд вместе со свечами. Вздрагивая и оборачиваясь каждый раз при фаготе ветра, будто поезд заезжал в скалу.

«Я чувствую себя одиноким. Я уже тебя и не помню. И отца тоже не помню. Меня заперли в этой пещере ещё ребёнком. В ней я вырос. Из неё выйду мужчиной.

Но один. Я знаю это, я чувствую это. Всем своим сердцем. В нем как будто ниша, и все мои чувства уходят. Ты всегда была на моей стороне. Ты всегда делаешь то, что я тебя прошу, хоть я этого и не заслуживаю. Ты ко мне и к Карлену явилась птицей и соединила нас духом в том бою. Ты дала мне Талию, а ещё брата и сестру. Я уже не должен ни о чем тебя просить; однако смею, как ребёнок вечно о чем-то просит свою мать... Мне нужна семья. Мне не нужен этот бой, эта власть. Я хочу любить женщину, которая подарит мне детей. Мне хочется уважать её. И я хочу уйти от сюда. Я не знаю, где мой дом. Здесь я чужак, всего лишь аспириец, а для аспирийцев всегда буду григорианцем. Я всегда буду чужаком. Меня никто не примет здесь. Я прошу тебя, лишь только о любви. Я прошу тебя заплатать тот надрыв в моей груди».

Он вновь обернулся на выход, невидимый за поворотом. Он глазами прилип к стене, к повороту скалы, он ждал момента уединения, чтобы никакая тень не проплыла по ней. Он забрался на алтарь ногами и прикоснулся губами к её холодной щеке, ощущая запах волос, что были сделаны в виде белых лепестков. Он нежно и любя, робко поцеловал свою богиню. А потом ещё раз. И ещё. Точно также, как он целует Талию.

Огоньки города были похожи на бисер во всем черешневом платье, на его крапинку. Корнеид был в брюках и в выбивающейся белой рубахе. На плечах легко висел кейп, скрывая шпагу. Руки он держал за спиной, не высывая из прорех кейпа.

Так он шёл по оливковому перелеску, по одному из рядов. Он шёл сквозь толстенную туманную стену. А извилистые деревья прорезались ему навстречу, продеваясь через материю со всеми своими лепестками. Он сорвал оливу по дороге и долго потом сосал косточку.

На каменистом берегу сидела Талия. Её красные волосы покрылись зернистой влагой. Она была одета в чёрное платье, обтягивающее её фигуру, он

накинул на её плечи свой кейп. Лёг, положив голову ей на коленки. Она обхватила его голову руками и приглаживала тихонько, таинственно, с грустью улыбаясь ему.

- (Смотря ей в лицо) ты чего тут одна?

- Нет настроения. Захотелось побыть одной. – она смотрела на озеро и слегка приглаживала ему волосы.

- Я как-то и не заметил. – сказал он, а потом долго не знал чего спросить. О чем-то думала?

- О прошлом.

- О прошлом?

- О том, как все было раньше. Даже не верится, что когда мы жили в базилике, был Карлен, а отец правителем. Карлен все сватался с одной девушкой. Я была маленькая, но все это припоминаю иногда.

- (С интересом) Карлен должен был жениться?

- Да. Он очень этого хотел. Это был его выбор. Но с этого решения и начались все эти проблемы.

- Как это?

- Та девушка, на которой он захотел жениться, раньше встречалась с сыном Ваша.

- Карлен её отбил у него?

- Я даже не знаю, если честно, что было на самом деле. Может отец что-то знает или мама, но мне они ничего не говорили. Это была закрытая тема, так как она погубила брата. Но конфликт начался с этого. Потом сын Ваша погиб от раны, которую нанёс отец, и теперь Ваш живет мстью к отцу. Я знаю, что он ждёт момента, чтобы расквитаться. Ты должен быть осторожен с ним. Ещё до тебя он стоял у нас под окнами и кричал, что сделает тоже самое, что и он сделал с его ребёнком. – говорила она, смотря в матовую стену тумана.

- Ничего этот придурок не сделает. Ни к тебе, ни к Эле он и близко не подойдёт, пока я или Лев живы. А мы умеем драться не хуже любого мужчины в городе. – сказал все это Корнеид с пренебрежением, отчасти делая вид, чтобы Талия не беспокоилась на счёт этого, но она и не беспокоилась.

- (Все смотря вперёд) я не из-за этого переживаю. – сказала она равнодушным голосом.

- А из-за чего тебе ещё переживать?

- Я переживаю, что ты очень похож на брата.

- Да, знаю, многие так говорят.

- (Посмотрев вниз на него) нет, они не знают, ты так на него похож, будто ты - это и есть он. Вы одинаковы на сто процентов. Вы абсолютно похожи. Отец постоянно говорил, что брат вернулся с войны мальчишкой. Родители говорят, что ты был даже тогда похож на него в детстве. И не только внешность, а всем своим нутром. Всем своим духом.

- Иногда мне тоже кажется, что я это вовсе не я. Что я живу его жизнью, а не своей. Я тоже вспоминаю прошлое. Свой город, своих родителей...

- Ты никогда мне про них не рассказывал. – сказала она ему это с нежностью, улыбнувшись, запустив руку в волосы, так сказала, как обычно привечают к себе любимого человека, подслащают его, чтобы он им рассказал что-то личное.

- Да потому что я не помню. Ничего не помню, понимаешь? И это меня губит. Я помню некий образ нашей семьи. И мне хочется её воссоздать больше, чем что-либо. Хочу воссоздать её вместе с тобой. Ты чем-то похожа на мою маму.

- (Улыбаясь) а говоришь, что не помнишь ничего.

- Ну урывками, чуть-чуть. Она была григорианкой. На мою семью напали из-за неё. Она была очень красивая, правда, я помню, что она болела много в последнее время. Было жарко. Все обычно сидели на улице по беседкам. У нас были такие круглые дворы с беседками по бокам. А дома были красные, переливчато красные. И прямо во дворе росли деревья с фруктами. И тутовые, и абрикосы, и яблоки с грушей. У Эли ещё оттуда привычка залезать на эти деревья.

И вот, обычно все сидели перед сном во дворе, а она дома. Мы все шли играть, и я звал родителей на улицу, чтобы они были тоже во дворе, как и все другие родители. Но мама оставалась, а папа оставался с ней, правда, иногда она его сама прогоняла на улицу. Он её любил. Я это знаю. Она была невероятно красива. Она была похожа на вашу богиню. Ты знаешь, она точь-в-точь она.

- А Эля её знала?

- Да, конечно, мы же были соседями.

- (Удивленно) соседями?

- (Улыбаясь) ну да, я не рассказывал? Мы же жили прямо напротив друг друга.

- (Задумчиво) так вот почему она все время рисует Марию. Это не Мария, это твоя мама. Она её все время рисует уставшей какой-то с детьми на руках.

- Да, маме часто скидывали моих двоюродных братьев, она сидела с ними, как и со мной.

- А они выжили?

- Я не знаю, что с ними. Тогда многих убили. Я точно знаю, что, и мои, и Льва с Элей родители мертвы. Их убили в ту ночь.

- (Нахмурив брови) откуда ты это можешь знать?

- Знаю. наших отцов убили на моих глазах. А наших матерей поставили тогда к костру. Я не видел их гибель, но понимаю, что они не спаслись. – сказал он и резко отрывисто усмехнулся. – Лев и Эля об их гибели ничего не знают, я никогда им не рассказывал. Но думаю они все понимают.

- А у них какие были родители?

- (Восхищенно) о, очень красивые. Они даже смотрелись друг с другом. И были очень молоды. Намного моложе моих родителей. Мои меня поздно родили. А те наоборот, как-будто чуть рано. Хотя я не знаю, мы со Львом не разговариваем на эту тему. Никогда не спрашивали друг друга о тех временах. Боимся задеть что-то. Хотя Льва не задеть, он такой же мудрый, как и его отец.

- (Усмехаясь) он? Мудрый? Да это тот ещё...

- (Смеясь вместе с ней) Да не, я серьезно. Я с возрастом только начал понимать, что он знал, что вскоре погибнет. Он держал себя в светлом уме, чтобы спасти своих детей. Это он их завернул в эти ковры. И вообще у него был какой-то план. Он не сдавался, зная, что все равно проиграет. Тогда он ринулся в бой. И дрался до последнего. С ним был и мой отец. Не такой храбрый как он. Мой отец просто не понимал ситуации, а тот такое ощущение, что и не пытался что-то понимать. Он действительно как Лев. Он просто жил, он относился ко всему и ко всем абсолютно также: никакая ненависть его не могла сдвинуть с убеждений. Последние дни той жизни я помню через его жизнь. Он как-то все время был на глазах. Его звали Александр. Хороший был мужик. И красивый, и сильный.

- А их мама?

- (Мечтательно) мама? Я её не знал. Но любил наблюдать за ней. Александра я знаю, потому что он дружил с отцом. А их мама... ну а она была прикольная. Очень молодая. И к Александру относилась... знаешь... как девушка, что ли. Не было похоже, что они муж и жена. В этом была их красота, особенно её красота. Они себя вели... ну как мы с тобой. Как парень с девушкой, да ещё как будто они только вчера влюбились друг в друга.

- (Смеясь) значит, придёт время и ты будешь любить меня по-другому. – она наклонилась, чтобы поцеловать его.

- (Подыгрывая, чтобы задеть её) не знаю. Надеюсь, что нет.

- (Кокетливо) можно ведь и не жениться.

- Церковь и общество наше не очень это воспринимает.

- Иногда обстоятельство обходят традиции. Ведь у нас венчаются тогда, когда крестят первенца. А если нет первенца?

- Тогда обычно эти люди расходятся: ведь они не женаты.
- (Игриво) ну, а если они не хотят.
- Такое разве у нас было?
- Да, просто они уже мертвы, но раньше в городе жила такая пара. Кто-то из них не мог иметь детей. И они жили вместе, так и не повенчавшись.
- Это тоже глупо.
- (Вспыхнув на него) глупо то, что они всю жизнь любили друг друга?
- Да-нет, глупо, что только так можно венчаться.
- Таков закон.
- Значит, это неправильный закон. (Молчание) а Карлен тогда не успел сделать ребёнка с той девушкой, или они разошлись?
- Не знаю, сейчас уже много версий, что тогда произошло. Я знаю, что многие винят её, поэтому она и уехала.
- Почему её?
- Никто не будет обвинять мужчин из-за женщины. Кто-то уважал сына Ваша, а кто-то Карлена. И что в итоге? Они оба мертвы. Отец вернул себе авторитет. Так что виноватой пришлось быть ей. Но я знаю точно, что Карлен уцепился за неё, и хотел, чтобы только она была его женой. Он успел её полюбить, а последние его дни в городе были мрачные: они разошлись, а потом на семью напали, и Карлен ушёл. Больше я его не видела. – она вдруг задумалась и, вспомнив, резко спросила. - Каким он там был?
- Он был в шоке от происходящего, как и все. Они пришли в город как спасители, но спасти уже мало, что можно было. Но он держался тогда всю ночь. Воевал до последнего. Мы оба даже дрались. На него напали с ножом, а я попытался отпихнуть этого человека. Карлен не мог с ним справиться, уже был уставшим, вообще... - сказал он махнув рукой.
- (Удивленно) правда?
- Да. – сказал он отрывисто, будто это все само собой.
- Ты никогда мне это не рассказывал. – сказала она немного обвинительным тоном.
- И не хочу. Это был ад. Нет никакого смысла об этом рассказывать. Все это навсегда определило наши жизни. Я бы очень хотел узнать, что на душе у Льва и Эли, но боюсь с ними об этом говорить. Они же в свою очередь и меня ни о чем не спрашивают. А про твоего брата, могу сказать только одно, кто бы ни был прав во всей этой истории, он для меня был таким же храбрецом, как и Александр.
- А если бы спросили, то что бы ты сказал?
- (Вопросительно посмотрев) что?
- Если бы Лев или Эля спросили бы тебя...
- Я бы им сказал... я бы сказал им, что знаю в этой жизни лишь ненависть, злость, одержимость, невероятное чувство и стремление мстить. Я пытаюсь его заглушить, но не могу. Это все мое нутро. Моя природа. Я озверел от всего этого и от этой пещеры. И от того, что я на самом деле здесь чужой, и мне не будет здесь жизни. (Посмотрев на неё, подняв руку, коснувшись щеки) но когда я с тобой, это все как-то все сглаживается. (Подняв голову с её колен, поравнявшись взглядом) ты как-будто моя единственная преграда к пропасти. Без тебя я действительно бы стал тенью Карлена, а настоящий я... - они посмотрели друг на друга. Талия и не могла представить, что в нем может жить подобное, а значит и во Льве, Эле и других беженцах. – А настоящий я окончательно сгорел той ночью. – она крепко обняла его, не отпускала, а в голове все шептались её воспоминания.

XXX

Она сидела маленькой за столом и завтракала вместе с мамой и братом. Она все ела свои блинчики, а мама уже просто пила свой кофе после завтрака, да и брат,

разделавшись с едой, закурил.

- (Недовольно) сколько раз мне тебе нужно говорить, не курить в храме. Иди кури на улицу.

- (Еле слышимым голосом) сколько раз тебе говорить, не указывать мне при ком-то, хотя бы.

- Это не кто-то, а твоя сестра.

- Вот именно, чему ты её учишь, хочешь, чтобы она завтра также со своим мужем болтала. – сказал он и очень лениво затынулся.

- (Крикнув на него) иди и разговаривай так со своей невесткой, а со мной я попрошу разговаривать уважительно.

- Сейчас докурю, кофе свой допью и уйду.

- Опять уйдёшь? Ты только вчера ночью вернулся.

- И что? – сказал он и смотрел на свою сестренку, двумя руками державшую блин, и умилялся ей.

Её глазки бегали то в сторону матери, то в сторону брата. Брат уже начинал злиться, ему не нравилось, когда его трогают с утра пораньше. И маленькая Талия это знала, как знала и то, что только её утренние приставания могут сойти с рук. Брат сидел на стуле, в своём мундире, положив ногу на ногу, сидя к матери боком, запрокинув руку с сигаретой за спинку стула, а в другой держа белую чашечку с кофе. Он всякий раз тянулся к сигарете, поднимая руку за спинкой.

- (Ворча себе под нос) и к чему вообще у тебя пятки сверкают, непонятно, все знают, что она любит другого, и она с ним рассталась из-за тебя. Ты уже взрослый, а при этом не понимаешь, что её отец заставил выйти за тебя из-за твоего лишь происхождения... - и мама и сестра дернулись от ударившего кулака по столу, от резкого звона подпрыгнувшей посуды.

- (Разгневавшись) а я смотрю ты очень много сплетен всяких собрала вместо того, чтобы спросить, либо у меня, либо у отца. Я бы не стал никого заставлять выходить за меня, отец бы мой на такое не пошёл, да и она сама на такое бы не согласилась. А ты смеешь мне такое говорить об этой девушке? О будущей матери твоих внуков? А? – он залпом допил свой кофе и вышел на улицу, хлопнув массивной дверью. Грохот эхом прогулялся по всему нефу.

XXX

Они прогулялись по оливковым рощам. Перед тем как пойти спать. Много ещё разговаривали о наступающем бале. Корнеид попросил её быть на празднике. Они гуляли, и под конец гуляли уже молча. Подолгу останавливаясь и целуясь в кущу оливкового запаха. Он смотрел на её зеленые большие глаза, оттеняющиеся на фоне листвы, и молчал. «Чего ты молчишь?» «Просто наслаждаюсь моментом».

***

Настал день для бала. Город казался оживленным из-за количества огней; из-за снующихся всюду красиво одетых людей; из-за открытия всех таверн и шума в них. Все переулки и тротуары были заставлены маленькими круглыми столиками и испещрены свечами. На тротуарах людям приходилось прощмыгивать через тесные ниши меж спинками стульев, чтобы не выскакивать на автомобильные дороги. Бегоний казалось в два раза больше в городе потому, что все мощённые улицы города были усеяны их лепестками.

Жители Магнифита, как всегда, закончили свою работу днём, после отобедали со своей семьей и легли спать, дабы с новой бодростью прожить тёплую душистую ночь. Она была в разы приятнее. Будто никто и не вылезал из своей постели, а гулял по самому желанному сну. Ночь нарядилась в своё бальное платье.

Все женские платья были лишь лоскутками для наряда, все огни были его крапункой, все тёмные, шепчущиеся переулки служили поясом, все бидоны с вином на столах, на площади с танцами были её запахом. И наверху в этот зной и свет огней звёзд не было видно; но были видны лепестки бегоний с каждого балкона, украшающие её чёрные волосы.

Корнеид и Талия шли по городу, щеголяя по брусчатке с приподнятым настроением. Корнеид надел один из мундиров поверх белой рубашки, тот самый, чёрный с золотыми аксельбантами, пуговицами и обшлагами. Такой совет ему дала Талия, увидев знакомую одежду брата. А на ней было надето чёрное платье, чей лиф закрывал все туловище и руки, а внизу шло драпированной юбкой по колено. На этом чёрном платье рисунком были разбросаны красные цветы, её красные волосы спокойно покоились на плечах, глаза светились зелёной искрой под красными веками, и губы были помазаны красной помадой.

На встречу к ним быстрым шагом шёл Лев в таком же мундире, как и у Корнеида, только он был серый с серебряными украшениями и пуговицами. Он подошёл к брату, пожал ему руку и слегка приобнял. Одарил Талию искусственной улыбкой.

- (Ударив по плечу) господи, Лев, сам на себя не похож. Ты чего?

- (Лев-Талии) можешь сходить за Элей?

- (Недовольно) зачем? – спросила она и посмотрела на Корнеида, чтобы он её не гнал.

- (Лев, настойчиво) сходи, пожалуйста. – Талия все смотрела на Корнеида, а тот, увидев тревожный взгляд брата, пошёл на попятную:

- Иди поторопи её. – сказал он ей и протянул пакет. - На, отдашь ей, скажи, чтобы надела. – Талия взяла пакет и пошла в сторону дома. – (Крикнув в след) Таль, мы будем ждать на площади.

- (Лев, недовольно) Таль? Иди, поторопи? Я смотрю, она не смеет даже слова тебе сказать.

- (Цыкнув на него) ну мы же живем вместе. Понятное дело она делает то, что я ей говорю. Не обижайся Лев, мы ведь столько лет живём отстранённо.

Естественно, что она только меня воспринимает.

- Ладно, сейчас не об этом. Нас вчера ограбили.

- Как это ограбили?

- Ну вот так, ограбили...

- Подожди... а родители?

- Да дома никого и не было. Роберт, как всегда, со стариками играл, мама с Элей с базара вернулись, а дома все перевёрнуто нахрен.

- А ты где был в этот момент?

- С друзьями в подв...

- Ну вот поэтому и ограбили.

- (Крикнув) че ты гонишь на меня, я тебе что, на привези?

- Забей, что у тебе украли.

- У меня ничего. У мамы с Элей украли украшения.

- (Злясь) зараза. Ну ладно, ничего. Так и должно быть.

- Как это, так и должно быть? – Ко Льву подбежал мальчик и стал дергать его за рукав.

- К тому, что это все Ваш, понятно же и так.

- (Взволновано) думаешь, он знает, что это мы украли у него?

- А что тут думать. Замок не взломан, а открыт ключом. У кого, кроме него, ещё может быть ключ, как не у Магнифитов? К тому же мы взяли свои вещи.

- (Мальчику) да отвали ты... Подожди, так ты это специально сделал?

- Ну можно и так сказать. Вообще я действительно шёл за платьем для Эли, но... (сделавшись серьезным) Лев, время пришло. Я не буду его убивать просто так. Он должен напасть первым и лично. И когда он нападет, я убью его.

- (Недоверчиво) с чего ты взял, что тебе это по силам?
- С того, что большую свою жизнь прожил в скалах со шпагой. (Раздраженно) вы слишком сильно его боитесь, возомнили себе, что он непобедим.
- (Пытаясь вразумить) он не так сильно состарился как Роберт. И все ещё искусно и с большей силой дерётся.
- Хорошо. Я покажу, что это не так.
- Почему ты сразу не сказал?
- А ты почему мне вчера не сказал про ограбление?
- Ну, не знаю, просто как-то не до этого было. Мама испугалась. А когда увидела украшение... точнее не увидела, то...
- Ну вот тебе и...
- (Мальчику) да ты задолбал... чего тебе?
- Дядя Лев...
- Подзатыльников давно не получал, какой я тебе нахрен дядя.
- Там, ваша сестра на танцах в джинсах. Она...
- Ты совсем, что ли? Твоё счастье, что ты не из моего поколения. Сестра, блин. Моя сестра дома сидит.
- Нет, она серьги отрывает у другой девочки.
- (Раздумывая) а, ну да, вот это уже моя сестра.

Они оба стремглав рванули к площади. Несясь через толпы людей в узких тёмных проемах. И прибежали к скоплению и крикам на площадь у базилики. Эля схватилась за волосы девчонке и тянула её к земле. Люди вокруг ничего не понимали и пытались разъединить двух барышень, но Эля схватилась мертвецкой хваткой. И растопить всеобщее негодование и истерию смог яростный голос Корнеида, который прозвучал как в раструбе: «Это что такое!» Люди все растеклись по бокам. Толпа будто разом выдохнула своё исступление, и Эля это заметила, обернулась и увидела братьев.

Лев подошёл к ней: «Ты с ума сошла? Зачем ты в неё вцепилась?». «Посмотри, это ведь мои серьги». «Ты уверена в этом?». «Конечно, посмотри, - она стала пальцем показывать на лицо девушки, смотря на Корнеида, чтобы он принял её сторону, - это ведь ты мне их подарил. Помнишь?».

- (Корнеид - девушке) простите, она утверждает, что это её серьги.

Девушка стояла с растрёпанными волосами, чуть согбенная к земле, как будто её спина уже настолько устала, что не может выпрямиться. Корнеид положил девушке руку на спину, взял за руку и увёл немного в сторону.

- Мой отец их купил на базаре сегодня утром и подарил мне. Они мои. Вы мне верите? – она немного трепетала, Корнеида знали плохо как человека, но стоило ему в последнее время появиться в городе, так все видели в нем Карлена, и хоть у него не было власти, многим казалось, что она ему дана и так с рождения, а сейчас у девушки произошла стычка с его сестрой.

- Вы абсолютно правы. Они ваши по праву. Я прошу вас извинить мою сестру. Если вам что-то нужно, вы можете меня об этом попросить. – люди вокруг стали прислушиваться к тому, что он говорит, и Корнеиду пришлось вовсе уйти с девушкой с площади.

Они встали у одного из подъездов. За стеклянной дверью зажегся свет, увидев на крыльце людей. От света платье девушки засветилось и стало переливаться перламутром, а русые волосы стали ещё светлее. Лицо у неё было пухлое, милое, немного с потекшей тушью.

- (Всхлипывая) зачем она так?

- Понимаешь, это действительно её серьги. Мой брат подарил их ей на день рождения.

- (Удивленно посмотрев на него мокрыми глазами) но вы же со мной согласились, что это не её.

- Да, теперь они ваши не волнуйтесь. Просто нас вчера обокрали. И видимо их продали вам. Но ничего. – девушка стала снимать серьги. – Нет, нет, что вы?

Они ваши. Ничего страшного. Это вы нас простите. Думаю, моя сестра немного расстроена, но все для неё компенсировать – это мое дело, не ваше.

Он отвёл её домой, она привела себя в порядок, и он проводил её обратно до площади. Там уже стояла, и Талия, и Лев, и, конечно же, Эля в своём белом платье, с жемчужиной на каждом цветке. Волосы её были распущены, а не собраны в хвост как всегда. Она была очень красивой. Но все было мрачное и не двигалось никуда. Корнеид сначала подумал, что это при виде его, но потом он увидел Ваша в толпе. Он пришёл, узнав про беспорядок, да ещё учинённой семьей Магнифит. Он казался не таким старым, как Роберт. Да и ещё бы, его жизнь в блокаде была не столь сложна. Он не мёрз, не голодал. А Роберт, несмотря на своё положение, заботился о своём народе. Отдал ему все свои силы, словно извиняясь за прошлое своё равнодушие.

Ваш подошёл к Корнеиду. Он также не был знаком с молодым человеком. И поначалу даже испугался, завидев Карлена.

- Все нормально, не стоило так беспокоиться. Проблема уже решена.

- Я смотрю кое-кто спустился к нам. Теперь будешь жить здесь? – на этот раз люди делали вид, что не слушают, поднялся шум, пляски, заиграла музыка, но уши были наострены.

- Да, подумываю об этом.

- Насколько мне известно, ты можешь здесь жить только в качестве правителя.

- Да, это верно. Но не будем сегодня о нашей политике. Я пришёл к своей сестре на праздник.

- Да, это я вижу. На ней моя вещь.

- (Издевательски, ослабившись ему прямо в лицо) ой, это твоя? Слушай, ну я не знал, что ты женские платья носишь, надеюсь, без обид? – эту насмешку услышали все и замолчали, зная, что после этого подобному человеку наступает смерть.

- Она моя, из моего дома. Ты видимо очень любишь свою сестру раз украл у меня.

- (Дерзновенно) мне нечего бояться.

Не успел Корнеид ещё что-то сказать, как прозвучал звон, вынимающейся шпаги, и её острие он почувствовал, давящее ему на крест. Лев обнажив шпагу подбежал сзади, но Корнеид выкриком остановил его.

- Не стоит проливать кровь на празднике. Это можно сделать в любое другое время.

- За кражу ты должен быть высечен.

- Мы оба знаем, что этого никогда не будет. Я дам тебе бой, но под розги не лягу. – тогда Ваш, не отпуская шпаги от его груди, приблизился к его уху.

- Ты нет, а твои сёстры... Если Эля носит мои вещи, розги ей угрожают не меньше; однако я знаю ещё кое-что: мне известно, что свою другую сестру ты любишь куда сильнее.

Корнеид также приблизился к его уху и kloкочущим голосом зарычал, и из этого рыка стали процеживаться слова:

- Любому, кто тронет мою сестру, будет отсечена рука.

- Очень смелое заявление сосунка, прожившего взаперти. Думаю, это будет отличная возможность убить тебя.

- Смотрю, это прям смысл жизни.

- Мне будет приятно смотреть на лицо Роберта, смотрящего на умирающего сына, перед тем как я и его убью.

Они отпрянули друг от друга и разошлись. Застойную тишину вновь заполнила музыка, и все стали танцевать. Девочки подбежали к Корнеиду. До этого они стояли одубевшие в своём красивом испуге, в страхе застыли, чтобы шпага не пронзила его. Талия подбежала и притронулась ладонью к его груди. Лев и Эля встали по бокам, положив руки на его плечи. Корнеид их успокоил и сказал, что все

хорошо. Их ненависть друг к другу не в новинку. Это следовало ожидать.

Они разбились на пары. Лев и Талия вернулись на площадь. В полукруг на плетённых стульях, обрамляя площадь, сидели музыканты каждый со своим инструментом и пели. В центре танцевали люди. По традиции в них кидали цветы. Старые люди сидели со своими бидонами вина за столиками позади танцующих. Танцы переходили и на узкие улочки меж домов. Люди танцевали прямо на них. И лепестки, штопором падая, щекотали их лица.

Эля не захотела возвращаться на площадь. Танцевать она не может – она вообще не знала что делать; но это была не её забота. Корнеид, держа её за руку, гулял с ней по всем этим улочкам. Эля чувствовала себя неловко. Она с детства так не гуляла с ним. Наверное, это было только тогда, когда они втроем пошли в кино, а теперь они и вовсе наедине.

Вдруг они остановились. Эля увидела, что на этой улице все танцуют вальсом. Корнеид слегка приподнял её и поставил её ноги на свои. Они стали танцевать. И одна бабушка сверху сыпала на них лепестки.

Он смотрел куда-то в сторону, задумчиво слушал музыку. Она смотрела на его лицо, пыталась поймать его глаза и даже смущалась улыбаться ему. Она просто прильнула к его груди и услышала возмущившееся биение сердца. Вздох. Она закрыла глаза, чтобы насладиться этим временем. Как люди бывает закрывают глаза, чтобы получше расслышать музыку. Вдруг его рука как-то взяла её талию более крепко, а его щека легла на её волосы. Она чувствовала эту трепетную дрожь, разбившуюся где-то изнутри и растекавшуюся по всему телу.

Лев себя чувствовал также. Он сидел на площади за столиком вместе с Талией и хлопал. Она не захотела танцевать и чувствовала себя зажато. А он все смотрел на неё краем глаза, подшучивал и искал намёк на улыбку. А у самого все внутри дрожало и билось, сидя рядом с ней. Он все думал об этой стычке и о том, что сказал ему Корнеид, но с другой стороны он и не хотел думать об этом. Хотел думать только о ней. Надо было ещё что-то сказать, ещё как-то пошутить. «Ну чего ты молчишь? Ты же болтун каких мало».

Он все делал глоток за глотком вина. А потом резко вскочил и ушёл на площадь, ничего не сказав. Талия оторопевшим взглядом искала его, чуть подавшись вперёд. И вдруг увидела его тонувшего в толпе, в его руках заиграла гитара, и забились балабаны в такт прыгающей толпе. Они взялись за руки и стали танцевать хороводом вокруг него. А он пел. Пел, как тот мужчина, на которого все время смотрела его мама из своего окна.

«О на-на на на-нинья,
Олюбимая моя,
Ты не плачь, ты не бойся
Ведь теперь бессмертна моя душа».

Он приподнимал голову, закрывал глаза и пел куплет за куплетом, а потом перебивал его своей музыкой. Такое ощущение, что он играл, говоря все эти слова Талии. Он крутился, пританцовывал вместе с хороводом и пел. Талия завораживающе смотрела на его игру, заставляющую все и всех крутиться вокруг него. А его бархатный голос был таким же непринужденным как и его характер, так и лепестки венчающие его. Она смотрела и невольно думала о том, что рассказывал ей Корнеид про него и его отца. Она также вспомнила тот взгляд, который она увидела, когда они посмотрели друг на друга в первый раз, потому что, спев песню, он снова так на неё взглянул.

От танцев Корнеид с Элей решили спрятаться в темноте одной из таверн в переулке. Они сидели и смотрели на шафренные квадраты окон, что над ними. А их лица освещал слабый огонёк свечи. Подошла официантка. Спросила, что они будут. Эля спросила - можно ли ей вина? И Корнеид взял вино.

Весь переулок был заполнен, но не было видно людей. Лишь их отбрасываемые силуэты рук, вложенные друг друга, лёжа на столе.

Эля снова собрала свой волос в хвост и наконец-то улыбнулась Корнеиду

своими брекетами. Её носик опять сжался от улыбки. А на ресницах Корнеид заметил блеск, словно усыпанные блестящим инеем. Она стеснялась всей этой ситуации. Не думала, что все вот так будет, когда она его пригласит.

Корнеид взял её стул и со скрипом на всю таверну пододвинул его к себе, чтобы лучше видеть этот блеск ресниц, этот рубиновый разрез ореховых глаз.

«Тебе здесь нравится?» «Да, здесь спокойно». «Я здесь часто сижу по ночам». «Правда?» «Да, хорошее место, чтобы побыть наедине».

Официантка принесла вино. При них откупорила его. Пломб. Она немного налила в бокалы, а бутылку оставила на столе.

«Только маме не говори». «Хорошо». Они отпили. Терпкий вкус отдал ей сначала в нос, а потом отпустил и спустился в грудь. «Я тоже могу официанткой работать». «Зачем тебе?». «Просто хочу, - они сидели наклонившись друг перед другом. Корнеид положил руки на её ноги, а она вложила в них свои руки и смотрела в низ так, что Корнеид упирался носом ей в лоб, - я думала если у нас будет кафе, я бы в нем работала официанткой». «Почему у нас должно быть кафе?» «Потому что Лев хочет открыть свою кофейню, я ему сразу сказала, что только не здесь, а там, где море». «Хочешь снова жить у моря?» «Да, у моря самые лучшие воспоминания моей жизни, мне кажется, что мне надо жить возле него». «Что ж хорошо».

Внезапно у Эли заурчало в животе, а Корнеид ей улыбнулся: «Что ты будешь есть?» «Я? Ничего?» «А твой живот говорит мне другое». Эля сразу скрыла свою улыбку, поняв его нечестную игру: «Тогда, пиццу». Корнеид засмеялся, поцеловал её в лоб. Эля резко вздохнула и выпучила глаза от неожиданности. Он стал снова взгляд по темноте, вперив их в таверну, от которой на всех падал свет. Он пошёл внутрь сделать заказ.

Лев и Талия натацевались. Выпили сначала вина, а потом кофе. Льву захотелось лишний раз впечатлить её, и он зашёл в кофейню, где сказал, что сам себе и своей спутнице сделает кофе. Конечно же, никто не мог отказать Льву. Он был народным любимцем. И всех к себе располагал. Везде у него были свои друзья. Когда они шли по городу, к нему подходили здороваться его знакомые, а потом он каждому представлял свою Талию. В кофейне его сразу встретили с улыбкой и приняли его просьбу. Весть об его игре на инструменте обогнала их и пришла во все забегаловки. Лев смеялся и кичился.

А перед тем как разойтись, они пошли погулять по маленькому парку. Лев все время смешил Талию. Не давал ей отдышаться. Рассказывал ей разные истории про себя и своих двух друзей. И вдруг резко согнулся и отхаркнулся. Он весь скрючился. Талия положила ему руку на спину. Он резко вдыхал носом и отплевывался. После сел на лавку. Она села рядом с ним.

- (Испугавшись) Лев, что такое?

- Да ничего, все нормально. Сейчас. Мы можем немного посидеть.

- Да, конечно. Скажешь, что с тобой?

- Ерунда, Талия. Не волнуйся.

- Не могу за тебя не волноваться. – для него эти слова были самые тёплые. Той ночью, когда он ложился спать, они эхом бороздили его мысли. Талия очень сильно прониклась к нему, она сумела разглядеть его настоящим. Она видела в нем одновременно, и силу его отца, и его личную слабость.

- Да, просто, видимо кофе. Я в последнее время много его пью, надо, блин, остановиться. – конечно же, он врал, он боялся, оттого и мутило, сыграли нервы. Он начал смеяться.

- Что смешного?

- Да буду себя потом винить. Как дурак здесь перед тобой со своей тошнотой. Надо же было так. – Талия ласково заулыбалась от этих слов.

- Не бери в голову. Я хорошо провела время. Ты просто, наверное, устал.

- Да не, теперь буду все время вспоминать об этом.
- Ты не должен меня стыдиться. Мы с тобой совсем не чужие. Ты, наверное, думаешь о том, что произошло?
- (Вопросительно посмотрев) что? А, нет...нет, если честно, я всю нашу дорогу сюда думал...как бы попросить у тебя разрешение поцеловать тебя. (Серьезным тоном) я к тебе всегда относился иначе.
- (Посмотрев вниз) да, и как же?
- Как к девушке, которою люблю.
- (Немного расстроено) это же все слова, Лев. А любовь проявляют иначе.
- А я и не могу иначе. Тебя же нет рядом. Я не могу ничего для тебя сделать, могу только сказать.

Они оба замолчали. Талия вся закрылась от него. Села отдаленно. А он все больше бередил себе нервы и смеялся от этого над самим собой. «Какой же тупой». Потом он стал смеяться над прохожими парами и их собаками. Стал вслух пародировать их мысли. И Талия опять стала смеяться. Прошло ещё немного времени, и на них напали каморы. Точнее на ноги Талии. Лев положил её ноги на свои и закрыл их мундиром. Так они и сидели. И смеялись над прохожими. Потом опять замолчали. И Лев спросил - может ли он её поцеловать.

А Корнеид и Эля ели свою пиццу. Он видел эти два месяца в ореховых глазах, окружённые темнотой. И не мог не влюбляться в них. Осталось два треугольничка. Корнеид начинает понимать, что сейчас его стошнит. Его всего мутило. Воздуха не хватало. Жара. Эля это почувствовала. Он тоже боялся в ту ночь. Молодая кровь горячилась и от злости хотела драться, но била сама себя.

«Доедай». «Не хочу». «Нет, доедай, смотри ты не можешь их оставить». «Это ещё почему?» «Ну они остались без своих друзей, одни, их тоже надо съесть». Корнеид начал смеяться: «Ты издеваешься надо мной?» «Нет, я серьёзно». «Съешь сама, я наелся». «Я тоже не хочу». «Ну тогда, никто не съест». «Нет, тогда будем ждать». «Ты это серьёзно?» «Да, ну съешь». «Эль, ну не хочу».

И она приблизилась к нему и медленно прижалась губами к его губам. И это стало постелью для лихорадки. Мягкие губы. Пухлые губы. Нежно и плавно целующие, то верхнюю, то нижнюю, катаясь вверх – вниз, причмокивая.

- (Талия) у меня помада.
- (Лев) да пофиг. – и поцеловал её. Она оттолкнула его ладонями от груди.
- Прости я не могу.
- Почему?
- (Смеясь) теперь у тебя моя помада на губах.

***

Горели свечи. Играли тени в рыже-бежевой пещере. Ветер завывал. Огни бились и рвались. Оттенялась улыбка Марии. Тень её изваяния на стене оживала и танцевала растекающейся тушью от песни ветра и свечей.

Там вдалеке, за поворотом темного прохода, тоже играл свет со смехом и поцелуями. Они резвились в своей постели. Он сжимал её. Красные волосы закрывали его лицо. Он целовал, куда попадал. Он оттачивал эту мраморную кожу своими поцелуями. Она проводила пальцами по его спине. Вся дрожь от них скапливалась в пояснице.

Раз за разом они тянули эту ночь. Не дарили ей сны. Не дарили друг другу сны. Он жил на её губах, в этих розовых маленьких сенях. В этом дыхании. С них, скользких, скатывался на шею, целуя каждый миллиметр. Она начинала тянуться к нему, заключённая им обеими руками. Он чувствовал её улыбку за закрытыми веками, ту, что скрывалась от него.

Они оба ерзали под одеялом. Она в обеих его руках. Кипящие руки растапливали бязевую, накрахмаленную спину. Он водил ими по всей её молочной

глади. А она засыпала с застывшей улыбкой, выпивающей сон на её веках. Все, что у неё тогда было – это умеренное дыхание его сна, ёрзанье носа по её шее. В её нежности тонули его руки, нащупывая складки от бюстгальтера. Под лёгкое сопение этот сильный, гудящий ветер выносил их с собой далеко-далеко.

Она вела его за руку в Красный город. Они проходили мимо набережной сквозь морскую пыль. И вот они уже пересекают круглый двор, где никого нет, лишь только свисают простыни, окрашенные ночью в один цвет. Они идут вдоль дверей с крестами. Они подходят к их двери. Корнеид невольно оборачивается, посмотрев на противоположную. Они заходят в свою тёмную, разрушенную квартиру с одним лишь отсветом на стене от лампы уличного фонаря. И ложатся. И вино стекает по её предплечьям. А он пытается взять каждую каплю. Её руки подняты вверх, а он все тянется... тянется... и тянется.

Веки в дремотной истоме задрожали. Он на миг увидел её спящей. Ветер с невероятной потугой до последней крупинки своего воздуха и свиста задул все свечи. В пещере царил мрак, и лишь вокруг плавали ажурные вензеля со своим масляным запахом. Он укатался в её ароматные волосы. Не отпускал её спины. Она медленно вздымалась под ним. Его щека лежала на её плече.

«А если этот ветер - все души моих родных? А если я попрошу, чтобы они навечно связали меня судьбой с ней? Прожить ради неё, умереть ради нее. Где же это чудо – быть связанным с ней одной судьбой?»

Он снова начал целовать её, процеживаясь в сон. Она застонала, сонным причитанием его нежность застлала. Обхватив его спину ногами, как в лодочке, она с ним слегка покачивалась.

В одну из таких ночей Корнеид стоял на краю, на одной из скал. Он курил и смотрел на огни города. Они начинали потихоньку тянуться за гребень гор. Все больше вереницы огней прокладывались туда, где, как ему как казалось, он видел рябь моря. Или это был слой горного перешейка в тумане.

В ту ночь на гору вскарабкался Лев. Он не стал близко подходить к своему брату. Встал, прикованный к скале ногами за несколько метров, не поднимая головы. С неким отвращением к самой ситуации он кисло пережёвывал свой взгляд, отрывисто поднимая глаза на него. На секунду посмотрел. Притупился к горе. А ветер все отдаленно тихо гудел, делая их молчание увесистым.

Корнеид понимал, зачем он пришёл. Когда они были на празднике, несколько дней назад, вся их пещера также была обчищена. Но ничего не было украдено, кроме одной незначительной вещи. Их писем. Те, что Корнеид писал Талии, когда она на него обижалась. Из содержания этих писем можно было понять их отношения и сексуальную жизнь.

Когда Корнеид понял, что эти письма пропали, ему не захотелось их искать наверняка. И теперь по взгляду Льва, он понимал, что эти письма уж направили против него.

Они смотрели друг на друга. И каждый отворачивал глаза. С нелепым стыдом затаивали дыхание при встрече взглядов. Смотреть на руки. Смотреть на ботинки. Смотреть на скалы. Но не на нарекавшие тебя глаза.

Корнеид бросил окурок. Оставил Льва ждать. Без слов. Разбудил Талию. Они оделись. И спустились в город, где Роберт их ждал в доме.

Несмотря на ночь, идя в давящем тебя проходе, меж фасадов домов, Корнеид слышал своим сердцем взгляды из окон, подсматривающих через свои полосатые ставни.

Она взяла его за руку. Посмотрела с упоением, выпрашивая его защиту. Он смял её руку покрепче, сказав этим самым, что он с ней. Дорога к их дому вела прямо на площадь к храму. Его золотой крест своей тенью падал прямо на их улицу.

Но до площади они не дошли: зашли в подъезд. Поднялись по винтовой. И встретили всех на пороге.

Эля ушла на балкон, не закрыв дверь. Облокотилась на парапет. Корнеид видел её сквозь колыхание ветром прозрачной занавески. Кнара вскользь посмотрела на детей и снова стала в пустую шебуршать по шкафчикам кухни. Лев обошёл Роберта, стоявшего перед столом, и сел за этот стол, подперев голову, смотря вниз.

- (Талии) садись за стол, с тобой потом будем говорить. А ты стой, где стоишь. – Талия посмотрела на Корнеида, тот кивнул ей головой, она обошла отца, но не села, смотрела на Корнеида, который теперь один. – Прежде чем, что-либо тебе говорить, я хочу узнать, правда ли то, что сказал Ваш.

- (Еле слышимым голосом) я не знаю, что он сказал.

- (Спокойным голосом) что ты спишь со своей сестрой.

- Я сплю со своей любимой, она мне не сестра.

- (Очень тихо) значит правда. Ты опозорил, и себя, и её, и всю нашу семью.

- С каких пор тебя волнует позор, накладываемый Вашем.

- (Стукнув по столу) ты спал со своей сестрой! – прокричал он, отчего все вздрогнули, а у Кнары затряслись руки, но она не могла вмешиваться. – Щенок. Глупец. Дело не только в Ваше. Завтра её должны висеть за то, что она была с тобой женщиной. И в этом Ваша поддерживает народ. – от сказанного Талия наводнившим взглядом посмотрела на Корнеида. Корнеид заметил это и сказал уже ей, а не Роберту:

- Не бойся, этого не будет. Если это так, то завтра я убью его.

- Завтра ты не будешь вмешиваться. Я и Лев справимся без тебя.

- Это не ваше дело.

- (Снова ударив в стол) нет, теперь это наше дело! А у тебя больше никаких дел нет и не будет.

С балкона вышла Эля и облокотилась к стене, искоса смотря на все это.

- Таль идём, здесь до утра нельзя оставаться. – сказал Корнеид, понимая, что не намерен унижаться. Талия привстала, но отец схватил её за руку:

- Она больше с тобой никуда не идёт, и ты тоже остаёшься.

- (Повысив голос) а ты мне не указывай, что делать.

- (Встав со стола) как ты смеешь рот свой на меня открывать?

- И смею, и имею право. Талия, я сказал уходим.

- (Вывхватив шпагу) стоять! – он ударил рукоятью по столу, Корнеид выхватил свою шпагу и направил на него. Все в доме вскочили, и схватились за их руки, свисая на них.

- (Лев) отец, хватит!

- (Кнара) да что это на вас нашло!?! Убить друг-друга хотите?

- (Талия) Нет, пожалуйста.

- (Роберт – Кнаре) а я скажу тебе, что сделал этот сукин...

- (Корнеид, взбесившись и вырываясь из рук) как ты меня назвал?

- (Роберт, продолжая) думаешь, что случайно только эти письма у него были украдены. Они были оставлены им специально на самом видном, небось, месте. Он сам это все спровоцировал. – не успели все оглянуться, как Корнеид всех растолкал, схватил Роберта, одной рукой прижав его к стене, другой пригрозив остриём.

- (Корнеид) это все лож. Ты думаешь, что я - Карлен, и видишь, что это не так, потому что твой сын погиб на войне много лет назад.

- (Выбиваясь из его рук) теперь ты вместо него! – к Корнеиду подбежал Лев и схватился за его спину, все остальные встали меж Корнеидом и Робертом.

- Я не собираюсь быть на месте кого-то. Я прекрасно помню кто я. Моих родителей убили так, что ты и представить себе не можешь. Прямо на моих глазах. Весь город смотрит на меня, как на чужака. Ты запер меня и свою родную дочь в пещеру из-за этой власти! А теперь что-то хочешь от меня?

- (Талия) Ней, прошу тебя. Хватит!

- (Кнара) Да прекратите же вы! Хватит уже!

Эля и Лев внимательно смотрели на Корнеида. Только они могли понять, хоть что-то.

- (Корнеид) я заберу эту власть в свои руки! Завтра! А вам запрещаю вмешиваться в это! С завтрашнего дня, только попробуйте мне не подчиниться. Я вас сам вы-се-ку. Понял меня или нет? – говорил он это, схватившись за рубашку Роберта и тряся его.

Лев оттолкнул Корнеида на пол, а Роберта повалил и силой стал разжимать ему пальцы, чтобы забрать шпагу. Эля положила руку Корнеиду на грудь и умоляющее посмотрела. Он вложил шпагу обратно и подошёл к Талии.

- Идём. Уходим отсюда. – к ней подбежала мать и схватила двумя руками.

- Ней, я не могу, не могу, понимаешь?

- Таль, прошу не делай этого. – он взял её за бёдра. И по привычке стал крутить её еле-еле, влево-вправо. Он поцеловал её в щеку, а она как-то отстранилась от этого поцелуя. – Скажи мне, что не так?

- Мне уже ничего не нужно.

- Что, и я тебе не нужен? Таль, это все неправда, слышишь?

- Прошу, давай оставим все это.

- Что все это? Таль, я люблю тебя.

- Корнеид, хватит. – сказала она ему уже грубо.

И он отошёл от неё. Она на него не смотрела. А он и не знал, куда смотреть. Только что в его сердце произошёл надрыв, и там зазияли все чувства человеческие, как мерцающие звезды во мраке. Они стали выливаться из его сердца. Затоплять всю его душу. С того момента родился тот Корнеид, которого люди будут знать и помнить. Теперь уже ничто не осталось.

Роберт лежал на полу. Лев его успокаивал.

- Ты никогда не сможешь быть с ней. И не мог. С того дня, как получил ты этот крест от моего сына. Он нарёк тебя Магнифитом. Неожиданно для всех нас отдал власть мальчику не нашего происхождения. И сделал тебя её братом. Теперь я вижу, что все это была ошибка.

- (Переводя дыхание) если дело в этом? – он посмотрел на Талию, потом снова на Роберта и снял с себя крест. – Тогда забирай, я не променяю это на неё. Ну! Забирай! – крест на розариях свисал с его сжатого кулака.

- Нет. Поздно. Слишком поздно. Этот крест придётся нести тебе.

- Забирай я сказал! Забирай!

- (Долго махая головой) нет.

Корнеид стал вопить, оглушив даже самого себя, держа перед собой, свисающий крест на вытянутой руке. Все замолкли и смотрели на него. Ещё никогда они не видели такого разъеденного человека. Чью душу обгладили до костей. Они все испытывали некую ответственность за создание этого человека. Он был одинок. Он просил помощи. Но ему не поможешь. Все женщины не могли смотреть без слез на это: ведь этот человек отныне остался без всего с этим крестом в руке.

Он бросил крест на пол. Он распластался, как змея посреди комнаты. И все отстранённо смотрели украдкой на этот крест. Кнара захотела поднять его.

- (Роберт) оставь его. (Корнеиду) поднимай! – но Корнеид стоял как вкопанный. – Поднимай, я сказал! Ты все ещё мой сын по праву.

- Я больше тебе не сын. Запомни это. – Кнара, услышав это, подошла к нему. – Оставь меня. (Еле расслышав) вы все меня оставьте.

И испугавшись собственных слов он выбежал из квартиры. Талия горько заплакала, Эля побежала за ним. А Лев за Элей. Роберт в тяжелой отдышке лежал на полу. Кнара подняла крест с пола.

И сидел он один на берегу озера. Смотрел на месяц – его острый конец цеплял облака. Озеро шелестело камушки. Туда-сюда. Непривычно ему было

сидеть одному. Ведь подобная ночь у него была впервые. Он прожил с Талией в пещере много лет. Вырос. И теперь ему суждено выйти из неё мужчиной. Было странно. Он думал, что этот момент будет протекать в нем постепенно, что его нутро будет раскрываться лепестком за лепестком, но нет, это произойдет завтра. И оно не придет. Ему просто придется им стать. Или умереть.

Не хочется махаться шпагой. Не хочется спать. Время – оно без замков, но сейчас оно затворено этой ночью. И казалось, что месяц никуда не шелохнется; что он будет стоять на одном месте, покуда Корнеид сам не захочет, чтобы в этой лодочке появилась пробоина и он бы ни потонул в этом озере или бы ни разбился об горы.

А какой водоворот был в груди. Будто что-то или кто-то огромной, длинной лопатой мешал в его груди вязкий, тяжёлый омут. Он не мог с этим совладать. Он крутил им, заставлял метаться и разбиваться об все углы этого света. Это птица, бьющаяся крыльями в тесной клетке. Это больное сердце, тянущее его вниз к камням. Эти воспоминания, выпивающие его рассудок. Улыбка. Глаза. Слова. Её обида. Её смех. Её влюблённый взгляд. Стеснение. Крик. Её ладонь, её спина. Её волосы. Поцелуй за поцелуем. И снова поцелуй...

Он возвращался по оливковому саду. Смотрел наверх. Видел шелест трапеции звезд. Видел их створки в виде облаков.

И в пещере один. Это бежевое одиночество. Бежевая хандра. Он сидел рядом с Марией. И молился ей, чтобы она ему вернула Талию. А потом поднимался и целовал её лоб. А ветер все гудел. Ветреная конница проносилась мимо.

В пещере оказалась Кнара. Она пришла к Корнеиду после всего этого дурдома.

- (Злобно) чего тебе нужно?

- Я пришла поговорить с тобой.

- (Махнув рукой в сторону выхода) нам не о чем с тобой разговаривать. Уходи.

- (Подойдя к алтарю) я принесла тебе твой крест. – она положила его на алтарь к ступням Марии. Корнеид лишь надменно фыркнул. – И пожелать тебе завтра удачи. – Корнеид все молчал. – И попросить у тебя прощения. Как человек, который тебя воспитывала, я совершила ошибки, но знаю, что ты их не совершишь. Я прошу тебя лишь защитить Талию.

- Если бы вы хотели её защитить, то не держали бы её дома. А теперь она в опасности. И не только она. Ваш не успокоится, пока дети Роберта не вымрут. Но мне до этого нет дела.

- (Она быстро подошла к нему и встала на колени) чего ты хочешь? Скажи!

- (Презрительно) встанешь женщина, ты слишком много себе позволяешь. Единственное, что я хотел, вы уже отняли.

- Пойми, ты не можешь быть с ней.

- Это ты пойми. Она была единственным, что мое сердце удерживало от ненависти ко всем. Однако завтра я буду за неё драться. Как бы там ни было, я всегда буду любить её... я сказал тебе уходить!

- (Вставая с колен и направляясь к выходу) я знаю, что ты победишь. Я верю в это. А когда ты станешь всем для этого города, все девушки захотят быть с тобой.

- (Зажигая свечи у алтаря) но меня к этому времени здесь уже не будет.

- (Через плечо) как это не будет?

- Я уезжаю в скором времени. Здесь я не останусь. Я буду искать себе жизнь.

- Здесь твоя жизнь.

- Это не жизнь. – Кнара стояла у входа в пол оборота, смотрела на него через плечо. Увидела, что он надевает крест, и ушла.

Спускаясь с горы, Кнара вспоминала своего сына. Тот момент, когда они всей семьёй пошли к девушке, которую он выбрал. Как они сидели в гостях, как мужчины разговаривали, а сын и невестка переглядывались друг с другом. Они сидели поодаль, ждали разрешение старших. Когда разрешение было дано их связи

как мужчины и женщины, уже никто не имел право претить. Со временем у них должно было появиться потомство, после чего их бы венчали. Шли слухи, что девушка не беременеет. Подруги Кнары все намекали на это, на что та сказала, что она ещё совсем девчонка, а её сын не торопит её на этот шаг. Относится к ней понимающе и не толкает на то, чего она пока не желает.

Она вспоминала свой день рождение. Все сидели в базилике за большим столом. Среди белых колон, стульев, увитых красными розами. В свете сиреневых витражей и ярких подсвечников. Все сидели и веселились. Была все её семья, её подруги, семья невесты. И Карлен. Там был Карлен. Он как раз сидел и шептался со своей любовью, а она скромно подавляла смех и улыбалась ему.

***

Роберт был уже у двери своего подъезда. Терпел он уже не выносимый натиск ударов за ударом шпаги Ваша. Блокировал её как мог. Почти стоя на коленях. Весь город превратился в бойню. С того момента, когда Роберт и Лев преградили путь к Талии, город поднялся на клинки, и кровь стекала по ним, как по желобам, заливая ниши брусчатки. Лев дрался где-то в гуще. Ваш прижал Роберта к стеклянной двери. И стал резать шпагой его пространство. Какой бы блок уже не ставил Роберт, острие шпаги проходило по его туловищу, бороздя раны.

Ваш бил его так, что стекло за ним гнулось и должно было уже выпасть из филенки. И вот Ваш вонзил острие ему в плечо. Роберт схватился за его шпагу и стал стягивать её назад голыми руками. Из его объятий мерно капали капли крови ему на брюки. Ваш со звоном резко вытащил шпагу из его плеча. Роберт прильнувший к двери, почувствовав истому от жаркой боли, дугой оставляя на ней кровавый след, упал набок. словно где-то внутри него распахнулась дверь, и все внутри него запеленал вошедший снег.

С каждым тяжёлым вздохом у него закатывались глаза и дрожали веки. Но Ваш сказал ему, что он умрет после того, как увидит боль своих детей. Он взялся за ручку двери и тут его окликнул голос дерзновеннее звона шпаги.

Толпа расступалась перед ним. К нему шла стройная темная фигура в чёрном кейпе. Корнеид встал перед ним. Ваш поравнялся с ним. Лев подбежал к отцу, захотев его увезти, но тот рукой схватился за него, не давая себе встать. Эта тишина. Она предвещает смерть. Все замолчали от уважения к ней. В узкой улице, люди расступились и прижались к стенам, освободив им дорогу для боя.

Лицо Корнеида, как и его поведение, было возмутимо спокойным. Он расстегнул кейп, и тот элегантно спал с его плеч к ногам. Потом он вытащил шпагу и встал к Вашу боком, держа шпагу за собой. Да так встал, что стойка у него была вся изогнутая – он стоял не просто с прямой спиной, поясница и лопатки были так изогнуты, что его бедро поддалось немного вперёд. Его руки легко свисали вниз. Он выглядел дико, как и подобало человеку, кующемуся в пещере. Перед лицом опасности никто бы не встал так открыто как он. Но все понимали, что на такое был способен человек только подобного воспитания.

И так, удар Ваша. Остриём вперёд. Корнеид поворотом отражает и оказывается у него за спиной. С таким же резким поворотом Ваш начинает наступать, поддавшись ногой вперёд. Борьба шла тремя ударами по очереди от каждого. Потом двумя. Потом взявшись двумя руками по одному удару. Их шпаги были подняты над головой. Блок и удар. Блок и тяжёлый удар. Почувствовав каждый, что руки сейчас опустятся, они в один миг взяли за предплечья руки друг друга, что держала шпагу. И стали крутиться. Корнеид ногой ударил его в живот, оттолкнув в сторону храма.

Тот, упав на пол, попятился на площадь. Корнеид пошёл за ним тяжёлым, интенсивным шагом. Он не бежал – он просто шёл, давая ему встать на ноги. Подойдя, он стал наносить ему удары. Ваш блокируя, со скрежетом выкидывал

шпагу в бок. Потом он собрался с силами и стал бить быстро и сильно, попадая не на середину шпаги, а на её концы, чтобы выбить из рук. Но Корнеид стал бить также, отчего произошёл танец двух мастеров. Ваш взялся обеими руками, поймал момент, и, как крутящийся фейерверк с ослепляющим лучом солнца, прокрутил его шпагу и выкинул её из его рук в сторону.

Корнеид оказался безоружным. Но по его лицу ни на толику не проскочил страх. Ваш с последним волнением стал делать выпады, но Корнеид, заложив руки за спину, с легкостью уклонялся боком. Он занёс шпагу, чтобы подсечь с плеча, но Корнеид проделал финт: изогнувшись спиной к земле, он прокрутился, увернулся от удара и оказался за его спиной. Но перед тем, как оказаться за ним, он успел ударить ногой назад по рукоятки его шпаги, от чего она взлетела вверх, перелетала его, Корнеид её поймал и с таким же размахом разрезал ему спину.

Спина Ваша изогнулась вперёд от боли, а ноги засеменяли быстро вперёд, держа равновесие, чтобы не упасть. Он шёл так, будто сзади дул ветер и раздувал его, как парус корабля. Согнув руки он прокрутился и стоял уже грудью к Корнеиду. Перед его глазами разыгрался паттерн. Его будто унесло ветром. Голова так крутанулась, что он увидел, и лица людей, и крыши домов, облака, крест церкви и, наконец, брусчатку. Он рухнул наземь и закрыл глаза. Из его спины стала исторгаться лужа крови.

Люди молча продолжали смотреть на Корнеида. Он так устало стоял. Но по выражению лица было ощущение, что этот бой ему ничего не стоил, хотя он победил непобедимого. Ещё несколько минут назад Ваш дал отпор, и Роберту, и Льву.

Все тело Корнеида поклонялось земле. Руки свисали не назад, а вперёд, еле держа рукоять шпаги пальцами. Но тут он резко приосанился. Встал в свою стойку. И посмотрел на всех. Потом посмотрел на дорогу, по которой его когда-то привёл священник. Его шпага лежала в той стороне. Он подошёл. Нагнулся. Взял. И пошёл к базилике. Народ сзади него не делали ни шагу вперёд. Все они одубели ещё от того финта.

Дверь в церковь оказалась тяжелее, чем на внешний вид. Словно огромная каменная плита. Он отодвинул дверь, зашел внутрь, повернулся и закрыл. Видя в сокращающейся щели дверей, расщепляющуюся толпу. Закрыл и повернулся. Перед ним были белые колонны с золотыми капителями, вздымающиеся высоко вверх, держащие широкие архитравы, меж которых свисали золотые люстры. Перед ним шла дорога к алтарю. Перед алтарём на плиточном палу лежала мраморная Мария с распростертыми объятиями. В храме расстились три нефа, меж ними стояли длинные ряды скамей из темного дуба. А совсем по бокам, в изогнутых полукруглых альковов от апсид, стояли огромные иконы с подсвечниками и свисающими лампадами, с местами для причастия и огромными арочными окнами с сиреневой мозаикой, изображающей библейские мотивы. По бокам от входа шли лестницы наверх в жилую капеллу для семьи Магнифит. Над алтарём был балкон для хора с органом.

Он подошёл к Марии, опустился на колени и припал к её объятиям, а потом сел на первый ряд, на краю, рядом с ней. Вот и все. Кончилось. Теперь здесь его место. И сейчас ему не встать. Не поднять своё тело. Его сейчас в силах была колыхать только дрожь. Он уснул, а проснулся в темноте. Сиреневые отсветы от луны через витражи тянулись к его ногам, проливающиеся на пол. За ним пьяно переливалась луна. Мария из белого мрамора тоже была в голубом оттенке.

Он поднялся, поцеловал её в лоб и снова сел. Подперев губы руками, снова закрыл глаза. Одиночество, мерно разделяющееся тишиной. Он не знал – один он в базилике или нет, но душила его томительная тишина холодного храма. «Ты сохранила мне жизнь. Но для чего?»

И он упал в сети сна. И во сне тоже спал в объятиях.

Часть 3 Магнификат.

Когда он открыл глаза, то увидел её перед собой. Она сидела перед ним на корточках и приглаживала его волосы рукой, дотронулась до его щетинистой щеки. Она о чем-то задумалась, отвернув взгляд чуть в сторону, смотря сквозь него.

Вокруг все было соткано из ночи. Все покрылось фосфорной оболочкой. И колонны, и скамьи, и Мария, и лепестки цветов, и она, увитая во всей этой кущи.

«Я ничего не могу прочитать в её глазах. Они также немые. Из них исходит женское, тоническое мычание, связывающее меня. Они мне сочувственно и ласково улыбаются. А что ты мне так улыбаешься? Разве ты не видишь, что я разбит? Как все внутри болит? Как все вдребезги разбито? Как эти осколки взгромозились и скрежещут по моей груди при одном лишь моем дыхании? Ты не знаешь – какая это бесчувственная стеклянная пустыня. Как в каждом её дюне я вижу своё треснувшее отражение. Нет. Тогда чего же ты так мне улыбаешься своими месяцами в глазах? Что же они так ущербно смотрят на меня?»

Она подняла его за предплечье. Он другой рукой, дрожащей судорогой подтянулся. Он шёл с ней к лестнице. Все тело отяжелело. Еле поднимались ноги. Волочились по ночной холодной плитке. Она его тащила. Он опирался о каждую скамью, словно об трость. Они скрипели при каждом его напоре тела.

Они поднялись в фамильную капеллу. Старая, но огромная дощатая дверь стояла на пути. На её притолоке было написано: «Тот, кто из Магнифит сотворит зло, да возвратится оно ему в сто крат». Они зашли в сводчатый зал, чьи стены и потолок были исписаны кракелюрными картинами. Дальше шли двери в различные комнаты. Корнеид у каждой останавливался. И хоть Эля его тянула за собой, он сопротивлялся. Корнеид зашёл к Роберту. С ним сидела Кнара. Они оба не спали. И завидев его, захотели привстать, но он мановением приковал их обратно на свои места. Роберт было хотел что-то произнести, но Корнеид также мановением закрыл ему рот и передал ему, что по выздоровлению тот продолжит служить в этом храме священником – нравится ему это или нет.

Он пошёл дальше. В соседней комнате лежал тяжело раненный Лев. Он тяжело дышал. Стонал от боли. Рядом с ним сидела Талия. Увидев её, Корнеид, и злобой, и любовью вспыхнул глазами, но боль сердца это все уняло. Лев уже начинал подтягиваться, поставив под себя локти, но Корнеид также мановением приковал его к кровати. Лев, перепрыгивая болью согласные, поблагодарил Корнеида, что тот спас им всем жизнь, что, если бы не он, то их бы давно уже растерзали. Он посмотрел как его рука, словно пригоршня чего-то, лежала в ладонях Талии. Он поднял глаза на её. Только их увидев, он громогласно захлопнул дверь.

Они пришли в комнату, которая предназначалась хозяину Магнифит. Но выглядела она по-женски. Большая кровать, над которой был поставлен балдахин, и с него свисал матовый полог, закрывающий всю кровать. Рядом с ней стояли массивный шкаф из темного дуба и стол с большим зеркалом. Напротив этого стола, через кровать, на другой стене был полукруглый витраж, занавешенный тяжелыми, зелёными гардинами со свисающей бахромой. Эля уложила его на кровать. Он лёг, с болью растягиваясь на всю длину. Она его раздела. Укрыла. Потрогала лоб. Припала к нему губами. Он почувствовал прикосновение её губ. И потянулся к ним своими. Он поцеловал её с благодарностью: ведь только она могла к нему придти и забрать оттуда. «Хочу, чтобы это комната была твоей, я все равно уйду, отныне у тебя будет все, что ты пожелаешь». Она хотела ему было возразить,

но он закрыл глаза и не смотрел на неё. Он уснул, и на этом все было кончено. В ту ночь темные времена закончились для города Магнифит.

Талия ухаживала за Львом. Взяла на себя эту роль. Ей больше ничего не оставалось делать: она чувствовала, что пришла в чужой дом, в чужой город, даже в чужую семью. Абсолютно все смотрели на неё косо, уничижительно. О ней ходили сплетни, гуляли по ночным улицам.

Это был позор – позор, который создали сами люди, а не она сама. Они его сшивают, как колючие покрывало и с улыбкой дарят тебе, а сами любят и шепчутся в сторонке. Но если это колючее покрывало укрывало всю семью, то со временем оно спало только на неё.

Корнеида не могли осуждать из-за его положения. К тому же он очень быстро смог взять власть в свои руки. Теперь его, и боялись, и в тоже время уважали. Его никогда не было дома. Поговаривали, что он так и живёт в горе, а кто-то говорил, что он весь в делах. Но Талия точно знала, что он не бывает дома из-за неё. Она чувствовала себя виноватой по отношению к нему, но и сама ничего не могла поделать. Та любовь, что она питала к нему, очернилась обществом, и она никак не могла оттереть эту грязь. На самом деле она была также разбита своим духом, как и он. Они оба не были ранены, как Роберт или Лев, но оба были растерзаны изнутри. Из-за того, что Корнеида не было дома, Талия никак не могла сдружиться с Элей потому, что она винила её за это. Эля была даже готова жить с тем, чтобы они были вместе, как попрежнему, лишь бы у Корнеида был дом. Но с другой стороны Талия заперта в этом храме, она опозорена и обесчещена. Это очень было серьезным явлением, так как всё, что могла женщина, это создать семью, а теперь она этого не могла. А Корнеид, хоть он и не появлялся дома, но весь город, как минимум, был его домом.

Он действительно по нему разъезжал, узнавал все слабые и сильные моменты его жизни. Он вернул в город духовную жизнь. Он протягивал город к морю. Он представился королю, и тот одобрил его власть официально. Корнеид был везде, и иногда ночью она слышала, как он проходил мимо её комнаты в свою. Бывало даже он открывал дверь, чтобы посмотреть, как она спит. Талия, конечно же, не спала, притворялась.

В те дни Лев для неё стал всем. Лев жил своей жизнью. Он не очень понимал все эти местные законы. Он не видел в них ничего серьезного. И Талию он очень любил и всегда веселил её. Как-будто это не он получил столько ран из-за неё. Они целыми днями проводили своё время вместе. А он все время выступал из-за того, что ему не разрешают выпить кофе или выйти на улицу. Это все было несовместимо с его лечением. Тем не менее, он не менялся, он оставался тем, кем был.

За то время, что они были вместе. Лев много ей поведал о себе и о своей семье. Когда ему стало немного лучше, он ходил в таверны вместе с ней к своим друзьям. Никто и слово не мог даже за километр сказать или посмотреть на неё, когда она была вместе с ним. Они вместе гуляли, он вместе с ней ходил на базар и по всяким другим делам. Он все время был с ней, чтобы все рты вокруг были закрыты. Прошло время, и она его искренне полюбила. Но никак это не проявляла. Ей было совестно очернять его жизнь. К тому же в её душе все ещё жил Корнеид, никому невиданный герой. Она понимала, что он чувствует тоже самое. И что сейчас бог знает, где он, и что он делает. У неё были двойные чувства, в которых она запуталась, и уже ничего внутри себя не понимала.

Она все также оставалась подавленной. Бывало ночью она выходила за спину храма к озеру. По чёрной воде лепестковым блеском плавали отсветы огней города, отсвет от луны. Звёзд было так много, казалось, что они плавались под летним зноем и растекались, размазываясь по чёрному куполу. Загибались за горизонт и окаймляли кромки склонов чёрных гор.

Каждую ночь она сидела в ночной рубашке, укутавшись в простыню. Зарывала голые ноги в песок. А со спины доносилось веселье площади. По воде то

и дело проскользнет со всплеском рыба, или соседние мальчишки где-то в стороне кинут камень в воду, врываясь в её спокойствие.

В один из таких вечеров к ней пришёл Лев. По голень он зашёл в воду и стал ходить по берегу, погружая пальцы в чёрный песок. Талия на него смотрела и улыбалась. И внезапно он подошёл к ней. Снял с неё простыню и взял на руки. Он пошёл с ней в воду. Она стала на него кричать, спрашивая зачем он это делает, что ему нельзя в холодную воду. Но Лев посмеялся и лишь передразнил её. Он вошёл с ней по пояс, а она лежала на воде, поддерживаемая его руками. Он стал её обмывать. Рукой проводил по ключице, по плечам, ногам. Её красные волосы ореолом разлеглись по глади воды вокруг её головы.

Она не могла вырваться из его сетей. И уже чуть ли не плача, попросила его отпустить её. Стала кричать, что ему нельзя в озеро. А он, то ли серьезно, то ли в шутку, стал разыгрывать с ней обряд крещения. Он сказал ей, что именно ему нужно очистить её, что пусть все плохое уйдёт от неё в этом озере. Пройдёт через стремнину рек. В моря. В океан. Где и будут бушевать грехи.

***

С тех пор прошёл год. Прошло время, всё улеглось, и жизнь продолжала идти своим чередом. От войны и внутренних конфликтов не было и следа. Народ жил, работал, перемещался по календарю верхом на своих традициях. Именно в описываемый день настал очень главный праздник для всех григориан – день Марии. Сумерки уже давно загустели и вспенились далеко за чёрными горами, выкидывая свет на матовые горы светом последнего оттиска своего костра.

Корнеида уже как год не было видно в городе. Сам город расширился до моря, где по слухам юноша и должен был обитать, но никто его не видел, хотя его приказы выполнялись в полной мере. И по оценке Роберта – Корнеид оказался чутким и внимательным лидером для их города. Сам Роберт был священником в их базилике. Рано утром он мог провести службу, днём поиграть в карты или нарды с другими стариками с чашечкой кофе, придти во время сиесты домой и отобедать, а вечером сидеть в исповедалне до ужина. Так проходили все его дни. И в дни, когда ему бывало нездоровилось, Кнара рушила его график, и он невероятно расстраивался.

Талия и Лев были влюблены друг в друга, хоть и не жили вместе, как мужчина и женщина. Лев хотел было сказать об этом Роберту, чтобы он дал разрешение, но Талия, после случая с Корнеидом, не хотела повторять ситуации. Время прошло, а она все его любила и даже надеялась, что где бы он ни был, он тоже её любит. Время прошло, она успела полюбить, а когда пришло время разлюбить – она с этим справиться не могла. И это ужасно насилывало её дух, отчего она никак не могла отвечать взаимностью Льву. Однако они всегда проводили время вместе. Талию больше не обсуждали, не осуждали. Они теперь все жили новой жизнью. Лев работал на разных работах, никакой не гнушаясь, помогал семье – к нему не было никаких вопросов. Он самый беззаботный, его не взять ни одной проблемой. Ему бы музыки послушать, над всеми посмеяться, попить кофе или вино и поцеловать в щечку Талию или Элю. Корнеида он оставил мысленно в покое. Единственный в семье, кто так поступил. Он единственный понимал его так, как никто другой не мог понять. И его решение жить своей жизнью как мужчина для Льва было очевидно.

А та, кто больше всего его не отпускала – была Эля. Это красotka не переставала цвести, а теперь у неё ещё были и разные украшения, платья и статус. Она ещё больше похорошела, а отсутствие её любимого, наложило на её лик истому печали. Она поселилась на ней поверхностно, в сенях, в сетчатке её глаз, увлажняя и не покидая их. Придавая слезный блеск. Она стала самой завидной невестой в городе. Гуляли толки на ветру и приходи морским пассатом с другого конца города,

что почти каждый день в базилике появляется жених и просит у Роберта со Львом отдать ему Элю. И хоть она нема, но каждый день в базилике от этого был скандал.

У Роберта постоянно были разговоры с его друзьями, предлагающие своих сыновей, а у Льва бесконечные разговоры с друзьями о разрешении придти к ним домой и все обсудить.

Он и сейчас сидел в кругу своих друзей. Они укутались в карманную темноту переулков. На столах у них запотевшие бокалы вин со льдом и дольками фруктов. Талия прильнула к могучему телу Льва и была желанной пленницей его объятий. Вино закрывало веки. Они всматривалась в блестящие глаза молодых людей в темноте, братья наклонялись к столу, и свечка освещала их лицо. Она внимательно слушала их спор со Львом. Это были его друзья, два брата, сыновья губернатора Магнифит – Аркадий и Анатолий.

- Послушай, ты, конечно, можешь придти, но моя сестра уже от всего этого устала, и её можно понять. Понимаешь?

- (Аркадий) что значит «можно понять»? Я понимаю, что она самая желанная невеста, но она всего лишь невеста, и...

- Эу, моя сестра тебе не «всего лишь». – сказал он, сменив тон и выражение лица.

- Вот, об этом я тебе и говорю, Лев, к любой другой можно придти, поговорить с её отцом, и он разрешит с ней, и поговорить, и погулять, а если она будет согласна, то и вообще забрать её к себе домой.

- (Указав рукой куда-то в сторону) слушай, мужик, вот и иди к любой другой, в чем проблема?

- В том, что она всем отказывает, а ты этому потакаешь. Ты что, хочешь, чтобы твоя сестра прожила без мужа, без детей?

- Нет, и дело не в этом. Я лучше любого из вас знаю свою сестру. Вы даже и не старались её узнать. Сначала приходили, сидели, вели себя, как я не знаю кто. Вы все хотите от неё одного. Вам бы хотелось, чтобы она просто была женой. Хотите быть с ней в постеле. Возможно, я не спорю, вы все будете с ней нежны и ласковы, возможно, вы все испытываете к моей сестре нежные чувства, я не спорю, но этого мало. Никто из вас не пытается её узнать, её полюбить. Возможно, что-то ей предложить, чем-то завлечь, просто заинтересовать. Нет, вы приходите, (потешно пародируя) «ё-моё, я мужчина, я хозяин. Я-я-я». – Талия ухмыльнулась. - Что это такое? Это я ещё помалкиваю, что вы все её стыдитесь. – друзья Льва сразу загалдели, убеждая его, что это не так. – Не надо, не надо, мне что-то говорить, я с ней всю жизнь прожил, я вижу, кто и как к ней относится. Кто-то из вежливости, из хорошего своего воспитания, а кто искренне на неё смотрит. Таких мало. К моему огорчению почти нет... есть у кого табак.

- (Анатолий) на, держи. Все остальное есть у тебя?

- Да, слушай, они так этот табак продают. – Лев стал рыться по карманам и вытаскивать из них бумагу и фильтры.

- А-а, у тебя белые. Они вообще жёсткие. На, возьми мои. – он дал ему коричневые сигарки.

- Да ладно, не надо.

- (Талия заныла) нет, возьми, пожалуйста.

- (Улыбаясь ей) чего такое?

- (Смущаясь) от них запах такой. А коричневые, от них хотя бы вишней пахнет потом.

- (Лев – друзьям) вот, понятно, вам. Как моя маська считает. И надо прислушиваться, идти на уступку. Когда будете любить и сами так будете себя вести. А то и вообще сигареты бросать. (Талии) да?

- (Смущенно усмехаясь) да.

- А она тоже, та, что продаёт: табак вообще не кладёт, зато бумагу, фильтры, это пожалуйста, у меня с каждой покупки ещё остается, а табак уходит.

- (Талия) меньше клади тогда.

- (Аркадий) тогда смысла курить вообще нет.

- (Талия) ну вот, значит и курить не надо.

- (Аркадий) а что, пахнет, когда целует?

- (Лев) ты тут не путай.

- Ну я же девочка, мне не нравится.

- (Анатолий) вы кофе будете? – все согласились, и Анатолий заказал всем кофе. Мимо столика проходили и здоровались разные компании. Официанты, видя, кто сидит за столом, всячески угождали молодым людям. Рядом с бокалами уже оказались голубые чашечки на блюдечке с чёрным кофе. Лев попросил ещё маленькую плошечку молока. – Зачем тебе это молоко?

- (Наливая молоко в чашечку) так лучше. Они тоже обжаривают так, что невозможно. А это намного вкуснее. Доза кофе все равно остаётся. Сахар и молоко ничего не испортят. И тебе не надо пить кофе с кислой мордой. Я вам давно предлагал сделать кофейню со своим кофе.

- (Аркадий) где, здесь? Зачем? Надо ехать к морю и там открывать уже, там будущее.

- А-а, ну вот тут и загвоздка, я тебе куда уеду? Я бы взял с собой Талию, если она будет согласна. – Талия опустила свои глаза. – А Элю я куда дену. Я столько не потяну. При всей помощи будет сложно.

- (Аркадий) тебе то, что? Ты из семьи Магнифит, и ты в своём городе. Там тоже все ещё твой город.

- Да не моё это все, я не Магнифит, вы оба это знаете. У всего этого есть свой хозяин.

- (Талия, ворвавшись в разговор) это не важно. Ты же знаешь, что это не так. Ты всегда будешь сыном для наших родителей.

- У меня и свои есть, не обижайся только.

- Я не обижаюсь. – осеклась Талия.

- И я не смогу здесь оставить Элю, вот если бы она вышла замуж, тогда я бы был спокоен. Но она не та, кого я могу вот так легко оставить. Пока мы тут с вами сидим, она там во всю на стол накрывает. Я бы взял её с собой, но она сама не хочет идти. Что она будет делать? Она не слышит, с ней не разговаривают, ей тупо скучно. Она увядает так у меня.

- (Анатолий, будто успокаивая) Лев, ты не думай, что мы стыдимся её немоту. Ты знаешь, если она твоя сестра, она и нам сестра.

- Да знаю, знаю. Если бы не эта немота, я бы разрешил ей самой встречаться с кем она хочет. Без всяких там приходов ко мне или к Роберту.

- (Аркадий, важно) но так нельзя.

- (Фыркнув на него) это у тебя нельзя, а там, где мы родились, это нормально. Это сюда мы приехали, и тут всякие приколы были, сейчас уже куда проще, но все равно. В моем доме так к женщинам не относились. И в доме Корнеида тоже.

- (Анатолий) где он сейчас?

- Не знаю, где-то. Живет и хорошо. Я рад за него. Единственный из молодых парней, кого моя сестра любит. С детства он был к ней внимателен. Я тебе клянусь, был бы он здесь, я бы уже пошёл и давно бы сам предложил ему свою сестру.

- (Аркадий, возмущённо) ещё чего? Чтобы наши женщины ложились под этих аспирийцев. Мало они нам зла сделали?

- Проявляй к нему уважение, Аркаш, аспириец или не аспириец, мне все равно. Он твой будущей помазанник, и счастье для всех молодых парней, что его нет, а то моя сестра выбрала бы его.

- (Анатолий, улыбаясь) лучше ей вообще кого-то выбрать, пока её не похитили.

- (Усмехаясь) ты кайфуешь, что ли? Я любому пасть порву за такое.
- (Анатолий) сам смотри, украдут и все, если через вас с Робертом нельзя договориться.

- (Покачав головой) ладно, пошли мы.
- (Аркадий) обиделся, что ли?
- Нет, дома уже, наверное, ждут. Сегодня же день Марии.

Они возвращались домой, держались за руки. Лев молчал и был весь на взводе. Весь город в этот день не гулял допоздна, а возвращался по домам. В этот день в каждом доме готовились сладкие лепёшки. После семейного ужина накрывался стол со сладостями и с этой сладкой лепёшкой. Нужно было каждому оставить по кусочку на ночь, каждому члену семьи: каждый должен положить кусочек себе под подушку и тогда ему приснится его половинка.

Каждый во сне в эту ночь проводил со своей любовью или знакомился с ней, находил её, приходил в гости в чужой сон. Все были ночью связаны сердцем Марии. Все в эту ночь спали в её объятиях. Вынимая из сердца ножи.

В храме все было украшено цветами: скамьи, пьедесталы колон, алтарь и Мария. Все было в белых розах и бегониях. По углам и вдоль стен горели лампы, прогоняя сиреневые сети, догорали свечи в подсвечниках в песке, отбрасывая еле-еле свет на почерневшие картины. Если старые картины покрывались кракелюром, то здесь их краски просто чернели, будто кровь. Через сюжеты мозаик просвечивались светила в чёрном крепе. Лунный свет отбрасывал сирень витражей на пол. В их семейной капелле среди картин и подсвечников стоял круглый стол, накрытый белой скатертью, тянувшейся драпировкой до пола. Кнара и Эля бегали туда-сюда с тарелками, накрывая стол.

Эля состригла себе волос до плеч. При виде брата ее розовые губки расплылись в улыбке, обнажив брекететы. На шее у неё был чокер с жемчужиной, в ушах продеты серебрянные кольца. Рубиновые разрезы глаз были подведены, их ореховый оттенок блестел, а на ресницах был наложен её блеск. Одета она была в голубое платье. Оно полностью закрывало грудь, застёгивалась как рубашка по горло, закрывало плечи, но не предплечье, и уходило длинной юбкой вниз с разрезом, открывая одну ногу.

После того, как прошёл праздничный ужин, Кнара всем наказала в обязательном порядке взять по сладкой лепешке и отправиться спать. Они убрали со стола. Стали расходиться каждый по своей комнате. Эля заискивающе улыбнулась брату и исчезла за дверью. Талия рывком схватила руку Льва, пока дверь за ним ни закрылась, и вцепилась в его губы. Поцеловала. Обиняком улыбнулась и ушла к себе.

Она положила сладость под одну подушку, положила на неё голову, а вторую закинула себе на грудь и обхватила руками. Долго не могла заснуть. Подушка была такая большая, как могучая спина Льва. Именно её она себе и представляла. Вились сны за закрытыми веками. Связывали и бросали в уставшие топи желаний. «Увидеть или услышать любимого, побыть рядом с ним настоящей. И быть его навсегда».

Она спала, и ей снился её Лев. Но на мгновение ей приснился и Корнеид. Он просто ходил рядом, охранял её сон. Бывало посидит рядом с ней и поцелует спящую.

Это ей мешало. Она не понимала почему ей снится, как он на неё смотрит спящую. Проснулась она, будто спала всего пару минут. Открыла глаза и побежала ко Льву. Но кровать была пуста. А в центральном нефе храма стояли друзья Льва и разговаривали с родителями, успокаивая. В ту ночь похитили Элю.

***

В храме веял гнев Льва. Он вернулся обратно в храм перед тем, как объехать

всю их часть города, спрашивая у всех кого можно, заходя ко всем тем, кто приходил свататься к Эле, и кто даже не приходил.

Когда о происшествии узнали его друзья – Аркадий и Анатолий – они пришли к нему в храм, и он без всяких слов накинулся на них, ибо именно они первые и в тот же день заикнулись о похищении Эли. Лев не мог себе простить эту ночь, он кричал на самого себя. Ходил из стороны в сторону. Друзья оставили его в покое и разговаривали уже с Робертом, пытаясь принять решени - как им быть. Кнара, вся трепещущая, стояла у Марии и молилась. Талия стояла как вкопанная посреди всего этого происшествия и не знала, что ей делать.

Она подошла ко Льву. Он метался, словно сквозняк по всему нефу, бормотал под притуплённый взор, бросал взгляды в разные углы. Метался. Сновался. Он все ходил и винил себя, а Талия пыталась ухватить его лицо ладонями и направить его глаза на себя, понимая, что тогда он и успокоится. Она будто пыталась поймать этот ерошащийся ветер. А он все выл, что это его вина, что он не заметил, как ночью кто-то бродил в доме.

Ей удалось его поймать. Она схватилась за его лицо, и её лицо тонуло в его глазах. «Успокойся, все будет хорошо, милый», - сказала она ему. И он медленно покачал головой, внимая этим словам, построив в своих думах окончательное решение. Он окликнул друзей и попросил у них помощи. Они без раздумий сказали ему, что и пришли помочь. Он всем объявил, что едет к морю искать Корнеида. Именно он должен помочь ему. Было очевидно, что Эля сейчас не в приозерной части города, поэтому ему и нужна была помощь властного человека.

Он поднялся наверх собирать свои вещи. А Талия села на край самой дальней скамьи, и продолжала слушать разговоры друзей Льва с Робертом. Отец всячески поддерживал и одобрял их план. А Талия не могла справиться с этим решением. Сейчас он соберёт вещи и подойдёт к ней с предложением уехать с ним: ведь неизвестно через сколько времени она найдётся, да и найдется ли. Талия знала, что сестра для Льва - самое ценное, кто есть на свете, но и она за этот год стала не пустым местом в его сердце. Она знала, что сейчас он спустится и предложит ей уехать. Но как уехать? Куда? Туда, где она не сможет быть с родителями? Теперь никого нет: старший брат давно умер, Корнеида как год нет дома, Элю похитили, и навряд ли она будет здесь жить, теперь и Лев уезжает – из всех детей она единственная, кто осталась у уже старых и уставших от блокады, от скорби по сыну, родителей. Она не вправе удерживать любимого человека, если ему надо уйти, но оставить родителей одних, она тоже не вправе. Единственная их родная дочь.

Когда эта минута настала, Талия не стала ему ничего объяснять, но Лев и без того все понял. Он лишь подошёл к ней и опустил на колени. Уже он тонул в её глазах. Он лишь губами приоткрыл дверь к её чувствам и заглянул в её сердце, поцеловав свою любовь. Талия не стала скрывать свои чувства при родителях. И так в темной комнате тоненьким светом прорезалась для всех любовь. И в тиши были слышны лишь её всхлипывания и причмокивания поцелуев.

Он поцеловал её и заявил Роберту, что именно ей быть матерью его детей, и что он вернётся за ней, чтобы забрать или остаться. На что Роберт с улыбкой сказал: «Да будет так». Он пообещал и ей, стал целовать её в лоб и в губы, невыносимую вереницу нежности невозможно было прервать ей, пытаясь его зацепить, удержать рядом ещё несколькими поцелуями, он все-таки ушёл.

Шло время. И Талия в нем увядала. Её дух разделился на две части, разрывая сердце на стыке, где она испытывала чувства к двум мужчинам. Каждый день любое воспоминание о ком-то из них бередило ей душу.

Она помогала по дому. Ходила с матерью на базар. Помогала отцу с мессой. Ходила за ним днём, где играют все старики, чтобы забрать его на обед. Прогуливалась с ним по вечерам или смотрела телевизор с ним и матерью. Они жили так, как будто не было ни Корнеида, ни Льва с Элей. Будто прошла война,

прошла блокада, умер брат в бою, и теперь они остались втроём. Будто ничего и не было, никакой любви, никакой горы, никакого сострадания и поддержки от Льва.

На деле это выглядело именно так, но дух Талии был с этим не согласен. Каждый день он болел и заставлял своей болезнью верить, что она осталась одна. И действительно. Талия будто ничего не ощущала и не понимала своей болезненной любви и противоречия в ней. Её дух превратился в пустыню, где больше не было веры ни во что. Дни в ней сливались и проходили песком через пальцы. Она была так пуста. Будто все чувства выжгли ей все в груди, и теперь вместо них она чувствует ожог. Будто сердце разбилось на осколки и скрежет ей все изнутри. Она говорила себе, что ей пора спастись, что если она не спасёт свою душу, то очень скоро погибнет. Да, жизнь была, будто ничего и не было, но жизнь эта пряталась не в днях настоящих, и даже не в воспоминаниях, а прямо в её духе, вырывающегося своей истерией. И самое страшное, что в ней было это безразличие к тому, что её дух может иссякнуть.

В одну из ночей она не выдержала, взяла их старую машину и уехала, но не к морю. Она ехала по мягкой дороге, вдоль верениц огней. Машина проезжала сквозь горы, дорога пронизывала их изнутри, словно собирала ожерелье. Выходя из туннеля, вокруг машины строился жёлтый туннель из тумана, запятнанный фонарными столбами. Где-то они не работали, и туннель становился жемчужным от моря и луны. Лишь на мгновение Талия увидела море, поднявшись в горы так высоко, что показался бесконечный водный горизонт, не заставленный стенами в виде гор. Луна своей рябью строила настил из света на воде, построив серебряный мостик.

Талия открыла люк машины. И ветер стал рваться об него. Западать в машину и запальчиво заикаться. Дорога спустилась ниже, заслонив горами море. И туманный туннель каждый раз был поваплен разными цветами. То сиреневым, то бардовым. Мог моросить дождь сквозь этот туннель. Или дать посмотреть сквозь прозрачный потолок колючим своим взглядам звёздам.

Туман затоплял горы и леса. Он накрывал их чёрные спины, словно шалью. Горы огромные, стоящие где-то особняком, были похожи на растекающуюся гуашь по листку, словно ребёнок рисовал темноту.

Талия ехала ровно час и, подъехав уже почти к границе к Аспирии, свернула с неё на просеку, распластавшуюся вдоль ряда кипарисов, словно мимо исполинского забора. Как зеленые свечи они возвышались, держа на своих пиках по звезде. Эту просеку проторили уже не мало машин, меж двух полос шин выбивалась трава.

И вдруг показалась та самая деревня. Именно тут и умер Карлен, как ей когда-то рассказывали. Она никогда здесь не была, но поняла, что это поле брани по воздвигнутому мемориалу и склепу, дорога к нему вела, выхоложенная из плит. Она была широкая, заменяющая собою нивы. Уже мало осталось полей, трудно представить, как деревне пришлось кормить себя во время блокады, да ещё и с войском, и без правителя: ведь эта деревня была в пограничной области Корнеида.

Талия оставила машину рядом с просекой, ведущей к деревне, а сама по темноте, сбивая капли от дождя своими ножками, прошла по траве. Увидев монумент, она удивилась и побежала к нему в надежде найти имя брата на нем; она бежала сбивая влагу в траве в одно море, её ножки бежали по ней, играя, как пианола. Она побежала по каменным плитам, нащупывая ногами кресты.

Когда она прибежала к монументу на нем имён не оказалось, за ним шёл склеп, и шёл он прямо под землю. Она зашла. Внутри все переливалось голубым и бирюзовым оттенком с длинными коридорами и мраморными статуями. Холодный оттенок нарушали оттиски света от свечек. Местные жители, видимо, приходили сюда и почитали героев. Талия ходила по коридорам и понимала, что здесь захоронены солдаты и жертвы Красного города. Статуи были не у всех, лишь у людей из знатных родов. Так она нашла статую, похожую на Корнеида, но это был её брат. У ног так и было написано: «Карлен Магнит». »

Вдруг позади себя она услышала голос и вздрогнула. Этот хриплый голос вырвал у неё из груди пронзительный выкрик, убежавший по коридорам склепа. Это был священник, тот самый, пришедший вместе с маленьким Корнеидом к ним в город.

Талия и священник немного побеседовали. Он ей рассказал, что эту память героям воздвигнул сам Корнеид Магнифит, что строить начали его сразу после трагедии, но Корнеид за год смог закончить строительство. Талия сказала, что она его сестра, показала свои документы и спросила, где он находится. Священник ответил, что Корнеид, приехал сюда год назад с рабочими и материалами для воздвижения памятника, он все время ездил от моря до этой деревни, часто навещал это место и контролировал стройку, но несколько месяцев назад, чуть-чуть здесь побыв, он уехал в сторону Аспирии и больше не возвращался.

Эта новость поразила Талию и не давала ей нормально дышать. Она вышла наружу. «Кого же тогда поехал искать Лев? И зачем уехал Корнеид? Он вернулся домой? А что если с ним что-то случится?»

Талия стояла на некогда выжженной земле. Где когда-то погиб её брат. «Где ты, Корнеид? Простил ли ты меня? Или держишь на меня обиду? А я все ещё люблю. Да, люблю». Его жизнь дубравой коренилась в её сердце, раскалывая его. Над головой была чёрная оркестровая яма со звёздами с их бесконечными раструбами и духовым ансамблем. Он дул во все инструменты, заставляя её дух дрожать. Где-то за деревьями слышалось шоссэ и звук, пронсящих машин. Они разрезали ветер, будто, пронсясь, сейчас выбьют её дух из тела. «Вот она любовь – ребёнок завёрнутой в нашу душу, словно в пелену, пронсённый сквозь время, пятная и разношавя её. Душа требующая стирки». И в яме все играл оркестр, заставляя дрожать и сквозь мокрые глаза смотреть на деревню и поля, на луга.

«Нет цветов, лишь луга... луга...
Я убегаю от твоих улыбающихся глаз.
Белая полоса дороги все мои слова,
От них на дороге создается мираж.

Нет цветов, одни слова... слова...
Мой дух превратился в ворох чувств,
Их величие обрушивает тень на мои поля,
Я от дождя, от урагана этого мечусь.

Задралась юбка ночи, небеса... небеса...
Я не могу тебя понять - могу лишь любить.
Занавесь мне страну, дабы солнце не слепило глаза,
Пусть любая борозда укажет мне путь

Нет цветов, лишь луга... луга...
Я еду в мираж по дороге меж полей,
Их периметры в сумме все мои слова,
Укутают в ковёр у не приютивших меня огней.

Прилипла грязь как войлок, душа... душа...
Я вижу тебя через прогалины невидимых стеблей.
Мятлик дуновением шепчет родные края,
Но меня уносит вечность из любовных сеней».

Домой она вернулась той же дорогой. Вся выпитая слезами и, как ребёнок,

падая в сон после рыданий. Она заглушила машину и вошла через главный вход, потянув на себя грузную дверь. Дверь за ней захлопнулась. Она села на край дальней скамьи, ногами к центральному проходу. Через мозаики процеживались сумерки. На её хлопанье дверью проснулся Роберт, и пошёл проверить. Увидев свою дочь, он сел на скамью к ней напротив.

- Талия... - она вопросительно хмыкнула, понуриив голову. – Дочка, где ты была?

- В деревне у границы, там, где был Карлен.

- (Протяжно) а-а, я слышал, там воздвигнута могила солдат.

- (Вытирая нос) не только, там ещё захоронены останки погибших мирных людей в Красном городе.

- (Поджав губами) я не знал об этом.

- Я тоже об этом ничего не знала, нам надо поехать туда всем вместе и почтить их память.

- Да, конечно, и мы обязательно поедem. Я возьму маму, и мы поедem туда, как соберемcя с силами... А ты ездай.

Талия от удивления подняла на него голову, посмотрела в его старческое, улыбающееся лицо.

- Куда?

- К морю, ездай ко Льву. Ездай, дочка. Я больше не в силах смотреть, как ты страдаешь...

- (Со слезами на глазах) я не страдаю... я просто скучаю.

- Скучать по своим любимым тоже самое, что и страдать. Я не могу удерживать тебя и твою жизнь.

- Но как же ты и мама?

- (Наклонившись, взяв её руки) у меня ещё достаточно сил, чтобы защищать твою маму, а обо мне не беспокойся. Я хоть и старик, но я не глуп... Запомни, Талия, в нелюбви жить можно, а вот без любви практически невозможно. Если тылюбишь Льва, то иди и разыщи его, и строй с ним свою семью. В конце-концов, что может быть важнее.

- (Стыдливо смотря на его руки) в том то и дело, отец, я запуталась, я совершенно в себе запуталась. Я не знаю, что со мной происходит.

- (Долго мычав и качая головой) м-м, не знаю, что мне тебе на это сказать, у меня не было никогда такого... (сотрясая рукой в воздухе и выпрямившись) но, я тебе не рассказывал? Где-то за день или за два, как похитили Элю, здесь ночью от дождя в исповедальне спрятался молодой человек. Я это заметил и зашёл в соседнюю кабинку, чтобы поговорить с ним.

- Отец, ты же мне не нарушишь тайну исповеди.

- (Серьезно, сжав брови и вытянув губы) нет, конечно нет, но он и не исповедовался мне. Он не хотел, хотя я всячески склонял его к этому. Мы просто поговорили с ним. Он удивительный человек. Глубоко верующий и любящий бога. Я редко встречаю такую любовь к богу у молодых людей. Было видно, что он способен любить. Но тут-то и проблема. Как я понял по нашему разговору, у него такая же проблема была, как и у тебя. Он разделялся между семьей и той, кого любит на стороне. Его это корило. Я сказал ему, что он мужчина в первую очередь, и что долг важнее какой-то там интрижки или даже личной любви. Я сказал ему, что никакая любовь не должна перекрыть уважение супругов друг к другу. Какая женщина может быть важнее той, кто родила тебе детей. (Вздохнув) и вот тебе я хочу сказать тоже самое. Иди к мужчине, который сделает из тебя женщину, а не просто любовницу. Послушай своего старика. Я обещаю, ты не пожалеешь.

Талия встала на колени и обняла своего отца. Он трясущимися руками обхватил её спину. Через некоторое время она ему сказала:

- Отец, послушай, в деревне я узнала от местного священника, что Корнеид уехал в Аспирию.

- (Пристально посмотрев на неё) в Аспирию? Зачем?
- Я не знаю, мне кажется, он просто уехал, не найдя здесь ничего для себя. – Роберт посмотрел вопросительно на пол, держа её за плечи, а потом снова на неё:
- Не волнуйся по этому поводу. Возможно он уехал, чтобы ответить на некоторые вопросы самому себе в первую очередь. Мы все, рано или поздно, хотим увидеть отчий дом. Хорошо, что у него есть такая возможность. Ты должна быть рада за него.
- Но что, если он никогда не вернётся.
- (Махая рукой) нет, нет... я его учитель, я хорошо знаю, чему я его учил. Он правитель, и к тому же в скором времени его ждёт помазание в этом храме, так что он обязательно вернётся сюда.
- Ты так в этом уверен?
- Конечно, я в этом уверен. Корнеид Магнифит может быть григорианцем, может быть аспирийцем, но не может быть трусом, чтобы бежать вот так. Не волнуйся, дочка. Не волнуйся.

***

Она не спала всю ночь. Тем временем ночь все занималась. Сбрасывала со своего купала звезды за шиворот гор. Отец ей посоветовал отоспаться и рано утром отправиться в другую часть города потому, что путь до него шёл через сложные и крутые серпантины. Этот путь требовал трезвой головы и не спешки.

Талия послушалась своего отца, но спать она не смогла, вместо этого она не могла найти себе место. Сначала она лежала, ворочаясь на простыне, нащупывая долгожданные сны. Потом сновалась по храму, как привидение под фосфорным светом луны, просачивающимся через мозаики храма. Наконец, чтобы чем-то себя занять, она решила осветлить себе волос. Она давно этого хотела, даже припасла краску для волос, но долго на этот шаг не решалась. И сама кое-как покрасила себе волос.

Потом с влажной головой она стала собирать свои вещи, надела на себя чёрную, кожаную юбку и белую с черными, вертикальными полосками блузку, заправив её. Посмотрев на себя в зеркало ей показалось, что юбка её полнит, или она и в самом деле поправилась.

Утро приходило рано. На улице ночь потихоньку начинала голубеть. Фонарные столбы погасли, а сама Талия сидела у фасада храма за столиком. Она ждала начала рабочего дня, когда из домов будут выходить люди, заходя в свои лавочки. Её взгляд проходил сквозь площадь и был прикован к одной из узких улочек, где она и должна была увидеть первые утренние движения. Тогда она со спокойной совестью сможет пойти к парадной и позвонить в квартиру, где живут родители Аркадия и Анатолия. У них она хотела узнать адрес дома, где они должны находиться. План был такой. И да, она все равно их разбудит, но сделает она в положенное время. Так что она не будет совсем виновата.

Ей не хотелось ждать ещё какое-то время. Впервые в жизни она себя чувствовала невероятно свободной. Ей развязали её волю делать то, что хочет и считает нужным она сама. Раньше эта воля, либо подавлялась, либо ожидала одобрения родителей. А теперь сам отец даёт ей не только одобрение поступить подобным образом, а даёт ей целую жизнь, где ей больше не нужно будет одобрений, где она сама сможет все для себя решить.

Когда настал час, первые лучи солнца прогулялись по задворкам, выгоняя дворовых кошек искать себе тень, по узким улочкам засемили первые шаги, и тогда Талия узнала адрес, села в свою машину и впервые одна уехала с места, в котором она родилась и выросла. Для неё было немного удивительным искать себе дом не в том месте, где она родилась.

Пустая дорога. Лишь изредка встречается мимо проезжающая машина. Над

дорогой стоял такой зной, что на её конце миражом казалось серое море, будто и вправду: асфальт расплавился под солнцем. Талия ехала сначала мимо плантаций олив. Во главе всех этих плантаций обязательно особняком стояли большие белые дома, а вонючий запах оливок проникал в машину даже при езде на большой скорости. Чуть позже плантации сменились ширью зелёных и золотистых полей с автоматическими лейками, которые выплескивали струи воды вверх по полукругу.

Всю эту ширь вокруг окаймляли стены гор, будто ворот рубашки.

В машине играла музыка. Её волосы трепетались от открытых окон. Её переполняло открытое и пьянящее чувство свободы, она все больше погружалась в музыку, не замечая, прибавляла скорость. Волнительно глазами ловила указательные знаки, боясь, что свернёт не туда и заблудится. Волновалась, что по дороге нет ни одной заправки: ведь бензина мало. Но при этом ловила взглядом частые миниатюрные домики в виде храмов у дороги. Когда Талия была маленькой, она думала, что это что-то вроде кукольных домиков. Они и вправду своим размером ничем не отличались. Это были, если можно так выразиться, мини-храмы. Они стояли на пьедесталах, а внутри было несколько иконок и свечек в баночках. Талия остановилась у одной и впервые в жизни заглянула внутрь.

Она успешно объехала гору, добралась до места, где начинался серпантин, обвивающий гору змеей. У хвоста этого серпантина и была заправка с маленьким магазинчиком рядом. Место, где был магазинчик, было усыпано мелким гравием. На мелких белых камушках у магазина стояли белые пластмассовые столы и стулья. У входа спали две дворняжки. Когда Талия зашла в магазин, они забежали за ней и стали лизать ей ноги.

За прилавком стоял молодой человек, её ровесник. Черноволосый, худой и улыбчивый парень в темном фартуке поверх сетчатой майки. Его худые руки и лоб лоснились от пота. В углу тшечно дул вентилятор.

- (Вытирая пот на шее) пожалуйста, что будете?
- (Сначала долго промычав) мне... пожалуйста, воды...
- Воду из холодильника или морозилки? – сразу заметил продавец.
- Давайте из морозилки, – он сразу пошёл доставать, а она продолжила, - потом, какую-нибудь булку, только не сладкую.
- (Продавец, поставив ледяную бутылку) подогревать будем?
- (Вопросительно посмотрев на него) подогревать?
- Булку.
- А... (засмеявшись) да-нет, так съем. Ну и кофе.
- Все?
- Да. Все.
- (Начиная варить кофе) жарковато для кофе.
- Ну у меня есть вода, так что ничего. Я всю ночь не спала. Ждала этой поездки.
- Будьте аккуратны на серпантине.
- Хорошо. - отрезала Талия, чтобы закончить разговор, но продавцу хотелось поболтать.
- (Стоя спиной к ней и готовя кофе) откуда едете?
- Из Магнифита, просто еду в другую часть города.
- Да, сейчас это сложно, но новый хозяин задумал сделать туннель через гору, чтобы напрямую проезжать. Сразу вдоль реки.
- Да, это было бы удобно.
- Я его не видел. Вы слышали, что он аспириец? Хотя, если вы из Магнифит, то должны были его видеть.
- Да, я видела его. Он наполовину аспириец, а наполовину григорианец.
- (Язвительно) интересно, как это у него так получилось? Сам то он себя кем считает?

- (Строго) не знаю, это не моё дело.
- (Видя, что разговор пошёл не в то русло) ну да, вы правы... а сами первый раз едете в новую часть города?
- Да.
- У нас там хорошо. Вам понравится.
- И чем же?
- (Долго думая, подбирая слова) ну, знаете, у моря всегда хорошо. – сказал он, протягивая кофе, он хотел её ещё как-то задержать разговором, но:
- Ладно, спасибо за кофе.
- Вам спасибо, приходите ещё.

Она снова села в машину. Кинула ледяную бутылку на соседнее сиденье. Она присоединилась к длинной очереди машин. Автомобильная вереница вскарабкивалась на гору, обвивая её. Талия медленно ехала, слушала музыку, попивала свой кофе, закусывала холодным бутербродом. Обвивая гору, она оглядывалась по сторонам, пытаясь увидеть море. Но при каждом повороте, как бы выше она ни поднималась, моря все не было видно. Море вблизи она видела последний раз в детстве, ещё когда Роберт ехал в эти места по своей службе. Она тогда напросилась отцу поехать с ним.

Когда она добралась до верхушки и проехала чуть вперёд по горным дюнам, к её взору припало все невероятное, синие море. Оно блестело от солнечных лучей, нарядилось золотым поясом от горизонта к городу, словно сотканный из чешуи золотой рыбы. Это море было похоже на голубые женские глаза с золотистыми блёстками на веках. Солнце так же било светом по алюминиевым крышам и трубам белых домов. Весь город сверху, словно зеркалом, отбрасывал солнечного зайца на горы.

Когда Талия спустилась с горы, дорога в город вела параллельно железной дороге с одной стороны и быстрой горной рекой с другой стороны. Все это место было испещрено разными перелесками. Река текла меж берега, где ехала талия и горной длинной стеной, которой не было конца. Вдоль всей этой реки осуществлялась стройка домов и бурение скал. Талия медленно ехала по дороге, шелестя глазами листву, за которой виделась река. И вдруг за кущей листвы, в её пятнистых пробелах, стали виднеться какие-то красные пятна. Талия остановилась и подошла к реке. Отодвинув рукой листву, словно занавеску, она увидела на маленьких осерёдках ибисов. Поодаль от них игрались маленькие дети. Река оказалась неглубокой по всей ширине, её глубина достигала уровня детской коленки.

Талии захотелось немного тоже пройтись по этой речке. Дети резвились. Их ножки бегали по всей реке вплоть до горной стены. Талия выдавила из ледяной бутылки немного воды с кусочками льда в свой кофе и пошла гулять по реке. Ноги ходили по маленьким камушкам, а вода была невероятно холодной, сразу чувствовалось, что она шла с моря. От маленьких камушков и судорожного холода ноги поначалу слегка сводило, и сложно было держать равновесие.

Когда она была маленькая, Роберт ей рассказывал, что эта река была одним из богов, чуть не погубившая одного из самых сильных людей. Во время войны этот герой сражался, стоя на этой реке, заслоняя её трупами своих поверженных врагов, речной бог разозлился и попытался схватить героя, он побежал за ним огромной волной на берег, но не смог схватить.

Талия смотрела в этот длинный коридор, который полностью с другой стороны шёл горной стеной. Талия знала, что эта река соединяет море и озеро, где она живёт. А также перед ней была огромная плоская скала. Она была идеально гладкой, словно серый лист. И прямо под ней стоял старый дом.

Немного погуляв по реке, Талия села снова в машину и доехала до города. Город оказался полностью затопленным. Воды было по колено. Она была мутной и бежевой, как стены домов в этом городе. И по воде плыли лепестки бегоний точно также, как они увивали кремовые городские стены.

Её машина уже еле шла по воде, она передвигалась резкими толчками вперёд. Доехав до нужного адреса, она наощупь остановила машину где-то сбоку этой улицы, как ей казалось. На этой улице дома были все частные, двухэтажные. Это были не пятиэтажки как почти везде. Все это было похоже на городскую дачу.

Когда она вышла из машины, то услышала крики мужчины в свой адрес. Он кричал и шёл к ней. Орал по поводу того, где она поставила свою машину. Видимо она куда-то не туда заехала. Когда к ней подошёл мужчина, он схватил её за предплечье и стал трясти, то от себя, то на себя, и в итоге толкнул её, отчего Талия упала в воду, вся намокнув. Её глаза слепило солнце, высоко стоявшее в зените. Но оно резко заслонило мускулистым телом. Лев схватил сзади мужика двумя руками - за ворот и за ремень брюк. Он несколько раз его, словно косою по траве, обмакнул в воду, а потом бросил, прорывав напоследок. Он вытащил из кармана торчавшую бутылку молока, отпил, а потом дал её мужику в воде. Тот недоуменно посмотрел на него, взял и тоже отпил.

Талия бросилась в объятия Льва. И получила не менее крепкое объятие наполненное созревшей тоской. Он сразу обратил на её светлые волосы, взгляделся в её глаза, в свои любимые щеки. Он уже перестал верить, что когда-то её увидит.

***

На то время Лев жил в доме своих друзей – Аркадия и Анатолия. У них, как и у всех, был большой двухэтажный дом с садом и беседкой спереди и огородом сзади. Прошлой ночью в городе было землетрясение, что подняло воду и затопило всем огород. Это были маленькие участки земли для огорода, но на них можно было что-нибудь вырастить. Например, братья выращивали лук с зеленью и успешно все это продавали на рынке, что давало им лишние деньги, которых всегда не хватало. А сейчас братья из-за наводнения искали себе дополнительные работы, чтобы прокормиться.

Когда приехала Талия, они как раз где-то и подрабатывали, а у Льва была сиеста, он даже и не хотел идти обратно в дом, но что-то его повело за руку домой.

Лев приподнял свою любимую и стал целовать её в свои любимые щеки. Они зашли в сад и сели в беседке, подняв ноги на скамейки. Лев сел, подогнув ноги под себя, а Талия села ногами вперёд к нему. Он обнимал её ноги и разговаривал с ней. Оба сначала смеялись, потом узнавали как у друг друга дела, а потом замолчали.

Вода все шла бурным течением, снимая штукатурку у домов, унося за собой скорлупу стен, лепестки бегоний, листья и фрукты, упавшие с деревьев. Лев её убеждал, что вода уже уходит. Просто они очень близко к морю.

Наконец Талия рассказала Льву, что Корнеида нет в городе и даже в стране: она рассказала ему, что он находится в Аспирии. Когда она это сказала, Лев невероятно удивился этой новости и спросил у неё, что уверена ли она в этом. Талия ему рассказала, как она поехала в то место, где погиб брат, и увидела на этом месте огромный мемориал и склеп, сделанный по велению Корнеида. Она ему рассказала, что в этом склепе, покоятся все те, кто погиб в те дни. Сказала, что точно не знает, но там могут быть захоронены его родители.

Лев не мог поверить в эту ситуацию. Он молчал, в его глазах бились сомнения. Беседку обвивали лозы винограда. Они, как и бегонии, росли по всему саду братьев. Увивали своими кислыми плющами шпалеру беседки.

Поначалу он пытался поверить, что Корнеида нету в городе, что было очень легко: ведь он хозяин этих земель, а его не слышно, не видно. Потом он также подумал об Эле, что её тоже найти не удаётся. Рой мыслей все вился в голове. Потом он начал думать о том, как Корнеид пробрался в Аспирию. На сколько ему было известно, для григорианца это очень опасно, если только он не выдал себя за чистокровного аспирийца, благо у него были явственные аспирийские черты. Но и

наконец, зачем он там? Лев приятно улыбнулся, и тень этой улыбки запала в душу Талии.

- (Улыбаясь в ответ) что такое? Вспомнил что-то?

- Да-нет, просто представил, что он сейчас у нас во дворе, там, где мы были детьми.

Лев даже немного позавидовал этой мысли: ведь возможность краем глаза посмотреть на прошлую жизнь, в особенности на ту, где прошло детство, была бесценной. И если многие, узнав бы об этом поступке, стали его осуждать, то на лице Льва выступала приятная, слабая улыбка.

- Но ведь его место здесь. Он хозяин этой земли. Даже сейчас здесь наводнение, а его рядом и нет, да он и не знает обо всем этом.

- (Лев поднял на неё глаза) пожалуйста, не осуждай его. Такие, как ты...

- (Возмущённо) такие, как я...

- (Устало, с тяжестью переменяв взгляд) ну не цепляйся к словам. Ты прекрасно понимаешь, что я хочу сказать. Представь, что забрали абсолютно все. Представь, что сгорели даже фотографии. Что нет возможности хотя бы прогуляться по родным местам. Ему наверняка просто захотелось испытать прошлые чувства. Он скоро вернётся, вот увидишь. Ему, наверное, стало очень одиноко, и он решил посмотреть на свой родной дом. Почему бы и нет? У каждого должна быть такая возможность. – тогда он снова потупил взгляд на её ноги.

Она взяла его за руку.

- А ты бы хотел такой возможности?

- (Пожав плечами) наверное, не так, как Корнеид.

- (Смотря на его понуренную голову, пытаясь поймать взгляд) почему?

- (Посмотрев на неё и резко откинув взгляд) мне кажется, что он очень одинок. Мне кажется, что он чувствует себя чужим. У нас в деревне это не так видно, понимаешь. Я многое узнал за последнее время.

- (Нетерпеливо) что?

- (Нехотя) вообще... ненависть у людей после той войны ни у кого не ушла.

У нас прям такого не было. У нас были, конечно, внутренние проблемы, но Роберт выторговал неплохие условия у военных, и парней не забирали на передовую из нашей деревни. А в других метях забирали повально и даже здесь, так что аспирийцев ненавидят из-за этого очень сильно. Причём так, как невидали григориан в Красном городе. На все это достаточно грустно смотреть. Я думаю, что Корнеид ушёл именно от этого. А я что? Я не одинок. У меня на лбу не написано, что я из Аспирии. У меня есть Эля, и я должен узнать, что с ней и где она... и у меня есть ты. – теперь он посмотрел на неё, а она спрятала взгляд. – Я люблю тебя. И мне только этого и хочется – любить тебя. Я был бы счастлив, если бы у нас были дети, и мы бы любили их вместе. Я бы заботился о вас. Об этом я молю бога. – Талия подняла на него мокрые глаза. – Ты останешься? Со мной? (Улыбнувшись) да я знаю, здесь не очень, но я встану на ноги, у нас тоже...

- Да, я останусь. Я буду с тобой.

Все вчетвером они жили в одном доме. И все работали, пытались прокормить себя. Талия работала в одном кафе со Львом. Братья меняли себе работы чуть ли не каждый день, так как постоянно что-то чудили на своих работах. А то, что зарабатывали, быстро спускали на свои гулянки.

Однажды они устроились работать официантами в ресторан. И попали на день свадьбы. Так как братья халтурщики, они не представляли, что в первый же день им придётся столько работать. Просто постоять где-то в стороне не получалось и минуту. К тому же братьев всегда дергал один из официантов, который уже давно работал в этом ресторане. Он считал себя старшим над новичками и вечно им поручал задание, хотя сам отходил покурить. В итоге братья закрыли его в кладовой, и работа у них пошла налегке, даже появилось время посидеть на улице под деревцем и закрутить пару самокруток. Чуть погода, они

стали уже развлекать гостей: стали для них петь, с ними пить и танцевать. В итоге из официантов они плавно перелились в гостей. Их, конечно, уволили в ту же ночь, но братья познакомились на этой свадьбе со своими будущими жёнами, и в итоге в доме уже жили шесть человек.

Работы все так же сменялись, но это казалось уже не так страшно, так как на этот раз у братьев был их урожай, который они удачно сбагрили на своих девушек. Девушки его выращивали, они же его и продавали, а деньги были общие. Но пришло время, когда появилась нездоровая конкуренция: из соседних районов ночью стали появляться воров, которые, либо воровали фрукты и овощи, либо портили их. Этим занимался каждый район, но не братья. Они не хотели ничего воровать или портить, а также что-либо предпринимать, когда делали что-то с их урожаем, до тех пор пока на них ни накричали их невестки и перестали подпускать их к себе. Анатолий быстро пал духом, но Аркадий успокоил брата, сказав, что он знает, что надо делать. Когда братьев выгнали со всех возможных работ, они устроились дальнбойщиками, даже нашли себе фуру.

Аркадий сказал своему брату, что одну ночь переночует в ней. Всю ночь будет бодрствовать, но поймает воров за шкуру и избьёт их своей дубинкой. В одну из ночей он немало принял на грудь для храбрости. Зашёл в дом, чтобы взять подушку, простыню и битую. Он нашёл все, кроме простыни. На диване его девушка забыла ему её оставить. Любой бы смирился, но не Аркадий. Его пьяная голова рыскала найти нужное решение, но ничего умного не придумала, как отобрать у кого-то простыню силой. У брата он отнимать не хотел: ведь это же брат. У их девушек тоже, а то и так с ними спать не дают теперь, так ещё и простыню у них отнимать. Осталась простыня Льва и Талии. Он тихонько, как ему казалось, зашёл в их комнату, и вцепился в их простыню. Лев, испуганно выскочив из сеней собственных снов, увидев, что перед ним в темноте стоит мужик с битой и подушкой в руках, а также стягивает с Талии простыню, вскочил и поколотил его.

Аркадий смог убежать, но не оставил идею засесть в фуре. К тому же теперь он был реально взбешён ситуацией. И он просидел всю ночь на переднем сиденье. Закатывающимися глазами смотрел на трапеции звёзд. Улавливал глазами пробегающих ящериц и слушал стрекот стрекоз. В итоге его веки закрылись, а проснулся он утром, почувствовав как лучи солнца жарят ему его плечо. Почувствовав всю боль в спине, он вылез из машины. Встал на дороге и потянулся. Размял шею и увидел: как у его фуры нет колёс. Он долго стоял в оцепенении, обомлевший. И вдруг все осознав, шлепнул себя ладонями по щекам, и потянул их вниз, будто руки навсегда залипли.

- Не, ну вашу ж мать.

***

История с этой фурой как и проблемы с ней не закончились. Колёса поставили новые. Пришёл заказ. Новая поставка. Везти её была очередь Анатолия. Так что он простился со всеми и уехал на другой конец страны. Анатолий, в отличие от брата, был очень спокойным, несмотря на то, что братья вместе вляпывались в приключения. Просто Анатолий был хорошим братом и всегда с верностью следовал за буйным характером Аркадия.

В отличие от брата Анатолий стремился быть более домашним человеком. Точно также, как братья нашли себе одновременно невест, они почти также и зачали себе детей. Обе невестки на то время были беременными с разницей в пару недель. Анатолий уже приготовился быть домашним человеком, но Аркадий никак не мог остепениться от пьянок и левых женщин.

На дороге Анатолий по-настоящему мог отдыхать от брата. Гладкая дорога нежно шумела под скоростью колес. Музыка в машине слабо играла, и будто была дирижером для всей природы перед лобовым окном. Взгляд Анатолия причесывал

вся поля, все ряды, все борозды. Он мысленно кланялся каждому приклонившемуся подсолнуху. Блеск от солнца на воде, всегда был для него золотой стрелкой часов. Он провожал солнце в подводное царство. Встречал высеченные звезды на небе. Молился о спящей любимой, краем глаза проглядывая на луну. Ночью колонну фур можно было увидеть по зигзагам её фар. Как световая змея, она колесила по горам, обвивая их. Далеко не везде работали фонари, и ехать приходилось в крошечной карманной темноте, видя перед собой два красных огонька на бампере передней фуры. С утра вместе с фурой Анатолий окунался в проносящиеся мимо дороги туманы.

Он отдыхал в дороге, но в той поездке почти вся колонна фур попала в аварию. В аварию сначала попала самая первая фура, а после и все остальные, как домино, покосились. Анатолия выбросило из лобового окна. И как многие знают, большинство в подобных ситуациях погибают. Но Анатолий не сломал ни одной кости, но в этой аварии он потерял ухо.

По приезду брата Аркадий не уставал отпускать по нему шутки. Он шутил целыми днями, не переставая. Никому не было смешно кроме него, да и всем в доме надоело эти шутки слышать.

Однажды Аркадий гулял по двору пьяным. И вдруг откуда-то услышал повелительный голос женщины: «Аркадий домой, Аркаша немедленно домой». Аркадий стал озираясь, в надежде увидеть свою невесту, но понял, что она кричит ему из дома. Тогда он вернулся домой и, заходя в дом, сильно хлопнул за собой дверь. Обыскав и оббежав все комнаты, и не найдя свою невесту, он вновь отправился на улицу, снова со всей дури хлопнул дверью и тогда с крыльца, под которым он был, сошёл железный лист и отрезал ему ухо.

Аркадию, конечно, ухо смогли обратно пришить, но шутки его в адрес брата эта ситуация ампутировала окончательно. Теперь над ним смеялся Анатолий, когда узнал, что у них во дворе есть кот – Аркадий, которого в тот день хозяйка и выкрикивала.

Наконец, у обоих братьев родились дети. У Анатолия родился сын, а у Аркадия родилась дочка. Братья и родители с двух сторон решили отыграть большую свадьбу. Сначала было запланировано венчание и крещение двух новых семей, а после устроить огромную свадьбу. После свадьбы в доме должны были ещё поселиться родители братьев и бабушка. Братьям пришлось сказать Льву и Талии, что им пришло время уйти из их дома. Лев и Талия были очень рады за братьев, но при этом испытывали тягостную тоску по тому, что у них у самих нет детей и нет собственного дома. Они, конечно, сказали, что после свадьбы покинут дом, но Анатолий пообещал, что пристроит их на время к своим друзьям. Уверил их, чтобы они не волновались, что пора насладиться свадьбой и на время забыть про проблемы.

И действительно, свадьба длилась несколько дней, эти несколько дней перенесли их в иной мир. Она проходила за городом, и когда нужно было возвращаться обратно через крутой серпантин, а никто не знал, кому садиться за руль, вызвался сразу Аркадий. И хоть он тоже был пьян, но все знали, что лучше него в пьяном виде машиной никто не управляет. Потом Лев узнал, что Анатолий более-менее трезв, и посадил всех женщин в машину к нему. В итоге он остался наедине с Аркадием. Аркадий купил себе большую пачку чипсов, уверяя Льва, что так он не заснёт за рулём. Но он всё-таки уснул. Прямо посреди серпантина. Лев, чутьем чувствуя опасность, резко проснулся и толкнул Аркадия. Ехать с ним до дома было не только опасно, но и весьма мучительно. Лев, будучи уставшим, думал, что они едут домой, но Аркадий привёз его не в дом. Они проехали по всем тавернам набережной. По всем шумным темным переулкам, в чьих тьмах таились бесконечные столики с тусклыми свечками.

В итоге Лев проснулся с утра в одной из таких таверн оттого, что его стали будить полицейские. Они стали на него кричать и спрашивать, где машина. Лев,

протискиваясь через собственную дремоту, шёл вместе с ними к машине. Когда они подошли, в ней Лев увидел запертого Аркадия. Солнце уже поднималось. Облака растаивали и расслаивались под ним, как слоенное тесто в печи. Машина могла стать посмертным железным ящиком для него. Оказалось, что Аркадий, проснувшись в машине, и вовсе подумал, что его похитили, и позвонил, и сообщил об этом своей жене. Та уже позвонила и все сообщила в полицию. Полицейские стали кричать на Льва, чтобы он открыл машину. Лев стал руками зарываться в карманы, но ничего не мог найти. Они стали кричать и угрожать ему, пока оба ни заткнулись и куда-то уставились. Лев посмотрел, куда они смотрят, чтобы уловить нить взгляда. А смотрели они по верх машины. Лев долго не мог понять, а потом увидел, что люк в машине был открыт. Потом все трое посмотрели на Аркадия, достающего ключи от машины из своих карманов. Полицейские разом стали вопить уже на него.

***

Пришёл тот день, когда Льву и Талии необходимо было съехать от братьев. Как они и говорили, в дом приехали их родители и бабушка. Спальных мест не хватало, да и маленьким детям такое количество людей в одном доме ни к чему. Лев и Талия стали себя ощущать лишними в этой большой, чужой семье. Это навивало воспоминания о некогда их большой семье, которая разбежалась, когда стоило всему встать на свои места. Быть может темные времена были куда лучше: ведь в них все они были сплочены. Но тогда Талия не была бы со Львом, а этого они уже тоже представить не могли.

Нужно было уходить, но куда? Напрашиваться кому-то, тоже был не вариант. Аркадию совсем не нравилась перспектива выгнать друга с его невестой на улицу. Он стал его убеждать, что всем хватит места. Они сидели вчетвером в беседке, увитой плющами виноградника – Лев и Талия, Анатолий и Аркадий. Анатолий отрывал плющ и потихоньку жевал его. Слушая брата, он все сидел и жевал кислый плющ. Уже стемнело. А Аркадий все вещал. Он убеждал Льва, что бабушку положит на диван, что стоит у дома на улице. Лев возмутился, спросив его, как он старую женщину уложит спать на улице. Но тот махнул рукой, сказав, что она всегда так летом спит. Тогда Лев предложил себя разместить спать на улице. А Аркадий его спросил, как он представляет, что Талия будет спать с бабкой. Они долго мысленно укладывали всех людей по спальным местам, но вариант Аркадия был самым верным. Если бы в этот момент мимо ни прошла бабка. Вся согбенная под своими годами с деревянной тросточкой, дрожащими движениями она с невероятными потугами преодолевала сад. Лев выпученными глазами посмотрел на эту картину и сразу же отказался оставаться у братьев дома.

Тогда Анатолий взял их обоих и повёл их к дому своего друга-врача. Они пришли, и Анатолий вежливо попросил его об этой услуге. Тогда врач пригласил их в свой сад. Это была такая же улица, такой же дом, такой же сад с беседкой и огородом позади – вот только этот дом и его территория была более богата и обжитая. Врач сидел со своей сестрой. Это была уже взрослая, но ещё не замужняя, красивая блондинка, с пухлыми розовыми губами, лазурными игривыми глазами. На ней были чёрные, дырявые на коленках джинсы, светлая футболка и кожанка на плечах. Рядом стоял чемодан. Врач сказал, что как раз напоследок сидит со своей сестрой, так как она уезжает в другую страну.

Из дома к беседке бегала жена врача в одной руке с полугодовалым ребёнком, в другой, держа, либо бутылки, либо стаканы, либо закуску. Так она понемногу все приносила. Когда пришли гости, она каждому принесла по бутылке прохладного пива, а мужу водку. Врач соизволил взять у неё ребёнка, скорее просто потискать его и поиграться. Когда жена все принесла, то и сама села рядом с мужем, за край стола. Вся уставшая, с истомленным телом от тяжестей и зноя она

тяжело приземлилась на табуретку. Её волосы слегка лоснились от пота на лбу, а на лице прорезалась лёгкая улыбка, она слушала гостей и улыбалась, хотя ничего не произносила и блуждала где-то в своих мыслях. Когда врач игрался с ребёнком, и дитё начинало смеяться, она будто просыпалась от своей пустоты и благодарной улыбкой одаривала их обоих.

Вскоре Анатолий беседовал с врачом, хозяйка дома стала о многом расспрашивать Талию, когда Анатолий сказал, что молодые люди – Магнифит, и им нужна помощь, Лев в тот момент разговорился с сестрой врача. Она очень нравилась Льву. Она была внешне похожа на Талию. Те же пухлые щеки, улыбающиеся кокетливые глаза, такие же губы, даже цвет волос теперь подходил.

Но она была намного взрослее её, опытнее, более свободнее. Она внушала своим видом свою независимость. Особенно в тот момент, когда Лев спросил её, почему она уезжает из страны, а та лишь ответила, что едет к своему новому парню, хочет перезимовать в другой стране. Лев впервые видел такую женщину. В ходе разговора оказалось, что у неё есть кафе на набережной, и что она полностью погрязла в долгах по аренде с этим кафе. На набережной подобные кафе на каждом шагу, новое место никого не привлекло и не удивило, и получилось, что аренда превышала доход. Её брат должен был за время её отсутствия продать это место. Тогда Лев чуть ли не выкрикнул, отдать кафе ему со всеми долгами, а когда он зарабатывает на нем денег, то выплатит ту сумму, которая ей нужна.

На секунду Лев заметил, что все вокруг прекратили свои разговоры и слушали только его. Да и сам он от этого замолчал, и замолчала сестра. Все пространство стало на столько немым, на сколько вокруг было темно. Наконец, раздался смех сестры врача, которая назвала парня сумасшедшим, видите ли, пришёл к ним без крыши над головой, а теперь хочет забрать чужие долги. Все вокруг также слегка ухмыльнулись и пытались прекратить их разговор, лишь бы парень действительно не взял на себя чужие проблемы. Но Лев их всех заставил замолчать. И тогда Талия уже испуганными глазами смотрела на него. Лев напомнил сестре, что он из семьи Магнифит, и стал убеждать, что долги от кафе не должны его пугать, в крайнем случае он разберётся с этими долгами, если не доходом, то фамилией. К тому же сестра лишает себя бремени долгов и сможет спокойно уехать, а затем вернуться в страну, а если Лев ещё зарабатывает, то и вовсе получит от него деньги сверху.

На лице сестры разом пропала улыбка, услышав выгодное предложение, также замолкли все и приобрели серьёзные, острые взгляды, пронизывающие договаривающуюся пару. Даже маленький на руках отца не понимал - что это все стали такими серьёзными и перестали обращать на него внимание?

Сестра сказала, что она согласна, и тогда Лев протянул руку, прося теперь свои ключи от своего кафе. Анатолий все пытался его позвать, привлечь внимание, считая, что друг совершает огромную ошибку, но Лев ни на кого не обращал внимание. Как только Лев получил ключи, он сразу же спросил, где именно оно находится. Женщина ответила ему. Он встал с места. Вместе с ним встала и Талия. Он поблагодарил хозяев за помощь, пообещал никогда не забыть об их доброте и отплатить им тем же. Вышел со стола. Вышел из беседки вместе с Талией и ушёл. За столом ещё долго после них оставалась пустота и тишина. На секунду им даже не поверилось, что Лев так быстро обзавёлся кафе.

Лев и Талия уже глубокой ночью приехали на набережную. Их кафе находилось в темном переулке. Дальше шла автомобильная дорога, сама набережная с маятником и луна-парком рядом с ним. Крутящийся свет гулял по горизонту чёрной глади воды и бил в пятиэтажные кремлевские дома позади себя. Лучи света из луна-парка гуляли вертикально вверх по небу. Лев вышел на дорогу. Ночь была такая глубокая, что не проезжала ни одна машина. Он стоял прямо на дороге и смотрел на всю эту местность, на каждую таверну. И на свою. Его кафе располагалось угловато, она захватывала, и переулок, и тротуар напротив

набережной. Лев сразу подумал, что это хорошее место. Он стоял на пустынной дороге. Совсем один. Талия стояла позади на тротуаре и смотрела на него. Он стоял и улыбался морю. Смотрел на лунную дорожку, ребристую на рифлёном ночном море. Вокруг вдруг стали летать капли дождя. Морская пыль. Поднялся ветер. Эфирные облака посерели и сгустились, спрятав звезды. Погода набросилась на него воспоминаниями: он вспоминал своего отца, как в тот день на дождливой набережной, в Красном городе, отец пытался вразумить его после поступка с дневником. «Интересно, - подумал Лев, - одобрил ли ты эту мою затею?»

Они легли спать в этом кафе на мягком сиденье. Талия лежала на груди Льва, а над ней уже возвышался стол. По потолку гуляли редкие оттиски света от фар машин. Лев не спал, да и Талия просто дремала. Было страшно, но впервые за все время появилась стабильная работа и своя крыша, да и где, в центре города.

Очень быстро Лев сумел раскрутить своё кафе. Вы, конечно, знаете как. Он первый, кто стал готовить холодный кофе и кофе с молоком. Поначалу работа шла в первой половине дня. Он готовил кофе, а Талия выпечку. Люди до работы или во время перерывов стояли очередями к ним. Но к сиесте все эти очереди заканчивались. После Лев догадался продавать свой кофе на пляже. Утром они все также выполняли работу, а во время сиесты Талия ходила официанткой вдоль лежаков и принимала заказы по холодному кофе, а Лев его готовил. Когда денег стало ещё больше, Лев сумел получать доход и вечером, продавая алкоголь и блюда. К нему стали ломиться разные люди, и он смог распределить их по местам. Молодые, влюблённые люди сидели у него в темном переулке, своим шёпотом колыша огонёк свечи на столе, внутри помещения и на тротуаре он размещал у телевизора с футболом компании взрослых мужиком, а на тротуаре за дорогой, на набережной у лунно-парка, он ставил столы со стульями, и по выходным там сидели семейные люди со своими детьми. Семья врача, которая тогда приютила их к себе, могла в любой день бесплатно провести время в его кафе.

Когда он стал делать подобным образом, все таверны набережной стали за ним повторять. В итоге всю дорогу на набережной перекрывали, и по вечерам её всю испещряли столы и стулья, накрывали её своим людским покрывалом, стремниной бесконечных шумов и разговоров. Точно так же, как Лев превратил в кафе весь пляж, где люди сидели на лежаках с маленькими столиками на песке, также и главная автомобильная улица у набережной стала длинным и широким рестораном по вечерам. У него появились свои повара, уборщицы и официантки. А долги все были покрыты за один сезон. Правда спали Лев и Талия все также в кафе на раскладушке меж столов под звон бьющихся друг об друга турок, свисающих над барной стойкой. Как в старые, добрые, темные времена. И детей также было невозможно родить в подобных условиях, но они не отчаивались и любили друг друга. Для них это было важно. Они были маленькой семьёй.

У них также зависали и братья. Они часто устраивали посиделки и выпивали. Для Аркадия - это было вылазкой из его семейной рутины. Какой только повод ни придумывал Аркадий, чтобы устроить посиделки у Льва в кафе. Однажды он заявил, что у его ребёнка выпал зуб, и это надо отметить. Анатолий с усмешкой заметил, что это прибавляет много поводов автоматически, учитывая, что ещё есть зубы у его ребёнка. Правда нормальные родители дают за зубик ребёнку денежку, а не пропивают её.

В тот вечер братья так напелись, что Аркадий взял на слабо брата, что всегда сможет его обогнать. Анатолию его тон не понравился, и они устроили пари на перегонки. Они стали бежать по дороге мимо всех столов, врезаясь в стулья. Уже все стали обращать на них внимания и возмущаться, прося кого-то это остановить. И вот когда Аркадий был впереди, а улица уже заканчивалась, и победа была близка, его кто-то поймал за шкирку, а Анатолий выиграл их пари. Как только Аркадий упал на землю, он заметил, что почти вся улица, которая никогда не замолкает - замолкла. Он обернулся и увидел перед собой Корнеида с грозным и властным взглядом, который пугал даже такого неутомного, как Аркадий. Все его

буйство стушеввалось перед этим жгучим взглядом. Но рядом с ним за столом сидела его беременная жена, и не обратить внимание на такую красоту было нельзя, потому что эта была сама Эля.

***

Братья вернулись в таверну. Лев, стоя за барной стойкой, одарил их насмешливым взглядом, но улыбка сошла с лица, а на глазах проявилась трепетная тревога, увидев за ними сестру. И он, и Талия оцепенели её увидев. Лев дрожащими движениями, нервными руками поднял стойку и вышел из барной стойки. С затрепанным дыханием внутри груди он к ней приближался и не мог ничего сказать от удушливого волнения, он просто обнял её так бережно и так нежно, словно она была сделана из хрусталя. Он быстро отпрянул от неё, дав место животу меж ними. Он слегка обеими руками схватился сначала за него, а потом за её пухлые щеки, и вновь обнял её.

В дверях появился Корнеид. И его сразу же заметили, и Талия, и Лев. Корнеид мановением головы указал Льву на выход. Это длилось несколько секунд, но для Талии эта была отдельная жизнь: ведь он даже не посмотрел на неё. Хотя на самом деле посмотрел. Естественно он её видел, она была в поле его зрения, но он не посмотрел прямо в глаза. Правильнее сказать – даже не взглянул. Видимо, он не хотел ничего лишнего и ненужного.

Они спустились на камни к морю. Это было слепое место, неосвещенное фонарными столбами. Лишь серебряная дорожка от луны с горизонта до берега. До сюда не доходили шумы. Лишь местный шум маленьких и слабых вечерних волн, елозящий туда-сюда по камушкам, пытаясь их забрать с собой.

Они шли по берегу вдоль воды и, наконец, Корнеид остановился у большого камня и сел на него, доставая самокрутки. Лев остановился в пару шагов от него.

- (Закручивая сигарету, держа фильтр в губах) ну, рассказывай, как дела, нужно ли что-нибудь? Если что-то нужно, скажи, я все сделаю.

- (Спокойным и твёрдым голосом) я бы у тебя хотел спросить как дела? И чтобы ты мне многое рассказал. У меня то все нормально, не жалуясь.

- (Хмыкнув) ну хорошо, спрашивай.

- (Все ещё спокойно) это ты украл мою сестру?

- (Не давая сразу ответа, закуривая) знаешь ли, Лев, украл - это, конечно, громко сказано. Время уже не то, чтобы невест красть. (Посмотрев на него) да и законы не те. (Снова повернув взгляд на море) я ничего и тем более никого не крал: в ту ночь я лишь разбудил её, и она согласилась уйти со мной. Не знаю, с чего ты решил, что её украли?

И действительно: с чего это он так решил?

- (Повышая голос) да потому что так никто не делает...

- (Насмехаясь) как?

- (Злясь) вот так. Надо было предупредить, дать знать. А не так, чтобы, и я, и родители сходили с ума, потому что...

- Да, ловко ты дружище их родителями своими назвал. – качая головой.

- (Уже совсем крича) а разве не так? Имей благодарность: эти люди спасли тебе жизнь, дали тебе все, чего не имеет никто, дали тебе фамилию. (Разочаровано) я думал, что мы братья.

- (Посмотрев на него исподлобья из темноты тем взглядом, что все боялись) я тоже думал, что мы братья... но оказалось, что это не так.

- Ты не имел право...

- (Разгневавшись) буду я ещё у такого, как ты, узнавать про свои права. (Встав с камня и направившись к нему) ты с кем разговариваешь?

- (Тихо) ты ещё не хозяин церкви. Им попрежнему остался Роберт.

- Скоро твоя сестра родит, и это изменится. А ты лучше бы забыл про свою гордость и вежливо бы у меня попросил то, что тебе нужно. Например, нормальную крышу над головой. Она все равно у тебя будет, но я её дам ради Талии. Так что советую не ставить себя в глупое положение и знать своё место, если хочешь оставаться быть моим братом.

- (С потупленным взглядом) почему?

- (Возвращаясь на камень) что, почему?

- Почему ради Талии?

- (Яростно выдохнув носом как бык) потому что... Не могу я вытащить её из своего сердца, как бы я не хотел.

- А как же Эля?

- (Он снова посмотрел на него, будто задаёт ненужный вопрос) об этом ты можешь не переживать. Эля значит для меня куда больше, я люблю её больше всего на свете. Только она может быть матерью моих детей. А значит никого нет на свете важнее, чем она. Ты даже не представляешь, каким спасением она для меня оказалась. Когда я был совсем один...

- Я слышал, что ты уехал в Аспирию. – Корнеид лишь снова посмотрел на него, и тогда Лев подошёл и сел рядом. – Ты был там? – Корнеид еле заметно стал задумчиво кивать головой. – И как?

- Думал, что все иначе, что все изменилось, но все осталось прежним. – Лев заметно стал тяжело дышать, а на лице появилась улыбка, подавляющая слезы, будто он услышал про любимую, которая все ещё никого себе не нашла.

«Здесь я почувствовал, что я никто. И я всегда буду никем. Как для григориан, так и для аспирийцев. Для всех я чужак. И мое место нигде. Вот, что я вычислил из этого путешествия. Мне было настолько плохо и одиноко, что я сходил с ума. Я впервые в жизни стал чувствовать собственное сердце, будто там произошёл надрыв. Стоило мне начать что-то чувствовать, как сердце начинало болеть. Я испытывал самую настоящую физическую сердечную боль. Но что самое страшное - это ощущать свой собственный дух также физически, как и сердце внутри собственного тела. Это некий водоворот в груди, который бьет тебя обо все возможные углы в жизни. Стоило мне что-то почувствовать, что угодно, любое воспоминание или даже просмотр фильма, как он вздымался внутри на цыпочки, а сердце после этого начинало болеть. Будто сердце у него, а не у моего тела. И каждый раз, когда он мечется, он это делает вместе с ним.

Я стал много думать о смерти. Стал вспоминать своих родителей. Я начал думать, что и мой век не долог. Я уже был готов. Я больше не боюсь смерти. Она стала безразличной. И это тоже страшно. А знаешь, что ещё страшнее? Когда ты думаешь, что будет после неё. Может я окажусь в какой-то жизни, думал я. В совсем другой или просто в счастливом прошлом. Или просто буду видеть перед собой Талию. Или ничего. Темнота. Тишина. И когда я об этом подумал, то решил, что если будет ничего, то и ничего страшного. Значит так. Вот в этом и заключалось мое безразличие к смерти.

Я чувствовал, что час близок. И решил поехать туда, где все началось. Я приехал в деревню, где умер Карлен. Там меня узнал местный священник. И поприветствовал меня. Он нёс огромный крест к недостроенному монументу, его хвост волочился, оставляя борозду в поле. Это меня привлекло. И я подошёл к нему, помог отнести крест, тогда он и узнал меня. Он мне сказал, что этот крест он несёт чтобы поставить у начала яра, где были закопаны все тела, в том числе даже те, что погибли в Красном городе. Они не стали их хоронить тогда, а просто выбросили за границу. Я даже не знал об этом. Тогда я поднял всю свою власть и поручил доделать, и склеп, и монумент. Огромный поминальный центр. Когда я дал все указания, то со спокойными мыслями уехал в Аспирию. У меня были фальшивые документы, которых я также добился от властей. К внешности, как ты понимаешь, тоже не было вопросов.

Я спокойно въехал в страну и поехал в Красный город. Машину я оставил на набережной и прошёлся по ней. Прошёлся мимо магазинов, и зашёл в наш круглый дворик ранним утром. Зашёл в наш подъезд, поднялся на наш этаж, подошёл к двери и постучал. Не знаю, о чем я даже думал, просто захотелось посмотреть. Мне открыла дверь молодая девушка, и я первым делом пролез взглядом в комнату, господи, если бы только знал, что я почувствовал. Я пытался не зареветь там на месте. Девушка увидела, что я смотрю, и спросила, что мне надо? Я лишь покачал головой, сказал, что ошибся адресом. И ушёл. А внутри невероятная борьба с самим собой.

Потом я оказался на улице. Сначала просто сидел у нас во дворе, смотрел, как играют ребята, как когда-то мы. Они совсем мелкие. Их даже ещё не существовало в те годы. Они родились в темные времена.

Ночью стало как-то прохладно. Я уж и не знал куда себя деть. И зашёл в книжный магазин, делая вид, что мне что-то нужно, а на самом деле просто прятался от холода. В магазине работали две девчонки, как оказалось, они сестры. Одна из них была та самая девушка. Мы разговорились, и я очень сильно влюбился в неё. Первое, что я заметил, это её чёрные, дикие брови. Чёрные, волнистые волосы, собранные. Некоторые локоны казались слегка пепельными. Ну и фигура, мне очень понравились её бёдра в этих полосатых чёрных джинсах. Она со мной так открыто разговаривала и все время смеялась. Мы влюбились друг в друга, и не поверишь, я остался в её доме на долгое время. У меня с собой было много денег. У неё и вопросов не возникало. Я просто сказал, что я из другого города и кое-кого искал, но так и не нашёл. Я любил её. Я быстро влюбляюсь, но никогда просто так. И никогда не перестаю любить. Даже она навсегда останется в сердце. Я думал, что останусь с ней там навсегда.

Я не буду говорить из-за чего мы поссорились. Но в один миг и там, я почувствовал, что я чужой. Она узнала по ходу нашей жизни и разговоров, что я беженец. Возможно, она поняла, что я жил в той квартире. Для неё я был григорианцем, я понял, что если я создам семью с ней, она меня не будет уважать. И я ушел. Ещё раз прошёлся по двору. Все бродил и бродил в поисках, либо себя, либо смерти. Пока не наткнулся на ту пекарню. Помнишь? Где мы с утра хлеб покупали. Как-то раз Эле не продали там хлеб. Уже начинались дни, когда все выходило из под контроля. Я тогда купил ей, так как мне продавали. Помню, это был первый раз, когда я что-то к ней почувствовал. Я всегда её любил, но не понимал этого. И игнорировал её чувства, хотя я всегда должен был быть с ней. Тогда я это понял. Как-то раз в пещере, она призналась мне, что считает, что моя мама похожа на деву Марию. Потом она мне показала рисунки, где она её всегда рисовала в образе богини. Думаю, тогда я полюбил её как женщину окончательно, но не понимал этого. Мне нужно было забраться так далеко, чтобы это осознать.

Я перестал находить себе какое-либо место. Потому что наконец нашёл его, а оно было так далеко от меня. Да и что я ей скажу. Пришло время уезжать. Время... Ты знаешь, никак лучше со временем не становится. Оно - твоя жизнь. Твоё пространство, которое впереди обрывается, а также и позади тебя, делая все новые шаги. Ты никогда не вернёшься в прежнее место по-настоящему: ведь его уже нет. Остаётся идти только вперёд к другому оврагу, к своему смертному одру. И вот ты видишь, как твоё пространство все больше сужается. И ничего не можешь с этим поделать. Жизнь становится гребенным секундомером, за время которого ты должен успеть найти собственное счастье. И быть может, когда ты найдёшь его, ваш мир удвоится за счёт обоих, и ты выиграешь себе ещё немного времени. Или ты его выиграешь для своей любимой.

Когда я вернулся в нашу страну, то увидел, что мое указание было выполнено. Я стоял перед памятником Карлена в склепе, будто сам себе вырыл могилу. Была темная ночь. И я не стал никого будить. Вокруг не было ни единого людского голоса. Огни деревни горели вдали. А я стоял как вкопанный. И не хотел двигаться. Я слушал: фугу ветра, что заставляли дрожать листву, ветер

проносящейся машины, будто она въезжала мне в одно ухо и вылетала из другого, стрекот стрекоз и сверчков – весь этот хорал моего одиночества. И мне не хотелось уходить. Я просто топтал землю, ходил взад-вперёд. Смотрел на чёрное небо: на белую луну и проносящиеся мимо матовые, чёрные облака.

Я думал стоять до последнего и ждать, пока меня затопит голубое марево сумерек. Я смотрел каждую плиту, что была сделана в виде дороги в склеп. На них были высечены имена.

А машины все проносились с ветреным звуком, словно щелчки печатной машинки, начинающие меня с чистого листа. Сердце продолжало болеть, дух все вставал на носки, пытаюсь дотянуться до звёзд. Сердце будто хотело сказать, что оно болит, но я благодаря этому чувствую себя настоящим и живым. Я все думал об Эле. А потом я заметил в темном окне темный силуэт человека. Пролившийся свет луны на стекло выдал мне его. Это была женщина. Она заметила, что я на неё смотрю. И вынесла мне стакан молока. Когда я уезжал из их деревни, я вспомнил её, и вспомнил этот дом. Как-то давно я и Карлен сражались против одного аспирийца в её доме. Это был дом священника. Я думаю, в тот час мы и стали с ним одним целым.

Я быстро добрался до Магнифит. Начался дождь, и я зашёл в нашу базилику. Свечи вокруг ещё горели, но было полностью пусто. Мне не хотелось, чтобы кто-либо знал о моем приезде, поэтому я просто зашёл в исповедальню. Свет луны проходил через сиреневую мозаику и проникал через узоры шпалеры в двери, маленькие сиреневые крестики упали мне на лицо. Так я решил переждать дождь и немного запел от скуки».

Мой дом,
То маленькое счастье
В сердцевине горького несчастья,
Родившееся под шафранным фонарем.

Мой дом,
Прогулки по задворкам
Под лай собачьих гонок,
Что бегут по протоптанным следам на отчий звон.

Мой дом,
Его обрезок старой жизни
Грязью запутавшийся в паутине
Связавший отца и сына в двоём.

Мой дом,
Там где-то у речной стремнины,
Стекающая в наши ветхие избы,
Их стропила срублены сыновьей рукой.

Мой дом,
Изгнание и одержимость,
Неудержимость и гневливость
Человека, живущего под луной.

Мой дом,
Тот шорох истомной струны,

Что девчонка бьет в баклуши
Лежа под холодной простыней.

Мой дом,
Слова закупоренные в горы,
Ни под каким штопором они не вздрогнут,
Не разольются они терпким вином.

Мой дом,
Пристанище таинственной страсти,
Затуманившая наши взгляды,
Я в этом жемчужном море опьянен.

Мой дом,
Её потрескавшиеся губы,
Что как промокшие обои в поцелуе
Напоминают мне в кого я влюблён.

Мой дом,
Моя жизнь - её стены
Её счастье - отсутствие моего тлена
Мы скрыты под одним замком.

Это мой дом...

«Потом я услышал, как кто-то ходит по залу. Он тушил свечи. Я смотрел через один маленький крестник, как сквозь замочную скважину. Это был Роберт. Вензеля дыма медленно плыли вверх. Он был уже не в рясе, а просто в своих серых брюках и в одной из своих парашютных рубашек. Он медленно приближался ко мне и сел в соседнюю кабинку. И вдруг заговорил, было слышно, что он до конца не уверен – есть ли кто-то в кабинке?»

- Простите, здесь кто-то есть? – Корнеид решил как-то подделать свой голос, но после первых слов, услышал, что охрип так, что теперь его было не узнать.

- Да, святой отец. Простите, я решил здесь спрятаться от дождя.

- Вы не должны извиняться передо мной, это дом бога, для всех тех, кто нуждается.

- Да, конечно, просто это ведь ещё и ваш дом. Я скоро уйду, как дождь стихнет.

- (Успокаивающе) все нормально... я с возрастом стал плохо спать, чтобы заснуть мне надо прогуляться. Я спустился и услышал пение, это были вы?

- Да. - сказал Корнеид, пытаясь быть с ним краток, чтобы прекратить разговор, но было видно, что Роберту хотелось с кем-то поговорить.

- (Задумчиво) красивые слова... но грустные, вы не находите?

- Возможно.

- Я услышал некую тоску в вашем голосе.

- Да-нет, просто, видимо, уставший.

- Вы не отсюда... проездом? - Корнеид тяжело вздохнул, подбирая слова, и Роберт это услышал. – Что-то не так? Вы не знаете куда идти?

- Да-нет, я поехал на мемориал, что у границы, а теперь еду к морю.

- А... да, я слышал про этот мемориал, говорят его поставил мой сын, а я даже и не знал об этом. – теперь он тяжело выдохнул, и Корнеид решил поговорить с ним. Корнеид видел его лицо через маленькие крестики, а он его - нет. Он

усиленно смотрел, пытался увидеть Корнеида, но не разобрал ничего.

- Ваш сын?

- Да, один из сыновей. У меня их трое, ещё две дочери. Но один умер ещё давно, на том поле, откуда вы приехали. А ещё один сын, наследник моей власти, скитается где-то, и я даже не знаю где. Я его сильно обидел, и он больше здесь не появляется. А теперь я сижу здесь каждый день по ночам и каюсь за это.

- Не стоит. Он молод, как я понимаю, сам разберётся. Не гоже молодым на стариков обижаться.

- Да, если бы все так было просто. Если бы господь дал мне возможность встретиться с ним, и дал бы мне сил попросить прощение.

- Я думаю, что, если он обиделся, то давно простил.

- Где же тогда он?

- Может он ищет себе какую-то жизнь, и как найдёт даст вам знать.

- А вы?

- Что я?

- Вы тоже куда-то бежите?

- Я не бегу, просто ищу себе место.

- А родители ваши где?

Корнеид долго думал, что сказать ему.

- Мои родители давным-давно умерли, я их смутно помню. Я был ребёнком.

- Простите меня.

- Нет, нет не извиняйтесь. Они умерли в начало темных времён.

- Да, они унесли не мало жизней.

- Это да.

- (После долгих молчаний) так вы совсем одни? Может у вас есть жена или невеста?

- Да, есть. – сказал он ему, подумав об Эле.

- Так почему вы не с ней?

- Есть свои причины.

- Вы не уверены?

- Не знаю, как сказать, мой дух, он как будто болеет.

- Вам нужно сбросить весь этот груз с себя. Может вы не просто так пришли в храм? И может не просто так мы с вами разговариваем?

- Святой отец, я не хотел бы сейчас исповедоваться.

- Если не хотите, тогда просто расскажите как другу. Что вас беспокоит?

Корнеид прильнул головой к шпалерной стенке, за которой он был, и смотрел на него исподлобья через кресты.

- В моём сердце две женщины...

- Продолжайте.

- Я люблю свою невесту, она самое ценное, что у меня есть. Но другая, я не знаю как объяснить, но, не смотря ни на что, я буду любить и другую. Я не могу её забыть. Я не могу её разлюбить. И это меня ломает. Не даёт мне жить как надо. Если бы было возможно, я бы всю жизнь прожил с ней, а не с невестой. Но...

- Но это невозможно. Да, я понимаю. Сердцу не прикажешь. Но вы мужчина, бывает, долг гораздо важнее нашего сердца. Следуйте своему долгу, и господь одарит вас новой любовью, вот увидите. Молодой человек, никакая другая не может быть важнее, чем та, что готова родить вам детей, это ваша дева Мария. Следуйте за ней. Защищайте её. Оберегайте её и ребёнка. Это путь мужчины, а не мальчика с разбитым сердцем. Извините, если я слишком груб, но это правда. Я вам говорю то, что сказал бы сыну.

- Надеюсь, когда-нибудь вы ему это скажете.

- Я тоже на это надеюсь. Вы знаете, я вам признаюсь честно, я много лет критиковал Бога, а в итоге совершил его ошибку.

- Его ошибку?

- Да, его ошибку. Вы знаете, я много об этом думал, и вот, что я вам скажу, я отрёкся от него, и долгое время не питал к нему веры, пока ни понял, что даже его несуществование ничего не изменит для меня. Бог не перестаёт быть Богом, даже когда его нет: ведь вся история очень проста и каждый из нас её проживает. Мы выгоняем своих детей из дома, а потом пытаемся ценой собственных страданий их вернуть обратно домой. Мы верим в Бога точно также, как и в любовь. Мы не знаем существует она наверняка или нет, поэтому остаётся верить. И мы ведь очень ревностно к ней относимся, ищем самое чистое её проявление. Если видим в ней предательство, то и говорим, что любви и не было. Относимся к ней точно также, как следует относиться к Богу. Поэтому... боритесь за возможность жить в любви.

- Да, вы действительно правы. Я сделаю так, как советуете мне вы.

- Я рад этому... что ж может вы хотите что-нибудь поесть?

- Нет, спасибо. Я посижу здесь. И скоро поеду.

- Вы можете здесь переночевать.

- Нет-нет, большое вам спасибо, но я поеду.

- Хорошо, но будьте аккуратны на дороге.

- Конечно, святой отец.

- А я пожалуй пойду, надо спать, а то завтра буду квелым.

- Конечно, идите.

- Благодарю вас за нашу беседу.

- Это я вас благодарю.

«Я увидел, как он тяжело поднялся. Деревянный стул весь закрипел под его тяжестью. Он повернулся ко мне и перекрестил меня».

- Да будет с вами бог везде, сын мой, во имя господина нашего - отца, сына и святого духа, аминь.

- Аминь.

«Он ушел. А я ещё немного посидел. Потом встал и пробрался наверх. Прошёл мимо ваших комнат и зашёл к Эле. Она спала на моей кровати. Я отодвинул полог и увидел её. Я разбудил её. Когда она проснулась и увидела меня, то набросилась мне на шею. Она спала в этой своей кремовой наволочке, вся запутавшаяся в простыне. Вокруг в комнате везде были её рисунки. Даже на постеле лежал блокнот с карандашом. Я обнял её. Положил руку на бедра, а другой придерживал ей спину. Сначала поцеловал в щеку, а после поцеловал в губы. Этой секунды я ждал больше всего. И с неистовой жадностью не отлипал. В ту ночь я сразу сказал ей, что хочу быть до конца своих дней с ней. И что я пришёл чтобы украсть её. Она улыбнулась мне своими брекетами и сказала: «Кради».

И я забрал её вместе с этой простыней. Взял на руки, посадил в машину, и мы уехали. Ребёнка зачли не сразу. Когда она поняла, что я её действительно похитил и запретил ей с вами общаться, она стала бояться меня. Я не трогал её. Она что-то замкнулась, выполняла роль жены, но не разговаривала даже со мной. Я зашёл к ней в спальню, а она стояла как вкопанная. Я оставил её, сам спал на диване. А однажды пришёл злой после своих дел, думал разобью все к черту в квартире, она сначала спряталась, а потом ночью пришла ко мне на диван. И больше никогда не уходила.

Мы стали всегда вместе проводить время. И по-настоящему влюбились друг в друга. Друзей у нас нет, так что везде вдвоем: на пляже, в тавернах, я каждую сестру старался приходить к ней. По выходным старались выбираться куда-то все время. Сейчас, пока нет. Ей тяжело стало. Когда мы узнали, что будет мелкий, то были самыми счастливыми. Тогда я понял, что нашёл свой дом».

***

В скором времени все четверо детей Роберта и Кнары вернулись в старую

часть города Магнифит. Трое детей, кроме Корнеида, вернулись в храм к своим родителям. С утра пораньше, когда лучи солнца, ещё не успели прилечь на колонны храма, к Роберту и Кнаре пришли лучи куда теплее для их сердец. Они заметили, как их дети заметно изменились. Особенно, конечно, Эля. К ней они бросились в первую очередь, обратили внимание на её живот, и заметили, что девушка, будучи беременна, стала ещё красивее. На ней было жёлтое с голубыми маленькими цветочками сарафанное платье. Ветер от открытой двери раздувал полы этого платья. Лев стоял в джинсовых шортах и белой футболке, объясняя им все то, что произошло с Элей. Когда Родители спросили, где Корнеид, он им сказал, что тот придет вечером. Наконец, они обняли свою дочь – Талию, которая с момента отъезда от них сильно повзрослела. Она легко улыбнулась родителям и помогла Эле поднять сумки наверх, а также разобрать вещи во всех их комнатах. Лев ушел со своими родителями в другие комнаты, чтобы рассказать им подробнее о себе и о других детях.

Вечер подкрался очень быстро. Позади храма чёрное от ночи озеро уже пестрело звёздами, лунной чешуей и огнями города, превращаясь в водный калейдоскоп. Лев ушел повидаться со своими друзьями. Талия помогала матери.

Роберт вёл вечернюю службу. Эля лежала в комнате Корнеида, отдыхала после тяжелого дня. Корнеид вошёл в храм через главные двери. Они громко трещали и разверзались перед большим залом так, что все сидящие прихожане обернулись. Когда они увидели юношу, то стали привставать и кивать ему головой. Роберт через весь центральный неф, стоя меж двух передних рядов, встретился с сыном взглядами, и хоть он плохо видел, но он старался рассмотреть его. Однако Корнеид всем кивнул головой и отошёл в боковой неф, где была лестница наверх в их капеллу. Прихожане провожали его глазами, и он скрылся.

Он сразу пошёл к Эле. Она лежала на его кровати и дремала. Её щека нежно целовала мягкую подушку, а глаза стали истомно открываться, увидев Корнеида. Он закрыл дверь. Кинул свой мундир на стул, отстегнул ремень со шпагой, облокотил её аккуратно в угол стоймя, вытащил полы рубашки из брюк и улёгся рядом с ней. Он уткнулся в её смуглое плечо своими иссохшими от жары губами и рукой обнял живот. Она слегка повернулась к нему и запустила руку в волосы. Стала целовать его, чтобы он обратил на неё внимание. Она всегда так делала, чтобы привлечь его внимание на свои жесты.

Он посмотрел на неё. Через усталую дремоту посмотрел в её ореховые глаза. «Ты поговорил с родителями? - Корнеид стал махать устало головой. – Сейчас Роберт закончит свою службу и будем ужинать». «Ты поела? – спросил он, будто игнорируя. – И позавтракала и пообедала? – она опять кивнула головой». «Ужинать будем в беседке у озера, поговори...». «Смотри потеплее оденься, у воды холодно по вечерам». «Поговори с родителями после ужина». «Не указывай мне, что делать, без всяких там телепузиков разберусь». Она его слегка толкнула: «А ты перестань тогда опекать меня, раз всякие там тебе не нужны». «Ещё раз толкнёшь, и я тебя начну щекотать». Вдруг Корнеид услышал голос Кнары, кричащий им из далека: «Ней, спускайтесь ужинать». Корнеид крепко-крепко обнял свою любимую, не желая вставать с постели. Он велел Эле идти к ним, а сам сказал, что спустится через несколько минут.

Кнара и Талия бегали с тарелками туда-сюда из базилики к беседке. Роберт сидел в глубине беседки во главе стола, ловя взглядом каждую тарелку, что клали на стол, всматриваясь, что это такое принесли. Потом он смотрел на рядом сидящую Элю, с усмешкой кивая головой на эти тарелки. У озера стоял и покуривал Лев.

Когда они все сели, к ним спустился Корнеид с пледом, укрыл Элю, хоть она и сопротивлялась. Все сидящие за столом, умиленно улыбнулись этой сценке, никогда не видя их обоих в подобных ролях. Он сел вместе с ней, обнял её одной рукой. Что-то съел, один раз положив вилку в рот, и снова просто сидел, держа Элю

за руку. Он сидел отстранённо, слушал разговор остальных, Кнара расспрашивала Льва и Талию про их жизнь, а Роберт лишь заключал, говоря «правильно» или «это неправильно».

Корнеид и Эля стали разговаривать меж собой.

«Над чем они смеются?». «Да так, Лев им рассказывает дебилские истории про Аркадия и Анатолия». «Ты ничего не поел». «Я не голоден». «Не забудь поговорить с родителями». «Что ты ко мне пристала с этим». «Пожалуйста, ради меня поговори с ними». «О чем?». «Ни о чем. Просто так. Найди с ними общий язык. Не сторонись. Я не могу так спокойно жить в их доме и рожать здесь, думая, что у тебя с ними плохие отношения. Это ведь теперь и мои отношения тоже». «Хорошо, хорошо, я поговорю с ними». «Обещаешь?». «Да, только, пожалуйста, хватит меня доставать этой просьбой, как разговор зайдет, так и поговорим». «Хорошо, спасибо тебе». Она его со всей любовью поцеловала в щеку, и все снова обратили на них внимание. «Пойдём лучше сегодня, погуляем перед сном». «Куда?». «Просто пройдемся, тебе полезно гулять перед сном». «Не хочу далеко идти, давай здесь на площади останемся». «Без проблем, любой твой каприз, только кофе сначала мне свари». «Почему, я?». «А кто, я?». «Почему бы и нет, ты все-равно мне запрещаешь кофе пить». «Это не я тебе запретил, а твой врач, вот лишь бы на меня все скинуть». «Курить нельзя, вино нельзя, кофе тоже нельзя». «Тебе-то нить, и так ешь, что хочешь, а кто тебе за всем этим бегает, а?». Эля вся засияла и стала перед ним кривляться: «Конечно же, мой любимый». Она опять на нем повисла и поцеловала. «Так что хорош нить, потерпи немного, уже не долго осталось». «Хочу и ною, мне рожать». «Родишь, потом через время опять у меня забеременеешь», - стал Корнеид издеваться. «Как это?». «А что? Раз, два, три и отстрелялась, по-быстрому, что удовольствие то растягивать» - сказал и засмеялся. Она опять его слегка ударила по плечу: «Опять смеёшься надо мной». «Ты кофе мне варить будешь?» «Нет». «Хорошо, смотри, тащи тогда сюда карты, тот, кто проиграет, будет варить кофе». «Мы что, будем играть в карты на территории храма?» «А тебе что, религия не позволяет?» - сказал он и опять стал над ней смеяться. «Я не буду играть в азартные игры в храме». «Да ты не бойся, когда я стану хозяином этой церкви, я тебе все грехи отпущу». - и опять начал смеяться, а Эля снова пошла на него с боем. Он стал ловить её руки, слегка скрутил и стал целовать, куда попадал, в щеки, в шею, в плечо.

- (Кнара, улыбаясь Корнеиду) так, вы голубки окончательно уже распоясались.

- Да-нет, просто шутим.

- (Кнара, поглядывая на Роберта) так ты с Элей здесь надолго?

- (Корнеид, кивая на Льва) мы решили, раз уж Эля хочет рожать здесь, то мы останемся до венчания и до...

- (Кнара, смотря на Роберта) и до твоего помазания.

- Ну я хотел сказать, до крещения ребёнка но да и это.

- (Роберт) конечно, надо будет сделать все одной церемонией, и венчание, и крещение, и твоё помазание.

- (Подхватывая слова мужа) конечно. (Махнув рукой) ой это надолго вы, потому что пока туда, пока сюда. На все это время надо будет, к тому же ребёночка сразу прям же крестить не будем, может до пол годика подождём.

- Посмотрим. В любом случае, пока мы все время здесь, Лев с Талией проживут в нашей квартире. Потом подыщем им что-нибудь.

- (Кнара, повернувшись к Льву и Талии) так вы уедете?

- (Талия) у нас кафе, мама. Надо за ним следить.

- (Лев) к тому же надо переехать от Аркадия и Анатолия. Мы не можем все время у них быть. Пока ребята здесь. Мы там себе что-нибудь подыщем.

- (Роберт) да, это разумеется. Но вы на венчание-то приедете?

- (Кнара, возмущённо) конечно, приедут, куда они денутся?

- (Лев) да, конечно. Не пропущу же я свадьбу сестры.

- (Кнара) ой, вы только представьте, вот и на нашей улице праздник: сначала ваша свадьба, потом и у вас будет свадьба. И с внуками нянчиться здесь будем, Роба.

- (Роберт) да, вот один на подходе... (Корнеиду) а ты намерен после помазания уехать?

- (Пожав плечами) а в любом случае придётся жить на две части города, пока ту гору ни пробурят. Так что пока не знаю. Понятное дело надо быть там, центр нашего города перемещается туда. Когда город станет единым, будет полегче.

- (Роберт) так как Лев решил жить в той части города, то он может быть там и твоим представителем, а ты можешь быть здесь.

- (Корнеид) да, я думал об этом, может так и будет. В любом случае пока сложно точно сказать. Я вообще могу всех вас перенести на новое место туда. Или вас всех туда, а самому остаться здесь.

- (Роберт) тебе король не разрешит покидать приграничную территорию. Так что здесь в любом случае должен кто-то остаться, либо ты, либо твой заместитель.

- (Корнеид) я буду опираться на всех вас, смотрите, где вы хотите жить, и тогда я пойму, где буду жить я. Так я буду понимать через кого и где я буду распространять указы.

- (Кнара, хлопнув ладонями о стол) так, ладно, дела-делами, а у нас первый семейный ужин за долгое время, кто будет кофе? – все стали соглашаться. – А Эля не будет?

- Нет, запретили.

- (Улыбаясь) хорошо. Роберту тоже много нельзя, а он уже пил сегодня. Получается четыре порции. – она уже встала, но Талия её остановила.

- Сиди, мам, я сделаю.

- (Кричит ей в догонку) смотри, сразу две турки поставь, та, что мне, туда сахару поменьше, чем себе ты делаешь.

- (Из храма) хорошо.

- (Роберт-Льву) у тебя курить есть. – он кивнул ему головой. – Пойдем ка к озеру покурим.

Они оба вышли из-за стола. Осталась Кнара напротив Корнеида, Эля прильнула к его плечу, и он её приобнял. Мухи стали залетать в беседку и кружить вокруг тарелок. Кнара все смахивала их рукой, но они тут же садились. Две дворовые собаки, что вечно ошивались вокруг базилики, теперь пришли к беседке попрошайничать. Кнара кинула им на камни по пару костей. Они стали грызть и ловить мух, мешающим им есть. Со стороны казалось, что они кусают воздух.

- (Улыбнувшись паре) хорошо, что все теперь дома. Аж не верится, что все это произошло сегодня. Просто чудо какое-то. – Корнеид ей еле заметно кивнул. – Ты то рад, что, наконец, дома.

- Не знаю, знать бы, где этот дом ещё находится.

- Здесь, конечно.

- (Смотря на собак) не знаю, не в одиночестве и уже хорошо.

- Ты всегда себя считал одиноким, Корнеид, но это не так.

- Теперь не так.

- Мы все всегда старались к тебе приблизиться. И я тоже, но стоило мне как-то немножко к тебе подмазаться, как ты начинал отдаляться. – Корнеид ничего ей не ответил, и тогда она стала собирать тарелки с оставшейся едой и переносить их в базилику. Эля встала и тоже стала ей помогать немного.

Корнеид остался сидеть один. Он не пошёл ни в храм, ни к озеру. Он заметил, что темнота все заметно сгущалась. На тарелках уже лежала ночь, и мухи, словно темные блики, летали под глазами. Вдруг лампочка над столом зажглась, и они все полетели к ней, кружа хороводом вокруг горячего стекла. Корнеид закурил и помимо света ещё и затопил беседку дымом. К нему подошла Талия и стала

расставлять чашки с кофе. Но никто ещё не подошёл, и она не знала, куда бы ей пойти, пока Корнеид не сказал ей сесть.

- (Корнеид) как дела?

- (Пожав плечами) да, вроде бы, хорошо.

- (Кивая головой, думая, что ещё спросить) что у тебя нового?

- Ты просто так все это у меня спрашиваешь? Ты же все знаешь, и как у меня дела, и что у меня нового.

- Спрашиваю, потому что хочу поговорить.

- Зачем?

Пауза.

- Потому, что всегда хочется поговорить с человеком, который тебе дорог.

- Прекрати, Корнеид, все это просто твоя страсть.

- (Улыбаясь ей) страсть - это не просто.

- Зачем ты все это говоришь? Ты не понимаешь, что все эти слова ты говоришь для себя, а не для меня.

- Причём здесь для тебя или для меня. Тебе мужчина признаётся, а ты спрашиваешь, для кого это?

- Ну а к чему это признание?

- Просто, чтобы ты знала.

- Мне это ни к чему.

- Может мне к чему. Может я хочу заботиться о тебе?

- Это не возможно.

- Я тебя ни о чем и не прошу. Просто будь моим другом. Я хочу быть всегда рядом.

- Я так не смогу. Я ведь все равно буду знать о твоих чувствах.

- Я никогда больше не буду тебе их показывать, и говорить ничего не буду.

- Нет. Я то буду все равно знать. Нет, Корнеид. Прости меня, но я даже этого не смогу тебе дать. Мне это будет мешать. Меня это будет угнетать. Лучше все оставить как есть.

***

Время утекало, а вместе с ним и старая жизнь. Бывает, когда мы понимает, что в нашей истории закончился старый акт и начинается новый. Так и в истории семьи Магнифит. Лев и Талия, как сказал Корнеид, в скором времени после ужина переехали в его квартиру в новой части города. Сам он остался с Элей жить в храме и мысленно готовится к новой жизни, к новому акту, где он будет мужем, отцом, правителем. Где он будет мужчиной. Такие люди, как Корнеид и Лев, только это и воспринимали, как смысл своей жизни. Для многих он покажется скучным: добиться того, чтобы быть мужчиной. А для них эта была почти непосильная задача. Их обоих маниакально преследовали мысли и сомнения того, что они не заслуживают подобного звания. Они относились к этому слову, как к званию, которое необходимо завоевать и удерживать его во всех жизненных ситуациях. Они были лишены радости быть любимыми и свободными сыновьями, которые бы жили и веселились в глазах своих отцов. Потому им свойственно было желание стать подобными глазами, которые внимали бы подобной свободе к собственным детям. Они стремились к этому и не считали подобную цель скучной или устаревшей, не новой. Их было не завлечь мыслями о совершенстве и величии. Их это не волновало, именно поэтому судьба, если она есть, преподнесла им власть на блюде. Создать семью для них – означало не просто выжить в тёмных временах, а победить их светом рождения собственных детей, как новых звёзд на небе.

Не смотря на некое попираемое собственными предрассудками отношение между Львом и Корнеидом, последний понимал это, поэтому всячески и начал способствовать тому будущему, в коем Лев сможет создавать семью. Но пришло

время, когда она уже появилась у Корнеида. Эля родила ему девочку. Храм обзавёлся детским плачем, обволакивающим каждое утро все его альковы и апсиды. Эля, хоть и не слышала ребёнка, но каждое утро, вскакивала при первом же плаче, чувствуя своё дитя. Корнеид начал восхищаться этой способностью и после стал шутливо попрекать свою любимую, когда со временем она устала и стала делать вид, что не чувствует ребёнка, вдруг заревевшего посреди ночи. Хотя Корнеид стал ловить себя на мысли, что этот плач ему приятнее музыки. На его лице невольно струилась улыбка в уголках рта при каждом плаче посреди ночи. От своих грёз он отлипал дремотные веки к большой своей радости. Этот плач был способен быть в его глазах рассветом в темном углу комнаты, словно священный, красный уголок с тусклым, сонным огоньком.

Девочку решили назвать Дианой в честь матери Эли и Льва. Корнеид не стал возражать, прекрасно помня, какой красотой отличалась Диана. Когда девочка чуть набрала месяцев и округлилась, она действительно стала на неё походить. И тогда маленькую Диану решили крестить, а это ознаменовало огромное событие.

На него съехался весь город, и новый, и старый. Приехали многие военные и политики, чтобы почтить Роберта и в скором времени нового лидера Магнифит. Даже король написал письмо лично их семье, где он поздравляет их и приносит извинения, что не может присутствовать на церемонии.

Храм внутри был украшен красными розами, что обвивали все белые колонны и алтарь. Все скамьи были заняты важными гостями – семьями хозяев других земель, губернаторами и пожилыми людьми города. При этом весь храм был заполнен людьми. Весь неф базилики был заполнен шепотом в море женского хорала и маленького оркестра с органом на балконе, над алтарём. Народ также стоял перед базиликой, на площади, он расступался перед Корнеидом, ступавшим босиком по брусчатке с оголенным торсом. Он шёл в сопровождении нескольких священников: один шёл впереди него держа перед собой крест, два шли вместе с ним по оба плеча, и ещё один - сзади, держащий стяг. Этакий плывущий крест по этой реке пустоты, ведущая к дверям храма. Зайдя в базилику, Корнеид ощутил холод плиты под ногами. При этом ему вдруг почудилось, что весь храм изнутри затоплен маленькими огоньками от свечек, будто огненные капли после пожара, оросившего все вокруг своим огненным бисером.

Впереди у алтаря стоял Роберт. Корнеида подвели к нему. Наступила тишина. Голос Роберта стал отдаваться эхом в базилике.

- Корнеид Магнифит, тебя привел ко мне бог в свой дом, чтобы я, также как и меня, и тех кто был до меня, спросил: Клянёшься ли ты защищать справедливость своего народа, будто это божья воля?

- Клянусь.

- Клянёшься ли ты защищать его правду, словно защищаешь его голос?

- Клянусь.

- Клянёшься ли ты защищать его семьи и его любовь, как защищал бы сердце богоматери?

- Клянусь.

- Клянёшься ли ты защищать жизни людей своего народа, считая их божьим даром?

- Клянусь.

Четыре священника, которые вели Корнеида в храм, взяли его за предплечья, а другие за плечи и поставили Корнеида перед Робертом на колени. Роберт опустил два пальца в елей. Корнеида слегка поддали вперёд, и Роберт коснулся до его спины.

- Да будет за твоей спиной господь опорой.

Он нанёс ему крест на спину. Корнеид почувствовал весь холод и дрожь. Он закрыл глаза. Внезапно все внутри него стало, как старый лес - дрожать и трещать под дуновением ветра. Внезапно его дух стал шелестеть миллионами листков.

Корнеиду вновь дали приосаниться, стоя на коленях. Если бы его не держали, он бы уже потерял равновесие.

Роберт снова опустил два пальца в елей. И перекрестил ему руки: «Во имя Господа нашего - отца». Он перекрестил ему грудь: «И сына». Лев стоял за одной из колон в боковом нефе и пытался заглянуть, пробраться глазами за спину Корнеида. Увидеть глазами таинство. Он перекрестил ему чело: «И святого духа».

Когда он это сделал, один из священников на подушке принёс крест Корнеида. Роберт взял его двумя руками и поднял его перед собой, как когда-то Карлен поднял его после битвы, чтобы последний раз посмотреть на него, перед тем как надеть на мальчика. Корнеид, стоя на коленях, исподлобья смотрел на крест, и перед глазами у него были воспоминания о Карлене. Весь храм затих, а сердца людей забились барабаном. Когда Роберт стал опускать крест к голове Корнеида, тот потупил глаза. Роберт надел ему крест и еле слышно сказал: «Ради отца будь сильным, ради матери храбрыми, да поможет тебе Господь».

Тогда Роберт выпрямился и уже слышным для всех голосом сказал:

- Встань с колен Корнеид Магнифит, защитник церкви, народа и хозяин провинции.

Корнеид уже без помощи священников встал с колен и повернулся ко всем. От множества свечек елей светился у него на груди. Когда он повернулся, все стали ему аплодировать, и хлопки стали раздаваться эхом, и были похожи на громкое кваканья лягушек. Лев обошёл весь неф и прошёл за алтарь. К Корнеиду подошёл священник с его рубашкой и мундиром.

На балконе снова заиграл оркестр и запел хор, которого Корнеид не мог увидеть, так как он находился прямо над ним, словно гром за затянувшимися небесами. Он застегивал рубашку и смотрел на балкон, где пели, и вдруг от туда вышла Эля, которую вёл Лев. Они шли сверху, спускаясь с дощатой лестницы ко входу. Корнеид лишь какой-то кусок времени и пространства его поля зрения, смог посмотреть на Элю в платье. Потом они прошлись кругом через правый неф, зайдя за алтарь и пройдя через левый. Корнеид опять лишь на миг увидел Элю, когда она заходила за алтарь и скрылась для его глаз за розами. Обойдя зал, они устремились к алтарю, проходя меж рядов скамей. Дойдя до алтаря, Лев поцеловал руку сестре и отдал её Корнеиду.

- (Роберт) друзья, все мы собрались здесь, чтобы напомнить друг другу, что как бы кто не возносился, человек – это лишь половина человека. Корнеид и Эля пришли сюда в дом Господа нашего, чтобы навек соединить свои души перед ним. (К Эле) Эльмира Розари, согласна ли ты выйти замуж за Корнеида Магнифита? - Эля прекрасно знала, что её спрашивают, и кивнула головой. – (К Корнеиду) Корнеид Магнифит, согласен ли ты взять в жены Эльмиру Розари?

- Согласен.

Роберт взял орарь и завязал руки Корнеиду и Эле. Посмотрел верх на купол базилики и громогласно обратился:

- Господь, мы просим тебя соединить две жизни, две бессмертные души влюблённых, пусть они всегда находят друг друга и живут вместе, где бы они ни были. Отныне их дом – их вечная любовь.

После того, как Роберт произнёс эти слова, Корнеиду и Эле положили подушки и они встали на колени лицом друг к другу. Эля пустила под свою фату Корнеида. Над их головами стали держать короны, а Роберт над ними держал крест и читал молитву. Потом они поднялись, Роберт из взял за руки.

- Да будет ваш брак крепок, да будете вы друг друга любить и защищать, точно также как вместе будете любить и защищать своих детей. Корнеид и Эля Магнифит, отныне вы муж и жена.

Все снова стали аплодировать, снова хор лягушек пронёсся по залу.

Корнеид и Эля остались стоять у алтаря. Роберт отошёл к чаше с водой, что стояла с боку от алтаря. У чаши стоял Лев с Дианой на руках, а рядом с ними Талия.

- Лев Розари, веришь ли ты в Господа нашего, создателя всего сущего?

- Я верю в него.

Роберт стал читать молитву, а после снова обратился ко Льву.

- Лев Розари, отвергаешь ли ты дьявола?

- Я отвергаю его.

- Отрекаешься ли ты от дел его?

- Отрекаюсь.

- И от путей его?

- Отрекаюсь.

- Согласен ли ты принять крещение?

- Я согласен.

Роберт окропил святой водой девочку. И после этого в городе праздник длился несколько дней.

Часть 4 Трепет немоты.

С помазания Корнеида прошло несколько лет. Все четверо детей Роберта и Кнары жили в новой части города. Сами старики жили в своей старой, семейной базилике, и дети их часто навещали.

У Корнеида и Эли уже было двое детей. Не так давно от времени, о котором повествуется эта часть, у них родился сын, которого назвали в честь отца Корнеида – Сандро. А Лев и Талия на то время ждали своего первенца. У Талии уже вовсю надулся живот, и помогать Льву в кафе она могла все меньше и меньше.

Дела у семьи Магнифит шли своим чередом, а дни сменялись один за другим, не зная какой из них больше перевесит своим счастьем. Но ни одно поколение не живет, не встречая своё личное испытание. У одного поколения оно тяжелее у другого легче, но каждый обязан его перенести, чтобы дать определение своему времени и самому себе. Когда начинается буря, каждый в своём поколении узнает об уготованной для него роли. Кому-то предстоит все бросить и бежать, кому-то от бессилия просто гневно кричать вызову в лицо, а кто-то сможет расправить крылья и благодаря шторму взлететь на самую высокую точку.

Подобная буря пришла и к семье Магнифит, которой будет суждено распространиться на их область и повлиять на всю страну в целом.

Первое брожение началось с Эли. Корнеид начал замечать изменения в своей жене. Эля зачастую всегда была болтливой. Бывало они разговаривали на языке жестов, а бывало, что вся их квартира могла быть испещрена маленькими наклеенными бумажками с обращёнными друг другу предложениями. Они часто гуляли с детьми. Когда Диана чуть подросла, она все время просилась в лунно-парк. У них часто гостили Роберт и Кнара, и когда Диана вновь доставала отца своими аттракционами, он скидывал её на Роберта. После постоянного нытья, так как Диане все время отказывали, и она бегала от отца к деду, Корнеид подходил к Роберту и втайне от Кнары шептал ему, что если он разом оплатит десять поездок на машинках дочке, то он сам может посидеть в одном из уличных кафе, что рядом, и выпить пиво перед одним из телевизоров с футболом. Когда Роберт уходил с внучкой, Кнара всегда говорила, что посидит с Сандро, и Эля с Корнеидом могли прогуляться.

Иногда они гуляли в городе, сами могли засесть где-то в лоне темного переулка в маленькой кафешке. А потом найти и Роберта с Дианой, чтобы вместе пойти домой. А бывали дни, когда они разлюбили гулять в городе и уезжали за город на пляж. Ночью было запрещено лежать на лежаках. Они покупали вино, брали с собой нарды и проводили ночь на пляже. Иногда даже засыпали на лежаке, убаюкиваемые елозившем морем под сочившимся фосфорным светом через солому зонта. Лунная дорожка рябила на море, истомно давя на их веки, запирая их. Эля засыпала в объятиях мужа и даже во снах его любила.

Ей снились постоянно сны с его участием, которые она видела ещё в детстве, когда заболела менингитом. Эти двери с крестом, огромный образ Марии с детьми, возвышающийся над всеми горами, одинокий дом у плоской скалы с темными окнами, реку со множеством птиц, много-много маленьких детей в поле, и снова родной дом. Все эти сны она видела ещё в детстве. Они эпизодично сменялись друг с другом и вплетались в общую суть, где везде был её любимый. Она видела их ещё в детстве, но тогда она не знала, что молодой человек во всех этих снах её муж. Да она и не думала об этом: ведь после отъезда с Красного города эти сны ей больше не снились. И вот опять. Бесконечный образ Марии, который не понятно что ей хочет сказать.

Все дошло до того, что бывали дни, и их понимала сама Эля, когда она не осознавала спит она или бодрствует. Каждую ночь она начинала подминать под себя всю простыню, выпиваемая собственным потом и снедаемая собственными криками, что как сталактиты уже свисали в спальне. Как бы Корнеид её ни успокаивал, она не просыпалась. А когда просыпалась, то не разговаривала с ним, могла заниматься домашними делами, а могла просто сидеть и смотреть в одну точку. Корнеид не отходил от неё, пробовал заключить в объятие, но она, как беременная кошка, брыкалась и убегала от него.

Было решено детей на время отдать Роберту с Кнаррой. Лев с Корнеидом нашли хорошего врача для Эли. Как позже выяснилось, это было психическое расстройство, которое зерном в ней зародилось ещё в детстве, когда она заболела менингитом, а теперь после родов, эта болезнь вышла наружу. Доктор уверил, что это пройдёт, но для этого нужно было время, которое у Льва и Корнеида не оказалось.

В стране стала ухудшаться ситуация с соседней Аспирией. Они стали нарушать границы и селиться в своих старых домах, которые Григория отвоевала ещё в темные времена. Власти страны не предпринимали никаких военных мер, остерегаясь повторения прошлого, и закрыли глаза, думая, что некогда выгнанные люди просто вернулись в свои родные дома. Беженцы Аспирии и Григории хорошо знали, что такое потерять свой дом. Убегая от войны и приезжая в свою родную страну, они встречали вопиющее отношение своих соотечественников, которые не понимали, что люди их происхождения убежали и спаслись от войны. Они не считали их за своих и относились как к предателям, которые жили на земле врага, а теперь пришли к ним. Этим людям не продавали ничего в магазинах, не принимали на работу, мужчин считали подкаблучниками, а женщин – шлюхами. Такое было отношение в двух странах. наших героев это не коснулось, так как они принадлежали к знатной семье. Но обычным семьям не было жизни. Поэтому власти не видели ничего удивительного, что после уничтожения любых плотин, реки возвращаются к своим берегам. Но из-за сложной ситуации в Аспирии, особенно беженцы, увидя, что со стороны власти не происходит никакой реакции, всем своим наплывом, да ещё и с новыми потоками, заполонили собой всю область Магнит и добрались даже до новой части города.

В Григории, где люди только успели забыть о тёмных временах тут же о них вспомнили, и начались бесконечные беспорядки. Григорианцы шли на преступления и убивали мирных аспирийцев. Тогда аспирийцы в целях защиты стали убивать григориан. Когда об этом узналось, началось народное возмущение и всеобщая ненависть, готовая захлебнуть в себе все моральные устои. Стали погибать не только мужчины, но и женщины, и дети. Корнеиду пришлось забрать детей и своих стариков из базилики в новый город, где было поменьше пока беспорядков, а старый город оставить во власти аспирийцев, в нем уже не жили григорианцы, или жили те, которые, как наши герои, были рождены в Аспирии.

Из-за острого национального вопроса, Корнеиду пришлось много ездить в столицу, где собирались все лидеры областей на совете у короля, решая, как они должны поступить. Элю нельзя было оставлять одну, поэтому она все время была в кафе с братом, так как на Талии уже были с её положением двое детей и старики.

Бизнес у Льва в тот момент все рос, не переставая. Все доходило до того, что каждое кафе покупало у него право делать такой же кофе, что и у него. И он охотно это право продавал, но бренд закрепился таким образом, что, кто бы как бы ни копировал, все брали кофе у Льва из-за привычки. Но в скором времени это стало ещё и модно. Когда Эле стало лучше, ей становилось скучно просто так целыми днями сидеть в кафе брата. Поэтому она стала ему помогать: она встречала гостей и рассаживала их по местам, а после помогала официанткам разносить кофе. Как-то раз Лев заметил, что сестра перед тем, как понести кофе к столику, что-то с ним делала. Когда он подошёл, то увидел, что Эля на пенке кофе с молоком рисует разные рисунки. Со временем молодые люди, когда сидели в кафе у Льва, все время

просили кофе с рисунком, и Эле пришлось учить всех официанток, а после официанток из соседних кафе этим орнаментам на пенке.

Она очень скучала по мужу. С этими поездками она мало его видела. А без него ей запрещалось сидеть одной у себя дома с детьми: ведь её приступы хоть и уменьшились, но все же бывали. От этого запрета она ужасно обижалась на Корнеида, так как на самом деле она не понимала своего положения. Всем казались бессмысленными поездки Корнеида, как и ему самому: ведь ничего не происходило, и не применялись никакие меры. А тем временем в городе происходили странные дела группировок и серии массовых убийств, которые приписывали некому кофейному богу и банде бегонии.

***

Когда в городе стали появляться никому ранее невиданные григорианцы, Корнеид и Лев посчитали, что это наемные люди из столицы, но в скором времени они увидели, что это не так. Все эти новые люди разных возрастов скопились в бандитскую организацию, называющая себя бегонией, словно лепесток за лепестком они не отрывались, а собирались в один бутон цветка. Знак розовой бегонии стал символом гонения аспирийцев из григорианских земель.

Аспирийцы тоже собирались в различные бандитские группировки, но бегония быстро пресекала их попытки формирования, убивая их лидеров. По началу это были вооружённые стычки на улице толпой на толпу со шпагами, переходящие в дома и в убийство семей. По слухам все члены бегонии подчинялись какому-то старику, ровеснику Роберта, но люди вне этой банды никогда не видели его в лицо. Его методы были кровожадны, он не гнушался убивать аспирийские семьи и устраивать резню на улицах, попирая любые моральные принципы; однако григорианцы не были против таких методов. Сами Корнеид и Лев не вмешивались в уличные разборки, ожидая решения правительства, которое все медлило.

Действия бегонии никак не ослабляли аспирийское движение. Сами аспирийцы перестали лезть на рожон и стали вылавливать членов бегонии по одному, тогда бегония стала делать тоже самое: они решили больше не резать кого попало, а убивать только значительных аспирийцев, предполагая, что убивая лидеров, другие станут разбежаться. Так оно и произошло, когда в банде бегонии появился, как его называли, кофейный бог. Вот только, если лидера бегонии, кроме самих её членов, никто не знал в лицо, то кофейного бога не знали никто.

Появился он не сразу. Поначалу банда справлялась и без него. Война перешла в холодное состояние на территории пляжа. Аспирийские банды, как и банда бегония, в открытую собирались на пляже, располагаясь среди лежаков, попивая холодный кофе, который носили им официантки. Каждый день среди мирных людей, на огромном пляже, под соломенными зонтами они высматривали друг друга, смотрели, кто с кем общается и сидит за одним столиком. Потихоньку банда бегония стала понимать, кто из них главный, но не знала этого наверняка, и все пыталась придумать, как им это узнать и нанести точный удар.

Тогда и появился кофейный бог, придумав для аспирийцев ловушку. Между двумя частями города, где протекала река меж двух скальных стен и коридоров, протекая мимо высокой плоской скалы, находился широкий двухэтажный дом, прильнувший спиной к этой скале. Это был публичный дом. Он был очень консервативной архитектуры снаружи. Крёмовые стены, окна с белыми наличниками, откосами и деревянными ставнями. На углах дома были выскоблены белые русты. На втором этаже через каждое окно выходил маленький балкончик с балюстрадой. Покатая крыша была сделана из обычных алюминиевых листов, а ко входу в этом дом вела маленькая лесенка из четырёх ступенек с круглыми навершиями по бокам. Снаружи дом представлялся компактным, длинным прямоугольником, но внутри было нечто странное. Внутри дома почти не было

стен, а вместо крыши, между двумя этажами, пустое пространство исполосовали множество деревянных мостов. На втором этаже дощатый пол на несколько метров выступал в окрест от стен вдоль всего периметра, все остальное пространство - были мосты. Почти все место на первом этаже и на втором занимали деревянные кровати со своей крышей и красным пологом, чтобы закрываться. Кровати стояли почти в плотную, создавая лабиринт с тоненькими просеками между ними. Кровати нагромождались в два яруса, так что везде ещё были лестницы. Также везде стояли свечи, они отливали постоянный рыжий свет на стены и дерево. В воздухе витал спертый воздух курева, свеч, секса, потных постелей и пыльных красных пологов.

Как оказалось, в этот дом был прорыт тайный чёрный проход, который шёл через скалу в спину дома. Эта информация была написана на чеке у одного из представителей банды, а также информация о том, что все те, кто им нужны чуть ли не живут в этом доме.

Когда эту записку показали лидеру банды, он поручил проверить все то, что написал им кофейный бог, и вся его информация оказалась правдивой. Банда не стала больше пачкать свои руки, и не напала в лоб на этот дом, перебив всех лидеров. Теперь их задачей стало поселить трепетный и таинственный страх в сердцах не только бандитов, но и всего мирного населения аспирийцев. Они стали действовать скрытно, используя этот тайный проход, но и не только его. Идея кофейного бога связаться с ними через одну из официанток, породило им свою собственную идею. Они подкупили кафе, которые работали на этом пляже днём, и подкупили проститутку из борделя. Теперь на пляже под видом официанток работали проститутки и общались со своими клиентами, а также на пляже знакомились и с другими аспирийцами. Так, через личные связи банда узнавала от своих девушек, кто именно и когда у них будет. Они приходили в это время через чёрный ход, убивали этого человека и исчезали. Пока аспирийцы поняли, что они не могут выловить своих убийц, были убиты уже многие их лидеры, и они перестали ходить в этот бордель.

Жгучее солнце отталкивало от себя эфирные облака, растворяя их в голубом небе вдали от себя. По выходным или после работы во время сиесты люди испещряли горячий песчаный пляж, прячась под широкими соломенными зонтами, чья круглая тень вмещала в себя несколько лежаков. И весь пляж в течении дня потихоньку перемещался вместе со своими лежаками по этим теням. Вокруг бегали маленькие дети, перепрыгивая с тени на тень, добираясь до воды. Взрослые спали на своих лежаках, изредка просыпаясь, чтобы переместиться вместе с тенью, покурить и затушить сигарету в песок или отпить свой холодный кофе из пластиковых стаканчиков, запотевших и покрытых бисерными каплями, погружённые в песок так, что всё его основание было покрыто прилипшими мокрыми комками песка.

Люди спали в своём одиночестве, смотря сны, просачивающиеся в уставшее после работы сознание, как тонкие золотые нити луча сквозь потрёпанные соломы зонта.

Аспирийцы продолжали сидеть на пляже и готовить ответный удар для банды бегония. Тогда все вернулись на свои места: лидеры аспирийских группировок не ходили больше в бордель, проститутки не работали больше на пляже, в официантки вернулись прежние девчонки.

После того, как план с борделем перестал действовать, точечные атаки прекратились и снова начались уличные бои. Теперь они шли только ночью. Это могли быть бои двадцати человек с двух сторон, а могли переходить даже в дома. В разных частях города, в тёмных переулках, можно было услышать звон шпага и увидеть, как обнимают воинственные тени кремные стены домов. Как эти тени заходят в отпирающиеся двери, и вся эта темная стремнина протекает по разным порогам. Уличные войны вновь переходили границы и приходили к кровной мести каждого человека. Умирили женщины и дети, и тогда вновь появился кофейный бог.

Если ночью шли войны, то днём пляж был местом отдыха и перемирия. Банде бегония вновь нужно было уничтожить зачинщиков этих войн, чтобы все остальные разбежались. Каждый день, когда люди бегонии отдыхали и спали на пляже после изнурительной и кровопролитной ночи, им приносили их кофе. На их пластиковых стаканчиках все время были написаны чёрным маркером цифры. На каждом стакане по одной цифре, которая со временем стиралась потоками бисерных капель. По началу они не понимали, что это за цифры, пока ни пригляделись внимательнее: у каждого зонта, на его деревянном столбе, была прибита табличка с числом. Это число обозначало место для официанта, по этим числам они распределяли между собой обслуживание этих зонтиков. Бегонии заметили, что цифры, которые написаны на их стаканах, соответствуют цифрам тех зонтов, под которыми сидят аспирийцы. Они поняли, что это очередной знак того, кто им некогда уже помог, и они решили вновь довериться этому знаку и не ошиблись. Те, на кого указывал кофейный бог, и были самыми кровопролитными убийцами среди аспирийцев. Те, кто подталкивали других на убийства. Банда бегония нарушила дневное перемирие и в один из дней перерезала их прямо на пляже, больше аспирийцев в новой части города не было.

Уличные бои в городе прекратились, они перекочевали в речную часть к деревушкам между старой и новой частью города. Туда, где реку с двух сторон облицевали туннели и коридоры скал. Аспирийцы засели в этой части города, но уже не представляли собой серьёзные бандитские организации, это были процветающие наркоманские и алкогольные шайки, которые планировали распространять свой товар и дальше по стране. Так как это часть города соединялась между старой и новой частью, в ней строили новые дороги, дома, пробуривали горы. Но когда в страну пришли аспирийцы, все работы были брошены на полдела. Аспирийцы жили в заброшенных новостройках, в чужих дощатых домах, в борделе, в горных коридорах.

Это место было похоже на разрушенный город, по которому прошлись боевые действия. По нему гуляли перелетные птицы. Они останавливались передохнуть у реки на осередках на пару дней и улетали дальше за море. Разные стаи птиц заменяли собой жителей всей средней части города каждый день, гуляя вдоль берегов, у скал, по заброшенным домам. Ночью в этой части города происходили самые крупные поставки наркотиков.

Они знали, что люди бегонии вылавливают их поставки, поэтому шифровались от них различными рисунками. Заброшенные, горные дороги вдоль реки и скалы были испещрены различными рисунками. Они обозначали место поставки, рисунки были как для обмана, так и настоящие, но клан бегония не знали о них ничего.

Именно в тот момент в кафе появились рисунки, которые Эля рисовала на кофе, эта мода распространилась на другие кофейни, и кофейный бог решил ими воспользоваться.

Со временем банда бегония смогла перехватить поставки наркотиков. Они смогли узнать, что наркотик передвигается маленькими порциями в контейнерах. Связь эта начиналась ещё за старым городом у границы, и заканчивалась как раз на их территории. Труба выплёвывала воду с этими контейнерами в засохшие буераки, где когда-то была река, а теперь было местом для отходов. Еще на середине этой связи, с подсказкой кофейного бога, банда прорыла землю, нашла эту трубу и перерезала её, долго собирая новые поставки.

А потом стали их продавать покупателям такими же методами, как и продавцы – рисунками. Кофейный бог рисовал на пенке кофе рисунок, который давался, и покупателю, и людям бегонии. Они рисовали этот рисунок на скалах, делали такую же цепочку и ждали своего покупателя. Отловив несколько таких покупателей, они через них вышли и на продавцов.

Пока покупатель покупал у своего продавца наркотик, люди бегонии прятались в закутках темноты этих скал. Завидев продавца, они выходили и

убивали его, скидывая тело со скалы в реку. Покупателей отпускали, просили их бежать к своим и рассказывать, что бегония не остановится, пока аспирийцы не покинут страну. Так аспирийцы убежали от новой части города, от речной его части и засели в озёрной. Клан бегония стал популярным на всю страну, к нему стали присоединяться и другие. Они готовились пойти силой на старый город, чтобы перебить там всех.

***

Корнеид шел в большом зале по плиточному полу, он был таким зеркальным, что казалось, как ноги идут по твёрдому прозрачному льду. Зал был такой огромной, что здесь могло поместиться несколько полей, которые проезжают мимо на машине, и эти поля обычно в окрест обнесены линиями деревьев как некой рамой. Но в этом зале ничего не было. Лишь стены, занавешенные картинами с дородными из золота рамами. Мебель с рельефными вырезками из древесины. На расписном потолке, в центре, висела дюжая люстра с мириадой стекляшек. Все остальное в зале была пустота, и оттого, что в нем сейчас шёл Корнеид, вперив свой взгляд на спину ведомого, не поменялось ничего. Оба они терялись в этом огромном пространстве, а топот их каблуков по плитке, который эхом отдавался, ударяясь в стены и гуляя вдоль них, занимал куда более значимое место, чем они оба.

Они подошли до двух огромных дверей с филенками размером с окно. Когда адъютант два раза постучался в эту дверь, то казалось, что за ней никто стука и не слушал, что дерево поглотило этот стук, как влагу. Не дожидаясь ответа, он взял ручку двери и потянул на себя, она так странно заскрипела и поддалась, будто собиралась упасть на них плашмя.

В отверзшую маленькую щель он произнёс:

- (Важным тоном) Ваше Величество, господин Магнит прибыл. Разрешите ему войти?

- (Приглушенно за дверью) да, конечно, пусть заходит.

Корнеид зашёл в кабинет, и он оказался очень маленьким и компактным в отличие от того, какие у него огромные двери. Все в этом кабинете тоже выглядело очень скромно: обычное маленькое окно, рабочий стол с бумагами и четырьмя телефонами, позади стола два шкафа с книгами, сбоку диванчик с маленьким телевизором. Сам король сидел за своим столом в брюках и рубашке, его синий мундир висел за его спиной на спинке стула. Когда Корнеид зашёл, он посмотрел на него исподлобья, быстро опустил глаза и руками стал искать позади себя мундир. Корнеид с возрастом стал крупнее, на лице у него была густая борода. Он был в брюках и в мягкой сорочке с закутанными рукавами.

- А, мой мальчик, проходите, (указав глазами на стул перед собой) садитесь, пожалуйста. – Корнеид сел перед королем. Он был среднего возраста, достаточно крупный с военной причёской, выбритыми по бокам волосами, а волосы, что сверху, были покрыты пепельной сединой. У его глаз скопились множество морщин, когда Корнеид сел к нему, король посмотрел на него и улыбнулся, разгладив их все. – Ну как вы, не устали туда-сюда мотаться?

- (Важным тоном) никак нет, Ваше Величество.

- (Махнув рукой) прошу вас, отбросьте сейчас этот официальный стиль общения, я вас, как вы могли заметить, пригласил сюда чуть пораньше, чтобы поговорить с вами наедине как, в первую очередь, мужчина с мужчиной. Вы живете далеко от столицы, к тому же владеете областью у границы, у власти вы не так давно, всего лишь четыре года, но возможности поговорить с вами у меня ещё не было. А ведь я слышал о вас гораздо больше, чем о тех лидерах, с которыми я беседовал и беседую бывает наедине.

- (Вежливо улыбнувшись) надеюсь, вы слышали про меня хорошее.

- (Разведя руками на столе) ну, хорошее-нехорошее, но в целом вы заслуживаете мое уважение, особенно, зная ваши последние свершения, а это самое важное в наших с вами дальнейших взаимоотношениях. Вы доказали, что вы успешный лидер, который ведёт правильную политику для народа и нашей страны в такой сложной области. Вы явно заслуживаете моего доверия и поддержки.

- (Кивнув головой) благодарю вас. Надеюсь, что я не упущу вашего доверия.

- И мне в это хочется верить, мой мальчик, и мне. Но для начала позвольте у вас поинтересоваться: почему вы отказались поселиться на время здесь в столице, чтобы не ездить туда-сюда. Сейчас подобное ваше поведение абсолютно не к месту. Ведь вы знаете в сложившейся ситуации, я могу созвать совет в любой момент.

- Я не хотел никак нагрубить. Я вынужден ехать домой из-за семейных обстоятельств, и я...

- (Перебив) нет, послушайте, сейчас любые семейные обстоятельства, я все понимаю, но сейчас важна наша национальная безопасность, а не дела семейные, это надо понимать. (Стуча указательным пальцем по столу) если есть у вас какие-то проблемы, вы незамедлительно должны обратиться за их разрешением ко мне.

- Это проблемы личного характера.

- (Повелительным тоном) говорите!

- Моя жена, она больна, она и с детства была нездорова, но сейчас её состояние обострилось.

- Это все?

- (Поднимая плечами) да, это все.

- (От изумления подняв брови) ну знаете ли, лично не личное, а надо адекватно смотреть на ситуацию и обращаться за помощью, я распоряджусь, чтобы с вашей женой работали лучшие врачи и присматривали за ней, пока вы здесь. Если нужна также финансовая поддержка, она также будет оказана. Вот и все ваши проблемы. Понимаете, мне нужен человек, который сейчас будет работать со сложившейся в нашей стране ситуацией, а не тот, который даже не может разобраться с семейными проблемами, да ещё будучи в вашем-то положении. (Пауза) ладно, это не вам в упрёк. Вы своей невероятной хитростью отбросили чужестранца в старую часть города. Вы сделали то, что не сделал бы любой из лидеров или моих солдафонов. Вы очень искусны. Надо отдать должное, я недооценивал Роберта Магнифита, раз он смог вас так обучить. Но надо уже раздупляться, молодой человек, мы должны работать дальше. Это понятно?!

- Конечно, Ваше Величество.

- (Внимательно посмотрев на Корнеида) это хорошо, раз понятно. Собственно говоря, я для этого и позвал вас. Надо разрешить деликатный вопрос, пока мы ни начали общее собрание. Перед тем, как отвечать на мои вопросы при всех, я хочу, чтобы вы ответили на мой вопрос здесь. И ответили правдиво. Оттого, как вы ответите, я обращусь ко всем остальным. И так, скажите мне, насколько мне известно, вы наполовину аспириец, это так?

- Так.

- (Угукнув) скажите, как ребёнок-беженец оказался правителем земли Магнифит?

- Когда... - Корнеид осекся понимая, что здесь нужно говорить кратко. – В Красный Город въехала армия григориан. В ней тогда служил Карлен Магнифит. Он лично спас меня и присматривал за мной. Перед смертью в своей области он лично надел на меня свой крест и объявил меня Корнеидом Магнифитом. В город меня привёл священник, который и подтвердил его слова.

- Зачем Карлену Магнифиту надевать на вас крест.

- Если верить слухам, то я очень похож на него. Можно сказать, что внешне я ничем от него не отличаюсь. Может быть, он подумал, что это для него некий знак.

- (Опять утвердительно угукнув) хорошо, в этой ситуации вы сочетаете в

себе два этноса, но какой вы национальности?

- (В груди забилось сердце) григорианской.

- Вы считаете себя григорианцем после всего отношения к беженцам, а в вашем случае ещё и с аспирийской кровью?

Корнеид начал нервничать. Брожение шло по всему его телу: в коленках, в пояснице, в груди, в голосе, лишь глаза были неподвижны в своём страхе и остеклелись.

- Мне кажется мой национальный вопрос вполне понятен. Если не учитывать того, что я Магнифит, эта страна меня вырастила: я ел то, что ел любой из григорианских детей, или не доедал также, как и он, я переживал точно такие же невзгоды и удачи, которые переживал другой григорианский ребёнок, у нас все было одинаковое, при всей одинаковости, кто-то имеет право называть себя григорианцем, а у кого-то этого права нет. Поверьте мне, если бы у меня была бы возможность соврать о своём происхождении, я бы уже давно был бы чистокровным григорианцем. Но мне это и не нужно, по праву помазания я не должен ничего доказывать.

- Ну хорошо, а как насчёт вашего детства и настоящих ваших родителей. Разве это не делает вас ещё и аспирийцем.

- Это в прошлом.

- В этом я и сомневаюсь, простите меня, Корнеид, я задам вам некрасивый вопрос: ведь ваши родители были убиты в ту ночь?

- Да.

- Вы не испытываете чувства мести за них?

- Что вы хотите этим сказать?

- Я вам уже сказал, что перед тем, как огласить решение, я хочу узнать сначала ваше, видите ли, с одной стороны вы можете отомстить за своих родителей, с другой стороны быть тем, кто когда-то ваших родителей и убил. С третьей стороны вы и сами носитель аспирийской крови. Ваш родной отец был аспириец. Мне хочется понять, вы в этом вопросе себе на уме или вы настроены в интересах короны?

- Я прошу вас, Ваше Величество, не ходить вокруг да около и уже задать ваш вопрос.

- Разумеется, если на собрании я вас попрошу выступить с гражданским ополчением против аспирийцев в старую часть города. Если я вас попрошу вести это восстание и выгнать их всех силой, вы пойдёте на это?

- Разрешите задать встречный вопрос?

- Конечно, задавайте.

- Ваше решение идти на город Магнифит силой окончательно?

- И бесповоротно.

- Почему не сделать это армией? Ведь гражданское ополчение устроит то, что было в Красном Городе.

- Если я это сделаю армией, то тогда есть полное основание считать это преступление моим собственным, к тому же, если их будет выгонять армия, то это причина начать с нами войну, а мне не нужны новые тёмные времена из-за каких-то беженцев. С другой стороны, если их выгонит народ, у аспирии не будет основания самим начинать эту войну, также из-за каких-то беженцев.

- Но в прошлый раз из-за беженцев эта война началась. Армия григориан пришла на помощь, когда народ резали.

- Нет, тут вы не правы. Тогда был развал империи, и все, в том числе и мы, определяли границы военным путём. Беженцы тут были ни причём. (Пауза) и так, я повторяю свой вопрос, если вы отказываетесь, я все пойму, но я не хочу слышать отказа. Если я вам предложу вести народ, вы будете действовать так, как считаете вы, или вы будете действовать в целях короны?

- В целях короны, Ваше Величество.

- Вот, тот ответ, который я ждал от вас. Поздравляю, это был правильный выбор, мой мальчик. Уверяю вас, после всей этой ситуации никто не сможет сомневаться в том, что вы григорианец. С женой вашей разберёмся, как я и обещал.

И да, ещё мой мальчик, все наши решения, точно также, как и наши решения по тиснению их в старый город – государственная тайна. И она остаётся таковой, пока вопрос ни будет решённым. Позже мы сделаем из вас героя. А теперь идите. И будьте готовы.

Корнеид вернулся в большой хол, в нем посередине, прямо над люстрой, были расставлены в полукруг стулья, а перед ними один стул для короля. Все уже приехали и стояли кучками у стен, их шепоты и усмешки быстро разливались вдоль стен в огромном зале. Это были лидеры других провинций, военные и политики.

Корнеид стоял в стороне, он ни с кем не общался из этого круга. Никто не признавал его, он был слишком молод для этих людей и слишком неподходящ происхождением. Поэтому он молча, прильнув плечом к стене, засунув руки в карманы, стоял и молчал. Вдалеке через плечи собеседников он встретился взглядом с генералом, который в темные времена командовал армией фронта в городе Магнифит. Они слегка улыбнулись друг другу и кивнули головой. Корнеид все рассматривал каждого, блуждая взглядом по холлу, вглядываясь в черты лица, как они разговаривают, с каким тоном и выражением лица. Слова ему были не так важны. Над их головами у стен возвышались широкие картины, отвлекающие взгляд. В хол зашёл король, и все подошли к своим местам.

XXX

Лев стоял за барной стойкой в своём кафе, погружённый глубоко в свои думы. Эля молча сидела рядом и наблюдала, как все больше брат погружается в себя, вперив свой взгляд в барную стойку. В кафе пахло кофе, и отливало приятный рыжий свет на бежевые стены и маленькие круглые из темного дерева столики. В кафе тесно сидели люди. Официантки каждый раз протискивались меж спинок стульев, слегка прикасаясь рукой к спине посетителя, чтобы он подвинулся вперёд, и выходили в открытую дверь в темный переулочек, что была прямо перед барной стойкой.

Дверь с выходом на набережную была по правое плечо Льва. Когда она открывалась, начинался сквозняк, он с ерошащемся тембром стучал друг об друга турки над головой Льва. Официантки все ходили и задевали куртки, нагромоздившиеся на вешалках. Вечером бывало уже холодно. Люди сидели в переулочке, укутавшись пледами, их лица с кафе можно было лишь слегка увидеть от рыжего света маленькой свечки на столе.

На набережную пришла банда бегония и села за столики Льва. Они шумели так, что было слышно их за закрытой дверью, будто они сидели прямо перед ним. Он искоса смотрел на них через свои парадные стекла с надписями. Через вензеля своих надписей он различал их похабные лица. Они так смеялись, что от этого смеха бегали мурашки ненависти и отвращения по коже куда быстрее, чем проносившийся сквозняк. За последнее время эта банда почувствовала свою безнаказанность и безукоризненную волю в своих действиях. Они стали убивать невинных аспирийцев ради упоения своей жирной агрессии.

Лев с отвращением смотрел на их повальный ржач, хмыкнул носом, приготовил много чашек и стал варить кофе.

XXX

Король встал перед своим стулом, подождал, пока это сделают все, сел, и после него сели все остальные.

- Друзья и советники, я вас пригласил сюда ещё раз, но уже последний раз. Сегодня я оглашу своё последнее решение. В дальнейшем какие-либо указания вы

будете получать от меня на расстоянии. Итак, пришла пора нам освободить территории от беженцев и остановить волны преступности и наркоторговли, которые пришли вместе с ними. От надежных источников я узнал планы Аспирии. Они настроены очень хитро поступить. Я вообще подозреваю, что все эти беженцы вернулись, как они сами считают, на свои родные земли, не без помощи самого их государства. Сегодня они заселяют наши приграничные территории, честно завоёванные в бою и закреплённые мирным договором. Завтра являются единственной этнической группой на всех этих землях. Там появляются банки, которые выкупают у них земли. Ну и что получается. А то, что они с помощью своего сброда нас же и выселяют. Пойдём на них армией, напоремся на их армию. Война эта бессмысленна. К тому же область развивающаяся, я не намерен её терять или разрушать снова. Поэтому общими усилиями, собрав ополчение, эти люди силой и возможно кровью, если не захотят бежать, будут выгнаны...

XXX

Лев варил кофе за кофе, ставя их в ряд на барную стойку. Заварил двадцать чашек, которые не были заказаны. Запрещал их трогать, и стал греть молоко. Как разогрел, стал наливать в каждую чашку. Подозвал всех официанток, что у него были, и сказал им быстро нарисовать на каждой чашке орнамент распустившейся бегонии, а потом отнести каждому члену банды в благодарность.

XXX

- ... это задание, я считаю правильным поручить хозяину этих земель, господину Корнеиду Магнифиту. Он нам всем уже смог доказать своё намерение и эффективность действий. Но он слишком молод и ему нужна поддержка опытных лидеров, своих будущих товарищей, которыми вы, я надеюсь, станете. Каждый из вас должен выделить по несколько десятков воинов для Корнеида, которых он поведёт в бой.

XXX

Все официантки, взяв подносы и положив на них по несколько стаканов, вышли на набережную и окунулись в море столов, продвигаясь к банде. Каждому они дали по чашке кофе, сказав им, что это благодарность за их труды. Когда банда увидела цветок бегонии, то подумала, что кофейный бог выказывает им своё уважение. Они демонстративно выпили все это кофе, а после все разошлись в разные стороны. Утром все узнали, что все в банде бегонии были отравлены.

XXX

- Корнеид Магнифит, - Корнеид встал со стула, - вы согласны вести в бой людей, которых вам предоставят ваши товарищи.

- Согласен, Ваше Величество.

- Превосходно, я не сомневался в вашей преданности и самоотдаче этому делу, естественно настоящий мужчина жаждет выгнать чужаков из своей земли, которые учиняют беспорядок. Что ж хорошо, присаживайтесь, осталось обсудить день нашего наступления, я считаю...

Корнеид уже не слушал то, что он говорил. Он сел, подперев рукой голову, прижав кулак к щеке, и смотрел куда-то в низ, примерно в ноги королю. Он затравливался в собственном иступленном гневе. Он затоплял все его тело и впитал все его милосердие. Плесневел и окислялся в едкую ненависть ко всему, клокочущую в ногах и руках так, что в запальчивости хотелось вскочить и разбить этот стул под собой об любую из картин, висящих на стене. В его мыслях и глазах вспенивалась слезливая ярость, оглядываясь на всех вокруг. Ведь там, где они так умело закрывают вопрос своей национальности, открывался вопрос его безнациональности. Его вечного, беспрестанного отчуждения и позиции вечно быть чужаком. Всегда и везде. Где его дом? Где должны жить его дети? В своей ярости он уже обвинял своих родителей. Ведь как они умудрились не знать этот мир, где надо жить среди своих и не создавать детей с чужим, ибо в этом мире не найдёт себе место этот ребёнок, ибо он будет убит или сам убьёт, но так и не найдёт в этих кровавых дорогах путь к дому. Его тошнило от одной мысли, что он направляется в такой же дом, в котором он родился. И шёл к нему с оружием. Ему куда больше хотелось перебить всех в зале присутствующих, чем испытывать ненависть непонятно к кому. Он сжимал зубы так сильно, заострял свой взгляд так ненавистно, сжимал свой кулак так невозмутимо, что мог уже выдать свои эмоции, если бы в хол ни вошёл адъютант короля.

Он подбежал к королю и прошептал ему на ухо. Из всего шёпота тонально прорезалось слово «Магнифит». Адъютант прошептал, выпрямился, и король мановением его отпустил. Он пристально посмотрел на Корнеида. Холл как будто ещё впитывал отдаленное эхо речи короля в свои картины, отчего они ещё больше покрывались кракелюром.

- Господин Магнифит, - вдруг произнёс он, - я весьма огорчён вам это сообщать, - все в зале напряглись, - сегодня вечером скончалась госпожа Магнифит, - все посмотрели на Корнеида, а он страшными выпученными глазами посмотрел на короля, вцепившись в ручки стула и поддавшись слегка вперёд к королю, - ваша мать. – когда Корнеид это услышал, он весь в истоме от всех своих уже потухнувших и умиротворенных эмоций прильнул обратно к спинке стула. - Возвращайтесь домой, Корнеид, решайте свои семейные дела, все указания получите потом.

***

«Я сидела вместе со своим мужем. Мы всей семьей сидели на первой скамье. Я сидела между Робертом и Корнеидом. Кнара лежала впереди у алтаря, утопая в цветах. Позади нас стояли люди, созидавая собой аспидное море в белом храме, держа свечки перед собой. Они так ярко горели на фоне их чёрных одежд. По сути все это ничем не отличалось от моего венчания, только все в чёрном, а их глаза лишь украдкой изредка смотрели на гроб. У них были задумчивые взгляды.

Я сидела рядом с Робертом. Он не плакал. Даже глаза не были на мокром месте. Он хмуро смотрел на свою жену, надсадно нагромоздив седые брови себе на обесцветшие от горя глаза. Я взяла его за руку, чтобы поддержать, он легко улыбнулся и одобрительно похлопал меня по руке. Если бы он даже пустил бы слезу, то это было бы незаметно: ведь она бы тогда затерялась на этих иссохших, ошетилившихся серебром щеках. По другое его плечо сидела Талия, и было видно, что к её поддержке он куда охотнее прилегал. Рядом с Талией сидел Лев, косясь в мою сторону. Я поняла, что он смотрит на Корнеида.

Я посмотрела на мужа. Он сидел как всегда нога на ногу, подперев голову, яростно прорезая думами и взглядом пространство перед собой. Когда я взяла его за руку, он вдруг проснулся от этого взгляда, посмотрел на меня нежно и поцеловал в лоб. Он всегда так делал, это означало, чтобы я никого не беспокоила.

Священник стоял впереди всех этих цветов и читал молитву. Позади него стояло огромное распятие с Христом, увиваемое лозами по бокам. Рядом с ним стояли трое молодых священников. Один держал библию. Двое других стояли рядом и подпевали. А я сидела и вдруг в голову закралась мысль: ведь я могу также

когда-нибудь оказаться на её месте. Или на месте Роберта. Меня и Корнеида также могут провожать когда-нибудь. И наши с ним дети и дети Льва и Талии будут также сидеть и смотреть вперёд. На наши еле видные за цветами профили лиц. И мой маленький Сандро, будет также сидеть и задумчиво смотреть. Наверное у него будут двойные мысли, когда умрет его отец: он будет, и скорбеть, и в тоже время побаиваться нести крест своих предков.

Священник хлопнул библией и обратился ко всем людям. После все встали. Крышку гроба закрыли и понесли вперёд по центральному нефу на выход. За гробом сначала пошли Роберт с Талией, за ними - Лев, а за Львом - я с Корнеидом.

Мы шли пешком. Всю дорогу перекрыли, и вся темная стремнина шла по ещё прохладной улице, когда сквозь жгучий свет солнца продувался морской ветерок. Мы шли по узким улочкам, и сверху люди бросали лепестки бегонии на темную реку. Это было очень красиво и благородно. Они провожали жену своего священника в последний путь. Корнеид шёл, заострив свой взгляд на спину Льва, ни капли не обращая внимания на штопором падающие лепестки, щекочущие щеки. Я взяла его за руку, но он томно взглянул на наши руки и снова смотрел ему в спину, что-то задумывая. Я догадывалась о чем он думал, но не могла в это поверить. И по дороге молилась за брата.

Когда Кнару похоронили, все мы стали возвращаться в храм. Он был высоким, узким и островерхим. Там людям из больших бидонов наливали вино. Люди пили всю ночь терпкий напиток под сенью тени храма. Нас обволакивал небольшой ветер исполненный влагой морской пыли. Я с Корнеидом сидела на скамейке рядом с храмом, он со стороны на всех смотрел, а я была с ним. Я не хотела от него отходить. Думала, что он как-то отгонит от себя свою хандру, и даже поговорит со мной. Но ему хватало просто держать меня за руку и приглаживать её задумчиво большим пальцем. Он не хотел смотреть мне в глаза, лишь на наши руки. Я прильнула к нему, захотела его нежности, и он приобнял меня, поместив мою голову себе на грудь, прильнув к ней подбородком, лишь изредка отворачиваясь, чтобы отпить вино.

Солнце тонуло в море, строя своим тлеющим очагом разноцветную лестницу к чёрному куполу, в котором стали появляться звезды. Солнце затонуло, вспенило все пространство в свой аспидный оттенок, а после все почернело в темную ночь, окрашенную фонарными столбами.

Все стали расходиться. Мы вчетвером зашли в храм, и Корнеид нас молча оставил и иступленным быстрым шагом пошёл за алтарь, а вышел из него с двумя шпагами. Он кинул одну Льву и в запальчивости стал подходить к нему. Резким движением руки он отбросил в сторону чехол от своей шпаги, обнажив её. От грохота Талия дернулась и страшными глазами смотрела на них обоих. Роберт подбежал к нам, взял её и меня за руки и отвёл в сторону к стене.

Они стали драться. Сначала наступая друг на друга по центральному нефу, потом залезли на скамьи ногами и стали драться, перебираясь на них. В храм стали заходить люди, услышав звон шпаг, и снова заполнять красный храм всем своим чёрным озером. В храме даже становилось темнее от толпы, которая будто поглощала лунный свет процеживающийся через белые витражи. Они поглощали в себя оттиски света боевых сюжетов мозаик точно также, как они пожирали глазами бой Корнеида и Льва. Они снова перебрались на центральный неф. Корнеид выбил

его шпагу из рук в сторону. Она упала и затерялась где-то на полу меж скамей. Лев в изумлении развёл руками, а Корнеид невероятно быстрым движением полоснул сталью ему по груди. Его пиджак расстегнулся, а к ногам вместо крови, мягко лавируя по воздуху, упали купюры.

Лев стал пятиться назад к алтарю. Корнеид сначала стоял на месте, рассматривая расстилающиеся купюры, плывущие вперёд к ногам Льва от сквозняка открытой двери. Купюры эти были аспирийские. Когда Корнеид их разглядел, он пошёл медленно вперёд ко Льву, попирая деньги каждым своим шагом. Он приставил острие шпаги к его горлу».

- Ну, скажи мне причину, чтобы не перерезать тебе глотку.

- (Держа руки на весу и отходя от давящего жала) у меня нет причин. Я сделал то, что посчитал правильным.

- Убить своих соотечественников?

- Эти соотечественники насильовали и убивали женщин.

- Это не меняет того, что ты убил десятки григориан одним махом.

Позади люди начинали шептаться.

- Я сделал это потому, что их нельзя было остановить законом.

- (Крикнув) ты сделал это, потому что тебе заплатили аспирийскими деньгами.

- Я сделал это, потому что они тоже люди, и мы росли с ними. Они считаются нам такими же соотечественниками, как и григорианцы. Любой, кто живёт в нашей области – это и есть григорианец. Мне не важна его кровь!

- Да что ты можешь знать, - Корнеид взбесился, взял его за грудь и выкинул вперёд в сторону выхода. Лев не успел подняться, как Корнеид подскочил и подставил шпагу к его груди, - тебя там не было, ты не знаешь, ты всего этого не видел. Я стоял в очередь на костёр и слышал женские и детские крики, горящие заживо. Среди них были и крики твоей матери. – Лев захотел подняться. – Еще раз дёрнешься, я клянусь, я убью тебя.

- Это ты считаешь справедливостью, да? Хочешь отыграться? Хочешь, чтобы они также страдали, как и ты страдал? Это не справедливость. Это высокомерие. Какой же ты мужчина после этого?

- Довольно. Я тебя изгоняю, тебе больше нет места среди григориан, можешь идти к аспирийцам и жить среди них. И советую уходить быстрее, пока я не передумал.

Лев поднялся и пошёл к выходу, пробираясь через толпу, как сквозь тину. Утопая в тёмном осуждении людей, которые нехотя пропускали его, ударяясь с ним плечами. А он все утопал в ней, смотря из своей темноты ещё чистыми глазами на любимую, словно закрываясь в этих веждах. Талия с всхлипыванием и криком ко Льву, вырвалась из руки отца и побежала к нему. Роберт ей крикнул, пытаясь остановить, но Корнеид не стал её останавливать, лишь фыркнув ей в след. Так Лев был изгнан, и Талия последовала за ним. Вместе они уехали в старую часть города.

«В тот день Корнеид велел мне и Роберту возвращаться домой к детям. Роберт был подавлен больше кого ни было. Мы все были дома и ждали Корнеида. Я игралась с детьми. Они целый день были под присмотром няни. Я знаю, что они совсем с ней не игрались. Они никогда не играют с чужими. В подобном случае только сами с собой, но им этого мало. Им хочется играть с кем-то из нас. Играя, маленький Сандро совсем уснул на нашей с Корнеидом кровати. Я игралась с Дианой, она все время мешала ему спать. Сынок слегка поднимал голову, прищуренным глазом смотрел на неё и снова ронял голову на кровать.

Я забрала Дианку на кухню, где стоял Роберт у плиты, смотрел новости, и поглядывал за кофем в турке. Он уже не слышал, как оно шипит, поэтому не отрывал взгляд, чтобы не вскипятить его. Теперь он сам себе варит кофе. И даже не может обыграть Кнару в карты, чтобы она ему сама сварила. Он всегда с ней жульничал, а она знала и всегда об этом мне говорила. Ей нравилось с ним просто играть, а потом варить ему кофе. Дело было не в победе.

Придя на кухню, я посадила Диану на диван. Кофе в турке начинало набухать, и он вылил его в маленькую чашечку. И вместе с тарелочкой пошёл к своей внучке на диван. Положил кофе на маленький столик перед ними, взял пульт дрожащей рукой и переключил на мультики. Диана радостно улыбнулась ему и не отлипала взгляд от экрана.

Я готовила небольшой ужин, чтобы накормить Корнеида с Робертом, когда тот придёт, и смотрела украдкой на Диан. В мультике что-то происходило, и она повторяла реплики героев Роберту. Она знала их наизусть, так как далеко не первый раз их смотрела. Дети так забавны: им нравится больше смотреть каждый раз одно и то же, чем что-то новое. Она бегала в комнату и приносила разные игрушки, показывая их деду, а тот попивал кофе и трогал их, показывая свою заинтересованность. Так она принесла из комнаты на кухню все игрушки.

Когда пришёл Корнеид, я захотела накрыть на стол, но он сказал, что ляжет спать. И уложил детей в другую комнату, подошёл к Роберту, что-то ему сказал и пошёл в спальню. Я побежала к нему. Он сидел на краю кровати и расстёгивал рубашку. Я захотела ему помочь, но он отошёл от меня. Он был переполнен ненавистью, и я не знала, что с этим делать. Я прекрасно знала, что с ним происходит, но никак не могла его от этого избавить.

Я легла вместе с ним. Он зарылся в подушку на своей половине. Я долго смотрела в потолок, на катающиеся по нему оттиски от проезжающих машин по переулку. И они заставили мои глаза закрыться и упасть в холодную реку, где спали перелетные птицы между разрушенных домов у плоской скалы. Скала мне что-то шептала, будто манящий белый листок перед писателем, который чувствует огромное желание, что-то написать, но не может этого сделать или постоянно откладывает, а тем временем он чистый все лежит на столе и бережит лишний раз своё желание. Скала меня звала, её глас было невозможно терпеть. Вдруг из холодной реки я оказалась в своей детской комнате с картиной Марии в тёмном углу, с дрожащей свечкой, а после я проснулась в поту. Видимо, я не кричала. Комната стала темнее. По потолку больше не строчились оттиски. В дверных щелях не выбивался свет с кухни.

Корнеид спокойно спал рядом. Он повернулся лицом ко мне. Я приблизилась к нему и обняла его, поцеловала. Мне так хотелось, чтобы он меня любил как раньше. Но он не мог. Ему нужно было выбрать либо ненависть к другим семьям, либо любовь к нашей семье. И он не мог больше любить, пока ни осуществится его месть. Я не могла ему позволить это сделать. И была уверена, что всю мою жизнь господь готовил меня к этому шторму. Он дал мне любовь, а потом дал мне испытание этой любви, будто говоря мне, что если он её даёт, то за неё необходимо бороться, пользуясь той жизнью, что тебе дана. Я приняла это испытание. В кого бы моя любовь ни превратилась, я всегда его буду любить. Но теперь мне нужно идти туда, куда всю жизнь меня звал бог. И я пошла.

Я отпустила его из своих объятий и пошла к детям. Своё сердце я рвала на лоскуты, чтобы вложить в них своё благословение, и молилась, чтобы вновь увидеть их. В ту ночь, сидя у кровати своих детей, я поняла, что теперь я вместо Кнары, и точно также, как и Корнеид, должна защищать людей Магнифит. И если это не может сделать мой муж, то это должна сделать я.

Я отправилась в речную часть города. В ней никого не было кроме птиц, течения реки и мелькавших людей в борделе. Я решила поселиться там. Найти там себе место. Я зашла в реку. Она была такая холодная, что бродила судороги в ступнях. Я нашла место, где был песок и зарывалась в него пальцами, будя маленьких рыбок, плавающих по моим ногам, протискиваясь сквозь пальцы. Передо мной была та самая скала. Все горы были облицованы строительными лесами. А ночь уже голубела утренним маревом, и вода становилось прозрачной. Я стояла темным маленьким силуэтом на фоне огромной стены из гор, вдоль которой лилась река».

Никто так Элю в те дни и не нашёл. Она спряталась в борделе. Все знали, что

она Магнифит, и во всем ей помогали, когда у неё появился замысел. Никто до сих пор не знает, и все спорят: сделала ли она это одна или с несколькими людьми, где она взяла средства, и сколько у неё было времени. Её потомки могли лишь только гадать о самой великой госпоже Магнифит.

***

Солнечные туннели строим из окон лились на пол, усаживаясь на краю скамей. Можно увидеть, как по лучам плыла пыль. Дверь храма была открыта настежь, ветер у порога запевал пассат, подметая листву с улицы внутрь храма.

На улице нагонялись тучи, волновалось море. Между облаками и небом на горизонте моря все было в разводах бури. Она затушевала даль, скрыла некогда видные островки. Солнечные туннели то исчезали, то снова проливались на пол. Где-то вдали мокло солнце.

Корнеид сидел в чёрных брюках и тоненьком свитере. На коленках у него была расстелена простынка, а на простынке сидела маленькая кошечка возрастом пару недель. Беленький, пушистый комочек, помещающийся на ладони, с чёрными выразительными бусинками - глазами, которые только-только открылись, и розовеньким носиком. Она лежала и засыпала, после того, как Корнеид накормил её из шприца молоком. Он гладил её легонько пальчиком, а она мяукала, но не «Мяу», а просто «Мя», раздающимся писклявым эхом, вылетающим на улицу.

Он её нашёл с утра в переулке меж домов. Она прижалась к стенке в тенёчке. Корнеид с ней просидел час, дожидаясь что её заберёт хозяин или найдёт мама. Так обидно было её ему забирать. Он питался вместе с ней надеждой, сидя на тротуаре, и в итоге забрал с собой, когда увидел, что погода портится. Он пошёл с ней в храм, не захотел идти домой.

Прошло уже много времени, как исчезла Эля. И он не мог её никак найти. Он искал, но все было тщетно. В доме были Роберт и дети. Они оба ухаживали за детьми. Готовили собственными силами, скучая по своим любимым. Дети постоянно спрашивали, где мама. Корнеид стал выдумывать, что она помогает дяде Льву и тёте Талии и вернётся, когда у тёти родится ребёнок. Теперь он им принесёт эту кошечку, от которой они будут получать хоть толику нежности. Все, что им мог дать отец.

Нападение на старый город с каждым разом все откладывалось. Выжидали удобного момента. Корнеид не торопил короля. Выжидал вместе со всеми.

Полился ливень, обмокая трещины домов и, поселившихся в них, купы бегоний. Оставляя разводы на кремовой краске домов. Капли шумно били по ступенькам паперти.

К Корнеиду подошёл священник, протянул ему тарелку с едой. С уважением попросил господина поесть. Корнеид с благодарностью взял тарелку, положил её на скамью, лениво стал отламывать одной рукой ломти сладкой лепешки, другой приглаживал котёнка, который дрожал лапками во все. Он накрыл её простыней, она продолжала дрожать, но уже не так часто. Он вспоминал, как подрагивала ручками Диана, когда была новорождённой, и Эля боялась, что она замерзает, и не отходила от люльки, хотя это оказалось нормальным явлением. Он также вспоминал, как она его спрашивала, могут ли ребёнку сниться кошмары, и смотрела на него вопросительно, а он не знал, что ответить ей; она все продолжала смотреть, будто выжидая, что он зайдёт в сени снов ребёнка и будет нести там свой пост, защищая от кошмаров. Он вспоминал это и умилялся, глядя на кошечку. Священник ходил и тушил свечи, рукой развеивая поднимающиеся серые вензеля.

Вдруг священник вздрогнул от появившейся тени с хриплым голосом на пороге. Капли спадали с его волос и бороды. Пришёл человек, которого так долго ждал Корнеид.

- Здравствуйте, господин Магнифит. – Корнеид обернулся и увидел знакомое

лицо, приближавшееся со шпагой, чтобы заколоть, но он никак не отреагировал и повернул голову обратно, поедая свой хлеб.

- Наконец-то ты пришёл. Я уже давно жду тебя. Лучше опусти свою шпагу, пока я не убил тебя сам.

- Неужели вы сможете убить меня в храме? – спросил его человек.

- Ты сомневаешься?

- О нет, я в вас не сомневаюсь.

- (Священник в страхе) господин?

- (Корнейд, обращаясь к священнику) все хорошо, идите к себе, не стоит

бояться этого сумасшедшего. Идите, идите.

Священник ушёл, а человек со шпагой приблизился и встал перед Корнейдом, держа шпагу близко к его шее. Корнейд наконец-то увидел это постаревшее лицо. Эти морщины, избородившие лицо и хранящие в старых нишах голос тёмных времён. Эти поседевшие пакли волос и свисающую несуразно бороду. Рука дрожала, а значит и шпага тоже. Спина чуть согбенна. Дыхание слышно издали. Это был постаревший Ваш, выживший от руки Корнейда дважды. Теперь он пришёл убить некогда недооценённую угрозу.

- Ну здравствуй. И чего ты хочешь?

- Отмщения.

- (Издвательно) а получится ли, старичок?

- (Крикнув) мелкий сосунок!

- (Цыкнув на него) тише, не видишь, ребёнка разбудишь.

- Вставай, я сказал встать!

- (Подняв руки) хорошо, хорошо. Ты только не перенапрягайся. А то умрешь раньше того, как я смогу тебя убить, а это уже будет обидно.

- (Слегка дергая шпагой к выходу) иди через чёрный ход.

- Зачем?

- Я убью тебя на улице.

- (Поджав губы) ничего себе, а ты с каких пор такой набожный.

- С тех пор, как второй раз выжил после тебя. (Запальчиво) как я мог не догадаться, что это ты кофейный бог? Кто ещё может обладать любой информацией о своей земле, и кто мог умертвить столько григориан разом.

- Это сделал не я, а Лев.

- Довольно, я сказал на выход. На выход! – поддавшись эмоциям, Ваш не заметил, как Корнейд одним махом выхватил у него шпагу из руки и ударил рукояткой поддых. Он сел на своё место, а Ваш упал на пол.

- Скажи, а как ты не отравился?

- (Кашляя, держась за живот) я не все выпил. Люди моего поколения не пьют этот ваш новый кофе. Я сделал глоток из вежливости, а потом кофе допил другой парень. Бедный малый блевал кровью всю ночь от твоей двойной порции. А я смог пережить.

- Да, этого я не учёл.

- Должен признать, я тебя недооценил. Ты самый искусный, хитрый, жестокий, кровавый и коварный из всех правителей, что были до тебя. Если бы мне ещё тогда сказали, что мальчик-беженец превзойдёт всех своих предшественников, то я бы рассмеялся. Но тебя не победить. Жаль, что ты родился так поздно, уже мог быть бы королём.

- Если это комплимент, то спасибо. – он помог ему подняться и посадил его на скамью рядом с собой. – Вот так, отдышись нормально.

- (С недопониманием) почему ты не убьешь меня?

- Зачем мне это? У меня никогда не было цели убить тебя.

- Ты дважды пытался.

- Первый раз, ты угрожал Талии, а второй раз, ты был лидером преступной организации, которая изнасиловала и убила женщин. Если бы вы это не сделали, то вы бы остались моими союзниками.

- Значит, ты не отрицаешь, что ты кофейный бог? И что это ты нас отравил?

- Вас отравил не я, а Лев. Вы решили, что кофейный бог – это один человек, но нас двое.

- Но все по твоему приказу.

- Верно. Он выполнял мои приказы. Но многое он придумал сам, а я не стал ему препятствовать. – Ваш смотрел на него непонимающими глазами. – Посиди здесь, присмотри за моей кошкой. – Корнеид встал и направился к выходу. – Если что-нибудь с ней сделаешь, смерти тебе не миновать.

Он ушёл. Окунулся в полог из капель дождя, льющихся с крыльца паперти, скрылся за этим маленьким водопадом, слившись со всем остальным в его водном отображении. Вернулся он с ящичком стеклянных маленьких бутылочек из под газировки, в которых теплились разноцветные шоты.

Он присел рядом с Вашем, который смотрел на спящего котёнка.

- Люблю пить шоты в такую погоду. Жена всегда приносила мне их в пасмурную погоду. Угощайся.

- Не понимаю?

- Чего ты не понимаешь?

- Что ты за человек?

- А что тут непонятного?

- То ты стремишься к власти, используя все средства, то выглядишь обычным.

- Я никогда не стремился к власти.

- Ты предаешь своих. Ты предал свою любимую. Ты предал своего друга. Ты приказал человеку убить людей, а после прилюдно скинул это преступление на него, изгнав.

- (Улыбнувшись) этот человек мне предан, он мой брат, и продолжает выполнять мои поручения. Это не изгнание, а выполнение нашего плана. Все это лишь хорошо отыгранный нами спектакль.

- Спектакль?

- (Засмеявшись) разбросанные аспирийские деньги – такой дешевый ход. Они у меня ещё остались с моей прошлой поездки в Аспирию. Конечно, такие люди, как я и Лев, думают сейчас немного в другую степь. Но вам это не понять?

- Что тут непонятного: ты хочешь устроить резню. Разве он не предал тебя в этом?

- Я никогда не хотел устраивать резню. Во всяком случае ту, которую ждёте вы. В связи со своим статусом, я должен делать вид, что предан короне. Но тут вы, вышедшие из моего контроля. Тут мне и понадобился Лев, чтобы убить вас, а затем обвинить, чтобы увести от себя подозрение, а его отправить в старую часть города. Мне нужен там свой человек, которому я смогу дать сигнал о том, когда на город состоится нападение.

- На город будет нападение?

- Да, король хочет повторить историю Красного города. Тут мне и нужен Лев, который должен придумать, как увести из города женщин и детей. А самому направиться с сопротивлением ко мне.

- (Раскрыв глаза) ты хочешь столкнуть григориан с аспирийцами?

- Григориане победят, их больше и они сильнее. На аспирийцев мне все равно. Пусть дохнут, если им это так нравится. Я смогу переместить битву в среднюю часть города, пока дети и женщины уйдут к границе. Это и есть наш со Львом план. Ни я, ни он, не можем допустить повторение Красного города. Этого жаждет Лев, а я с ним согласен.

- А чего же хочешь ты?

- О-о (злобно усмехнувшись) я хочу мести, за себя и своих родителей.

- Это предательство. Погибнут как аспирийцы, так и григориане. Ты столкнёшь две стены, которые в итоге развалятся в одном месте. Ты предаешь свою родину.

- Я беженец. Моя родина это спасение невинных детей и их матерей. Господи, Ваш, ты так и не понял. Что я, что Лев, мы так и остались детьми из темных времён точно также, как и Карлен и даже твой сын. Мы все навсегда остались в том времени. И понятие родины для нас иное. Наши дети – это и есть наша Родина. И мы не хотим, чтобы они попали в темные времена. Лев считает, что его родина это и аспирийцы и григориане на его земле. Я так не считаю, но и не могу позволить им умереть. Лев бы даже спас их отцов, такой уж он человек, но я не такой. Он верит, что к григорианской нации могут принадлежать люди любой крови, такого его мнение. Его не убедить. В любом случае невинные люди для нас национальности не имеют, другие это могут доказать шпагой.

- Почему ты все об этом рассказываешь мне?

- Потому что я хочу, чтобы ты мне помог, больше некому. Кто-то должен прикрывать мне спину, если Лев не подоспее. Ты лучший, кого я знаю в фехтовании. Власть сделала меня куда более одиноким, как Роберта и тебя.

- Не власть меня сделала одиноким. Роберт убил моего единственного сына.

- Твой сын поднял руку на власть.

- Мне все равно, я не успокоюсь. Я шёл сюда с мыслями убить тебя. (Он посмотрел на крест свисающий на груди) что я получу за свою помощь?

- Если пришёл за этим, тогда забирай. – Корнеид взял крест, положил его в конверт и протянул Вашу. Тот с недоверием смотрел на конверт и боялся его брать.

- Что ты опять задумал?

- Идём со мной защищать наш город. Ты хоть и стар, но остаёшься лучшим фехтовальщиком (улыбнувшись) после меня, конечно же. Выживешь, сам поймёшь, что дальше делать с этим крестом. Поверь мне, чтобы не случилось, этот крест сам выбирает себе достойного. – Ваш недоверчиво смотрел на него. – Убив меня или Роберта, ты не отомстишь, твоего сына убила война, я же предлагаю тебе убить войну. Ну что, ты со мной?

***

За храмом солнце катилось по горам, опускаясь за их гребень, оставляя от них чёрный зубчатый силуэт, над которым расплывалась бирюза и отражалась в озере. Все небо порозовело с плавающими по нему серыми облаками.

Перед храмом стоял Лев, рядом с ним были его друзья – Аркадий и Анатолий, и Талия. Лев обращался к людям в последний раз, он созывал всех звоном колокола, золотыми конями этот звон проносился по всему городу, стуча копытами в двери.

Он стоял на ступенях паперти, и все собирались к нему. Он каждый день убеждал их, что в город придут григориане и всех здесь перебьют. Они не верили в его слова. Он пытался каждый день их убеждать по-разному. Пока ни наступил последний день: братья принесли письмо от Корнеида-Льву, где написано время и место наступления. И в последний день всех созвав, он показал всем это письмо, подписанное им. Это было письмо написанное королем и адресованное лично Корнеиду. Лев показал это письмо аспирийцам и в последний день убедил всех идти в бой на реку навстречу врагу.

Аспирийцы стали с ним спорить, говоря, что надо уходить. Но было понятно, что уйти им было уже по времени невозможно. Было решено мужчинам идти им на встречу, а детей и женщин оставить в городе. Лев знал, что битва будет проиграна, и убеждал их увезти их семьи к границе. Чтобы посеять в аспирийцах доверие и решимость действовать, Лев сказал, что пойдёт с ними, а Талия сказала, что проведёт к границе их семьи. Лев резко осёкся на неё и отвёл в сторону. Аспирийцы стали готовиться к сопротивлению.

- Ты с ума сошла. Куда ты пойдёшь с ними?

- А ты не сошёл с ума, идти на смерть вместе с ними?

- Таль, послушай меня, я не погибну, я клянусь тебе, я вернусь к тебе. Григорианцы меня не тронут, когда мы придём, я перейду на их сторону.

- Я верю и хочу помочь тебе. Позволь сделать это.

- Их могут провести Аркадий с Анатолием.

- Нет, ты не пойдёшь туда один. Это опасно.

- Милая, все это и без того опасно. А ты хочешь подвергнуть опасности ещё большей и себя, и ребёнка.

- Мы семья. И все, что мы сделаем, мы это сделаем втроём, знай это всегда. Если этим самым я тебе хоть как-то помогу, я это сделаю. – она обняла его и поцеловала. – Пообещай мне, что вернёшься.

- Обещаю тебе, скоро все это закончится. И все мы будем прежней семьей. Я, ты, Роберт, дети, Эля с Корнеидом.

- Нет, не произноси даже это имя мне.

- Таль...

- Он предал всех нас.

- Он никого не предавал, пойми, Корнеид, ему приходится сложнее, чем всем нам.

- Ничего ему не сложнее, он жаждет лишь крови, он не успокоится, пока не отомстит.

- Это правда, но он никогда нас не предавал. Поверь мне, все это его план. Нападение было не избежать, и благодаря нему все эти женщины и дети останутся в живых.

- А их отцы будут им убиты.

- В этом он никак не виноват. Все произошло не по его воле. Мы оба с тобой никогда не были на его месте.

- Как ты можешь так говорить, ты и Эля пострадали не меньше, чем он.

- Нет, поверь мне, ни я, ни Эля не знаем какого ему.

- Почему?

- Такому, как он, всегда суждено быть чужаком. Так получилось, что он никому не нужен. Людей так волнует этот глупый вопрос национальности. Все никак не могут успокоиться. Они не понимают, что все мы и есть одна нация, все те, кто хочет жить в этой стране, бороться за неё, жить ради неё. Но нет, как же, надо заикнуться на этой внешности, заикнуться на его крови. Как будто она что-то действительно значит. Да ничего она не значит. И никогда не значила. Это все не более, чем сказки. Даже если не так, то нужно сделать, чтобы все это выглядело, как взрослые глупые сказки.

- Ты всегда его защищаешь. Всегда ему верен. Когда ты намного лучше него.

- Я это делаю, потому что он муж моей сестры и отец моих племянников. Я делаю это потому, что верю, что он настоящий помазанник, и я делаю это потому, что знаю, - пауза, - что ты всегда его любила и любишь, а он любит тебя.

- Перестань говорить глупости, Лев. Неужели ты и правда об этом все это время думал. Что я до сих пор люблю его? Разве ты не видишь, что я испытываю к тебе?

- Разве не тоже самое, что и к нему?

- Я поверить не могу, что ты мне это говоришь. Да, мы были вместе, мы прожили много лет в той скале и любили друг друга. Я тебе скажу больше, мы были всем. Но я не знаю, как тебе это объяснить. Мы были отстранены от всех. Он был невероятно похож на Карлена. А Карлен всегда любил меня. Но та любовь, она так и осталась в той скале. После того, как я была опозорена, все во мне надломилось. И только ты не отвернулся. Тебе всю жизнь было все равно на все эти глупости. Ты всегда защищал Элю, когда она что-то натворит. Всегда был опорой для родителей, и по-настоящему всегда их таковыми считал. Всегда поддерживал Корнеида, вечно одержимого мстостью. Всегда скрывал любовь от меня ради него. Я

никогда не забуду, когда ты открыл глаза в нашей комнате. Ты потерял своих родителей, но все, что тебя заинтересовало, это я. Ты не отрывался от моих глаз. Как и я не отходила, когда ты был ранен, так и сейчас я не отойду от тебя. Ни на шаг. И это не Корнеид спасает этих детей, а это ты на самом деле их спасаешь. Потому что ты такой. Ты упрям в своей любви. Никто и никак, никакой геноцид, никакое социальное положение тебя не разубедит верить по-другому или любить по-другому. Это постоянное, детское твоё упрямство, твоя ухмылка, эти твои фразочки, эти твои друзья. Ни что в этом мире не переубедит тебя быть таким же испорченным. Точно также, как и ничто не переубедит теперь меня в любви к тебе и к нашему ребёнку. А Корнеид, давай будем честны, их отношения с Элей всегда были особенными, они были созданы друг для друга.

- Да, это правда.

- Милый, мне больно оттого, что ты все время так считал. Это никогда не было так. Я клянусь тебе. Господи, если бы ты только знал, как я благодарю в последнее время бога, что мама тогда устроила отцу скандал, чтобы он ей разрешил купить эти два дебильных ковра. Если бы ты только мог это знать. – у неё стали течь слезы, и она закрыла лицо ладонями.

- Мое солнце. – Лев обнял её.

- Возвращайся ко мне. – он все обнимал её не отпуская, придерживая её голову, он сказал ей:

- Слушай меня внимательно: Аркадий и Анатолий пусть сначала останутся с тобой, если люди не захотят уходить, то пусть они подожгут город, - Талия отвела лицо от его груди и посмотрела на него, - ещё с темных времён там в подвалах остались залежи и дров, и солянки, и всякого сена. Пусть поджигают, а после бегут ко мне на помощь. Уведи всех мирных отсюда. Когда сюда прорвутся григорианцы, они не будут слушать не мои, не Корнеида приказы.

Корнеид со своим войском шёл по реке к озеру в старую часть города. Шли они под покровом ночи меж стенами скал. Было слышно лишь журчание речки, перебирающая камушки, гукание птиц и хлюпанье ботинок. Григориане шли, рассматривая кусты в скалах, как среди них кучкуются маленькие птицы. Птиц большими группами они встречали на маленьких песчаных островках посреди реки. Птицы поднимали свои головы, слегка оперившись, григориане шли от них особняком, но они все равно вздымались вверх к обнесённому звёздами небу, словно к рассыпанным омедам, которые они захватывали клювами, а затем снова приземлялись на свой островок спать.

Так они шли и рассматривали скалы, можно было разглядеть множество рисунков на них, но тут они дошли до средней части города, облицованной недостроенными и брошенными домами. Город был абсолютно пуст, кроме всем известного борделя и то, что было рядом с ним. Из-за темноты не сразу все разглядели. И если бы григориане не рассматривали наскальные рисунки, словно они шли по галлерей, то и не заметили бы, но, дойдя до средней части города, они встали в ступор, словно поросший перелесок пустивший корни меж камней на этой реке.

На плоской скале, что рядом с борделем, был недоделан рисунок во весь рост этой скалы. Строительные леса пропали, так что хорошо можно было разглядеть черты. Словно что-то древнее предстало перед ними, что-то спрятанное, как ценная фреска за белой шпаклевкой, эти глаза, эта нагота, эти выбивающиеся локоны волос выглядывали из самого скального нутра. И будоражили все похолодевшие жилки внутри. Весь дух был скован их взглядами, так что войско остановилось и стояло на месте. Казалось, что они выходят из этой скалы навстречу им. Они стояли как врата, никого не пропуская своими глазами в старый город. И весь этот мир: эту реку, эти недоделанные дома, этот бордель, эти пробуренные горы, перелётные птицы и даже звезды на небе – все это теперь представляло собой разрушенную церковь, к которой все равно пришли.

На всю скалу была нарисована дева Мария со всей красотой своей вечной

молодости. Они сидела предположительно на троне, а четверо маленьких детей, нагих, сидели у неё на коленках, закрывая её наготу и пышную грудь наполовину из плоти и скалы. Её голова была покрыта белой тканью, из под неё выбивались каштановые локоны, будто слегка прилипшие к потным плечам и лбу, её босые ноги выходили из под юбки, свисая над домами. А её взгляд не смотрел на людей, он любовно и нежно смотрел вниз на детей, так некрепко сидящих на её коленках на большой высоте. Будто она боялась, что они могут упасть на эти недостроенные людские стропила. На людей смотрели лишь только эти дети. Их взгляды преследовали, как преследует глаз луны всюду ночью. Они сидели, прижимаясь к её груди, сжимаясь к ней, словно прижавшийся ребёнок к матери во время сна, чтобы не упасть в кошмар. Все четыре взгляда останавливали тебя, строили внутри парапеты, невидимые парапеты к пропасти с водопадом твоей души.

Корнеид смотрел на эту недоделанную картину. И теперь он знал, где находится его жена: ведь только она может изобразить его мать после того, как ничего от неё не осталось: ни фотографии, ни люди, которые бы её помнили, кроме него и его жены. Абсолютно все остальное сгорело в огнях Красного города.

Рядом с этой скалой стоял темный силуэт женщины. Её волосы трепались на ветру. До этого силуэта было не добраться, хотя Корнеиду так хотелось бросить эту дорогу к городу и повернуть к ней.

Он со звоном серебра и отблеска света стали вытащил шпагу и погрузил её в воду перед собой. А сам встал на колени, погрузив их в воду, ощутив, как липнут брюки к ногам, и как дрожит все тело от холода. Он стал молиться. Ваш стоял рядом с ним и смотрел на эту скалу. Григориане позади, кто молился, а кто просто смотрел – никто не хотел в тот момент идти дальше.

Молитву Корнеид использовал, чтобы дождаться Льва. И через некоторое время григориане увидели, как Лев идёт к ним с толпой аспирийцев, вооруженные шпагами. Все позади приготовились, стали звенеть шпаги и сиять серебряными нитями, с помощью которых они хотели соткать этот бой.

Лев медленно подошёл к Корнеиду, обошёл его и встал позади вместе с Вашем. Корнеид оставался стоять на коленях с закрытыми глазами между двумя вооруженными группами, поставив руки в замок перед собой. Он открыл глаза и развёл руки, дерзновенно и с вызовом смотря в глаза смерти, которая его преследовала с детства. Он со всем презрением и пренебрежением смотрел на них, оставаясь на коленях, всем своим видом говоря, что он и не вставая убьёт их. Аспирийцы видя, что шпаги нет ни в руках, ни на поясе, стали к нему приближаться. И вот один, словно бык, побежал на него, поставив перед собой шпагу остриём вперёд. Корнеид неожиданно для всех смог увернуться от него с разворотом за его спину, перед этим успев из под воды взять шпагу и разрезаться ему живот. Аспириец поверженным упал к ногам Ваша и Льва.

Корнеид поднялся, воткнул шпагу в реку и снял мокрые ботинки с носками, оставшись босым. Когда взял в руку шпагу, к нему подошли Лев и Ваш, создав крутящийся треугольник. Они стали угрожать двум сторонам, показывая свой нейтралитет. Впечатление от скалы привлекло ещё нескольких григориан в их отряд, создавая уже круг. И когда Корнеид гневно на всю эту ночь зарычал на них с очередным вызовом и с угрозой всех убить, две стены стали зажимать этот круг и сталкиваться по бокам своими волнами друг с другом. Их битва была похожа на оркестр в буераке, который в один такт поднимал блестящие шпаги и опускал. Вся ночь становилось глубокой и чёрной с серебряными оттисками взмахов шпаг и звонок, пока за гребнем гор ни вздымались чёрные клубы дыма, окружённые рыжим заревом.

Это горел старый город. Братья помогли Талии зажечь старые склады в подвалах домов, собрали всех детей и женщин в храме, а когда огонь стал распространяться, Талия убедилась всех идти к границе, а братьев она отпустила ко Льву. Женщины, старики и более взрослые дети остались тушить пожар, отказавшись сразу уходить, Талия забрала с собою детей.

Всю ночь она шла по пустой дороге вместе с ними. Беременная женщина во главе детей, идущая вдоль дорожных бортов. Вся эта цепь и уставшая вереница шла к границе по дороге меж пустынных полей.

Добрались они при рассвете. На границе, завидев детей, попросили их подождать в поле, пока за ними ни приедут машины. Талия сидела, охраняя их ещё несколько часов. Сотня маленьких детей лежали вместе с ней в поле. А она отбрасывала все свои уставшие дремоты, обняв свой живот, бдела над ними. Кто-то нежился в собственных снах, кто-то резвился, но от неё никто не уходил. В этом поле она для всех была матерью. Этот поступок Талии вспоминали в последующем два народа, к детям на следующий день вернулись их матери, и даже кто-то из отцов, а сама Талия стала возвращаться домой, чтобы найти Льва с Корнеидом, оставив Аспирии после себя им символ матери.

Сам Лев в ту ночь весь израненный лежал на камнях, а холодная струя реки щекотала ему щеку. Он проснулся от этого и увидел перед собой трупы, собою забросившие реку. Ему казалось, что река стала подниматься от количества тел, чтобы смыть их с себя. И действительно, вода немного поднялась, затопив островки, прогоняя с них птиц. Розовые ибисы взлетели к своим омелам, словно души павших. Он искал своим взглядом тех, кто прикрывали его спину. Лежал Ваш, лежали братья, а Корнеида не было в его поле зрения. В его голову шел предсмертный бред, как тело Корнеида унесла река. Он смотрел на лицо его матери и его глаза закрывались под холодный ветер, сумерки и пение птиц.

Всех раненых в ту ночь у реки перенесли в бордель. Лев на время разомкнул глаза, увидев над собой фанеру кровати и вокруг занавешенный красный полог. Он смотрел на деревянную фанеру и неожиданно для себя улыбнулся от уха до уха, обнажив зубы. Он вдруг поймал себя на мысли, что сестра может быть где-то рядом, что Корнеид также лежит где-то здесь с ним рядом и умирает. И сама смерть ему показалась забавной. Умереть точно также, как умер его отец, отослав свою любимую, подальше от себя, оставив её в храме. Его ничто не пугало. Жизнь казалась маловесомой в его руках, ощущая всю легкую тяжесть её иронии, державшей своё равновесие на пальцах. Ощущая всю её окружность и цикличность. Теперь у Корнеида было два ребёнка, как у его отца, а у него один, как у отца Корнеида. И они оба умирают где-то рядом. Может и их отцов куда-то перенесли, и они смогли подумать напоследок. Как жаль, что они оба не увидят, как растут их дети, и какими храбрыми они станут. Эта мысль странно веселила Льва: ведь не было даже смысла огорчаться перед смертью. «Это ведь моя жизнь, я сделал то, что смог». Он думал о своей Талии последние минуты своего бреда, улыбаясь в фанеру, закрывая глаза, от усталости испустившие по паре слез. И его глаза закрылись.

***

Талия вернулась в город одна. На половину город был разрушен. Чёрные дома сливались со своей тенью на земле. Люди ходили как приведения по городу. Стали возвращаться григориане, которые некогда покинули эту часть города. Солнечные лучи, выбивающиеся из под облаков, гуляли по разрушенным задворкам, по сгоревшим простыням, опалённым бегониям, обугленным ветвям деревьев. Огромные облака проплывали мимо обгоревшего города, на время покрывая город в тень, а уходя, будто оставляли её пол городу.

Базилика Магнифитов была цела. До неё пожар не дошёл, да и не мог прийти. Талия обошла переднюю часть города, чтобы узнать дела своих людей. Нуждающимся она предложила пройти в базилику, а сама не могла понять, где воины. Среди всех людей были люди неспособные держать шпагу. Через некоторое время пришло несколько воинов григориан, они сообщили ей, что всех убитых и неспособных идти оставили в средней части города. К ним в тот момент ехали

врачи, и всех живых перетаскивали в бордель.

Талия попросила привезти её к этому борделю. Когда она приехала, никаких скорых машин или труповозок у реки ещё не было. Тела лежали на реке навзничь. Вода обволакивала их лицо. Солнце ещё не поднялось выше этих скал, поэтому вся речная долина была в темноте. Тела лежали на реке, словно оставшееся от её ухода займище, на которые теперь могут садиться птицы. Не было понятно, кто мертв, а кто жив. А река все текла непрестанно, высасывая кровь из их ран и унося её по течению, смешивая в одну. Дюны скальных стен уже покрывались золотой коркой солнца, и было необходимо перенести все тела в бордель, пока они не обгорели. Этим занимались женщины борделя, жители из других мест, которые уже приходили на помощь, оставшиеся в живых, коих было очень мало.

У стен борделя лежали трупы. А внутрь несли раненых и клали их на кровати. Скоро все кровати были заняты, и менее раненых клали на пол. Бордель затопило их стенание, которое будто колыхало красные пологи и огоньки свеч. Женщины борделя бегали по этим кроватям, успокаивая их, перевязывая раны, держа их за руки, давая им выпить вина и отвлекая их разговорами или даже тихим пением.

Многие умирали, держа девушек за руки, и присоединялись к парням, лежащим у стены. Когда приехала Талия, она пыталась держать себя в руках. Она не знала, что сейчас со Львом. Когда воины узнали, что в борделе госпожа Магнифит, то просили позвать её к себе, чтобы умереть на её руках и попросить прощение за нападение на её город и людей. В тот день многих Талия простила и держала за руку, встречая смерть с этим человеком. А пока она ходила, для неё искали Льва и Корнеида. Когда она спросила про Элю, ей просто сказали, что она ушла ещё до битвы.

Тела все приносили и приносили, и, наконец, одна из женщин борделя прибежала к Талии и сказала, где лежит Лев. Она сопровождала её. Отодвинула красный полог, он оказался жив, но был без сознания. Талия попросила её оставить с ним. Он глубоко спал. Талия не отрывала глаз от его груди, она еле вздымалась, такое ощущение, что он не дышал. Она старалась сдерживать свои слезы, превращая их в давящие сталактиты ещё глубоко у себя в горле. Она обняла руками его голову, и её светлые волосы закрыли их лица, словно фата. Она поцеловала в его толстые губы, и они оказались как всегда тёплыми. Она нежно и легко к ним припала и чувствовала легкую струю дыхания из его носа. Она долго лежала и этот медленный ритм, как ей казалось, все нарастал и успокаивал её. Она старалась не нервничать ради их ребёнка.

К Талии подошла женщина и сказала, что её очень просит подойти один из раненых. Талия оставила Льва, укрыв его одеялом. Её препроводили к кровати. По дороге она спросила не найден ли господин Магнифит, ей ответили, что всех уже принесли к дому, что Корнеид не был найден ни среди раненных, ни среди мертвых, что никто не знает, где он находится.

Они подошли к кровати, ей отодвинули красный полог, и она увидела Вашу. Он лежал, вцепившись когтисто в деревянные бока кровати, покрывшись потом и тяжело дыша, бешено смотря на фанеру кровати, что сверху. Его голова не покоилась на подушке. Все его туловище было немного поднято вперёд, и он держался за бока, чтобы не упасть.

Талия подошла к кровати и задернула полог. Присела на край кровати.

- Я думала, что вы давно умерли.

- Поверь мне... я давно уже не живу.

- Вы сражались на стороне Корнеида?

- Да... я даже защищал его спину.

- Никогда бы не подумала.

- Как вы... Талия?

- Вы меня позвали, чтобы спросить меня, как я? (Горяча) мой муж лежит

раненый, а брат неизвестно где, его жена также без вести пропала.

- Лев жив?

- (Сдерживая слезы) пока да.

- А что с Корнеидом?

- Никто не знает.

- (Положив голову на подушку) возьмите... возьмите, здесь в кармане. – он судорожно стал показывать на внутренний карман пиджака. Талия достала окровавленной конверт и достала оттуда крест и письмо.

- (Злобно посмотрев на него) откуда у вас это?

- Не сердись так... господин Магнифит отдал этот конверт мне... сказав, что придёт время, и я сам пойму... что мне делать. Если он жив... то крест по праву его, ну а если нет... то разберёшься сама. Мне он ни к чему. Я умираю. И скоро уже умру. Где-то далеко меня ждёт мой сын.

- А письмо?

- Это он тебе написал перед битвой... боялся, что уйдёт, так с тобой и не попрощавшись. (Отстраненно) удивительно, как он остался привязан к тебе. Такой великий и такой ещё несмышленный. Он и его жена запомнятся как великие правители из всех живущих.

- Он ещё что-то сказал?

- Нет, просто отдать тебе это. Он меня переоценил... думал, что выживу, и отдам тебе... повезло, что ты тут.

- (Презрительно) с его стороны было опрометчиво доверять это вам.

- (Рассмеявшись и закашляв от смеха) он... мы этого парня... не знаем до конца. Он видел насквозь... всех. Знал, что делает. Я знаю... ты ненавидишь меня. Да... я причинил тебе много зла. И прошу у тебя прощения. Да... знаю, что не простишь. Но... если не меня... то прости Корнеида. (Смеется) ох этот сукин сын... трижды он пытался... меня убить... и вот, получилось.

- С чего вы решили...

- Он сам сказал... Мы много общались последнее время. Он часто... говорил о тебе. Я не знаю, где он... но где бы ни был... этот человек больше других... нуждается в твоём прощении и дружбе. И жив он или нет... он обретёт мир. Я знаю... что говорю. – ему стало больно, и он начал давиться, Талия сжалась и схватила его за руку. Он начал разговаривать с закрытыми глазами. – Да, знаю... я знаю, я дрался в этой жизни... за сына... находя в этой жизни прощение... за то, что не уберёг. Даже когда... эта война была уже глупостью. Я дрался... да, я дрался. Такова жизнь. Мы боремся за прощение. Чтобы быть достойными... своих любимых. Корнеид... не может найти мира без вас. – он вдруг натужился и закричал.

- (Схватившись за него двумя руками) тише, тише, все хорошо. Вы сделали все, что могли.

- Вы простите.

- Нечего прощать и ему и вам.

- (Посмотрев на неё) это все.

- (Положив руку на плечо) идите к своим, Ваш. Идите домой.

Он посмотрел на неё пронзительным взглядом, и, не закрыв глаз, его взгляд потух.словно солнце утонувшее в море, но от этого в мире не настала моментально тьма, оно оставило после себя сумерки.

Эля шла по полю мимо деревни на встречу мемориалу павших воинов. Она дошла до склепа, и от усталости упала на колени. Она подняла голову и посмотрела в манящую чёрную пустоту входа в этот склеп. Она тонула в нем своими глазами. Зарывалась в её сени. Она повернулась к ней спиной, чтобы бездна не поглотила. И смотрела на деревню. Смотрела на голубые облака. На облака птиц. Она стала плакать. Из её ореховых глаз посыпался град. Но вдруг позади, из бездны, приближался слабый шорох. Она замерла. И неожиданно для себя услышала.

- Эля...
И она обернулась.

***

Из этой мглы к ней вышел Корнеид, и Эля припала к его ногам, но он отшатнулся и попятился назад со словами: «Не прикасайся ко мне». Она вопросительно посмотрела на него, различая его черты лица в бездне. Увидев её обидчивые глаза, он подошёл к ней, присел рядом и обнял.

- (Ласково, сменив прежний тон) солнышко моё, что ты тут делаешь?
- Я искала тебя.
- (Приглаживая голову) зачем же ты убежала? Ничего не сказала мне.

- Ты тоже мне ничего не сказал, или это я не слышала тебя, но теперь я слышу.

- Я тебе ничего не сказал потому, что думал тем самым уберечь тебя. (Улыбаясь) но ты, обезьянка моя, вечно ведь залезешь на какое-то дерево или гору.

- Перестань, я нарисовала рисунок, думая, что спасу тебя.
- Но ты и спасла, ты многих в ту ночь спасла. Это был замечательный рисунок.
- (Подняв на него глаза) тебе понравился?
- (Посмотрев на неё и поцеловав) конечно, я очень горжусь тобой.
- Я хочу домой. Хочу есть. И спать.
- Не успела заговорить, а уже диктуешь свои правила. – Эля уже уснула у него на груди и просто угукнула в ответ.

Корнеид взял её на руки, в последний раз посмотрел на это место, подошёл к машине, положил свою жену на заднее сиденье, достал из багажника плед, чтобы укрыть её, а сам сел за руль. Начался ливень. Капли били по крыше машины в такт играющей музыке. Корнеид слушал её приглушено, чтобы не разбудить жену. Он мчался. Зернистые капли и ручейки поднимались вверх от ветра по лобовому стеклу. Тучные облака, словно нарисованные гуашью, разбавленные водой, стекали на горы, смазывали их зеленые поросшие скалы в свою аспидную мазню.

Пурпурные молнии сверкали во всем этом стусевавшемся небосводе, протискиваясь змеиной походкой меж туч, а после исчезали фиолетовой вспышкой с запоздалым громом, от которого проснулась Эля. Она приподнялась, обняла сзади мужа и смотрела в лобовое окно. Впереди дорога извивалась вверх-вниз горками по горам. И вся это дорога затапливалась жемчужным туманом, он плыл наперекор дороге и будто смывался дождем. Он протекал с вершин гор вниз на леса. Эля, затаив дыхание, смотрела, как они каждый раз опускаются в туман, будто задерживала дыхание, погружаясь на дно. Но когда они оказывались внизу дороги, все вокруг было таким же ясным как и наверху. Она этим самым смешила Корнеида.

Они проезжали сквозь горы, пронизывая их через туманы. Одним мгновением серая атмосфера переделалась в рыжую от фонарей внутри туннеля. А потом они снова выбрались в промокшую пасмурную улицу, и туннель будто продолжал строиться длиной аркой из тумана, затапливаемого дождем с протекавшей крышей.

Они долго молчали и слушали музыку, пока Эля опять ни заныла.

- Есть хочу.
- (Улыбаясь, поглядывая на неё в передние зеркало) ну уже хоть только это. Поспать, ты поспала. Домой мы уже едем. Осталось тебе покушать.
- И кофе попить.
- Ну разумеется и кофе попить. Сейчас выйдем из горной дороги, и будет какая-то заправка, хотя до города уже не далеко. (Посмотрев в зеркало) ты в борделе такой же требовательной была?

- Что за шутки опять дурацкие?
- Ну и как там тебе было?
- Нормально.
- Нашла подруг? Познакомилась с кем-нибудь?
- Да, представляешь, познакомилась с одной.
- (Засмеявшись) ну и как тебе?

- Вот только она там не работала, уже не работала, а просто жила, когда я там была.

- Это как?

- Она когда-то работала там, а потом ушла и познакомилась с одним парнем, влюбилась в него, а про своё прошлое ничего не говорила ему, жила у него дома, точнее в доме его родителей с ним, у него у самого не было дома. Он только строил. Они уже хотели заводить детей, но отец узнал от кого-то, что она была проституткой, и выгнал её из дома, а сыну сказал, что против, чтобы тот с ней семью создавал. Эта девушка ушла обратно в бордель, но уже ни с кем не спала. Её жених в городе по сплетням узнал об этом и приехал к ней. Её уже хотели выгонять, но он остался с ней жить в борделе, сказал, что будет платить и будет её постоянным клиентом каждый день, но единственным. Я с ними подружилась. Она часто приходила ко мне ночью, чтобы поболтать.

- Но я надеюсь только поболтать, у неё ведь тогда уже был один клиент?
- (Шлёпнув его по руке) перестань.
- Хорош, я за рулём.
- (Показывая пальцем) вот, смотри остановка.

Они остановились в маленьком постоялом городке напротив заправки. Вышли в ливень и подошли к светофору. Машины проносились мимо, внезапно появляясь из серого тумана, словно рыбы, выползавшие из тины. Дорога делилась на две части и два светофора. Но обычным шагом можно было успеть перейти одну дорогу и стоять посередине, ожидая зелёный свет другого светофора. Эле не хотелось лишнюю минуту мокнуть под дождём, поэтому она взяла за руку Корнеида и побежала вместе с ним по дороге, тот не успел ничего сказать и затрусил ногами за ней, а Эля бежала и смеялась. Зайдя в магазин, она попросила пару булок, бутылку воды и кофе с любовью. Бариста посмотрел вопросительно на Корнеида.

- Ну это значит, что сердечко ей надо нарисовать.

Когда они приехали в город, было видно, что дождь по нему уже прошёл. Стены красного туфа переливались от воды, а мокрые улицы в свинцовом асфальте калейдоскопом отображали огни на набережной. Эля попросила остановить машину здесь и пойти пешком. Она увидела, что показывают кино и захотела посмотреть вместе с Корнеидом. Она взяла с собою плед. Все белые стулья на мелком гравии перед экраном были заняты кроме одного. На него сел Корнеид, а Элю посадил себе на колени. На полотне чуть ли не разрезая его, дрались на шпагах, один в маске и во всем чёрном, другой - офицер в мундире.

- Мы смотрели уже этот фильм.
- Ну да, смотрели.
- А что так громко?
- Кино всегда так орет, ты привыкнешь.
- А что тут происходит, почему они дерутся?
- Он, короче, убил его брата.
- Тот, что в форме?

- Да, и он украл карту из его особняка, она показывает, где находится карьер и рабы, которые на нем добывают золото, но не захотел просто так уходить и решил с ним подраться напоследок. Продемонстрировать силу.

- А это кто?

- А это аристократка, дочь аристократа, которому принадлежит этот карьер.
  - Смотри, она с ним на шпагах дерётся, смотри он поцеловал её.
  - Да вижу я, ты же все слышишь, и все равно объясняй тебе.
  - Ну и что, я на тебя отвлекалась, не надо было приставать ко мне с поцелуями. Не можешь пару часов спокойно посидеть. Вот научусь также драться, и будешь в бою каждый поцелуй доставать.
  - Это у тебя после борделя такие игривые мысли пошли?
  - Может быть.
  - Смотри, я буду тем, кто в маске, а ты этой в халате. – сказал он и засмеялся.
- Тебе и переодеваться не придётся.

После фильма они шли вдоль набережной, хлюпая ногами по мокрому асфальту. Молния все сверкала над морем, хлестая чёрные дождливые облака к суше. Эля в своей манере залезла Корнеиду на спину, обхватив его ногами и руками, и так он вёл её домой, пока Эля ни вспомнила:

- Нам надо хлеб срочно купить.
- Завтра утром спустишься и купишь.
- Я не пойду утром за хлебом одна к этой хамке, а ты со мной не спустишься, я тебя знаю.
- Да спущусь я с тобой, только не ной.
- Не спустишься, это ты сейчас так говоришь, а завтра будешь говорить, что тебе лень, а потом обвинять меня, что за завтраком хлеба не было. А я не пойду одна.

- Ладно, пошли купим тебе хлеб.

Они зашли в булочную, за прилавком сидела та самая тетка. Корнеид у неё попросил хлеба, но она ему улыбнулась и сказала, что хлеб испекут только к утру. За ним стояла Эля и поглядывала на тётку через плечо.

- Это ваша девушка?
- Это моя жена.
- Какая красивая вы пара.
- Спасибо, мы живем в этом дворе, вы не против, если она будет заходить к вам утром и покупать хлеб.
- Конечно, если хотите, я могу вам откладывать его каждое утро. Я всегда так для наших дворовых делаю.
- Да, пожалуйста. (К Эле) вот видишь, придёшь утром. (Продавщице) до свидания.

- (Эля) до свидания.

- (Продавщица) до завтра, ребята.

Он дальше продолжал нести свою малышку по лабиринтам двора. Девятиэтажные красные дома окаймляли улицы, создавали собою лабиринты, темные, изредка освещённые фонарями. Свет отливался на прилипшие листья от деревьев на мокром асфальте. Отбрасывал тень шелеста листвы на стены домов и окна. Они проходили мимо яблонь, абрикосов, и тутовых деревьев, наступая на мягкость их ягод. Где-то в темноте, вдоль стен домов, прыгали лягушки, приквакивая. Мимо них молнией проносились дети. Они опять играли в прятки. Они пробегали, прячась за деревом или за машиной.

Наконец, по этой улице они вышли в свой круглый двор, обставленный в окрест сенями и беседками. Ночной дворовой круг жил своей жизнью. Дети бегали и гоняли мяч по нему. Их мамы вешали простыни поперёк этого круга после того, как закончился дождь. Мужчины грызли семечки, пили пиво и играли в карты в своих беседках, рассказывая друг другу анекдоты. Некоторые взрослые играли в прятки с детьми, и они пригласили Корнеида и Элю поиграть. Эля сразу вызвалась, но Корнеид ей сказал, что сначала они поднимутся домой. Надо положить хлеб и переодеться.

Они зашли в свой подъезд, поднялись на свой этаж и дошли до конца коридора до своих дверей. Встали каждый напротив своей. И стояли молча. Потом

обернулись друг на друга:

- (Эля) смотри там долго не прихорашивайся, не хочу тебя ждать.

- Это ты сама себе сказала?

И они зашли каждый к себе домой. Зайдя, Корнеида встретил отец, а за ним стояла мама. Он обнял отца и подошёл к матери, поцеловав её много раз, точно также как он целовал Марию в храме. А потом долго им рассказывал о себе, хотя они и сказали ему, что все о нем знают.

В дверь постучали. Корнеид подошёл к двери и открыл её. За ней стоял Лев. Он весь запыхался, было видно, что он бежал.

- Лев? Что ты тут делаешь?

- (С накопившимися слезами на глазах) я пришёл к тебе. Я не знаю как быть, что мне делать дальше.

- (Улыбнувшись ему) не горюй, Лев, иди домой, все будет хорошо.

- Скажи мне хотя бы, что-нибудь. Дай мне совет, как мне поступить. – дверь открылась и вышла Эля.

- Лев?

- Ты здесь. Я всюду ищу тебя.

- (Улыбнувшись ему) а я здесь.

- Лев, она со мной, все хорошо. Нам пора.

- (Пытаясь ухватиться за них) нет, подожди, скажи мне...

- Ты сам все поймёшь. – сказал ему Корнеид.

- Подожди, мне нужен совет... - но они спустились по лестнице вниз.

Лев посмотрел на свою дверь, открыл и вошёл домой. Он увидел своих родителей. Мама делала кофе папе.

Отец встал со стола и подошёл к нему. Он посмотрел на свисающий крест, на его груди.

- Отец? Мама?

- Ступай домой, Лев.

- Я дома.

- (Положив руку на его крест) нет, твой дом не здесь. Ничего, Лев, ничего. Тебе надо проснуться. Просыпайся, сынок. Проснись...

***

- ...проснись, Лев. Проснись. – он лежал на своей кровати, зажав крест на груди в руке, рядом его тормошила Талия. – Лев, проснись, пожалуйста.

Лев открыл глаза и увидел перед собой испугавшуюся Талию. Он вскочил, подумав, что с ней или с детьми что-то случилось.

- Таль, ты чего?

- Лев, там отцу плохо, он кашляет, задыхается.

Лев вскочил, одним взмахом откинув в сторону простыню, и побежал к Роберту в комнату. Они оба прибежали. В комнате стоял спертый старческий дух. Роберт лежал в постеле и, правда, задыхался. Лев побежал к нему, чтобы как-то приподнять его и постучать по спине, а Талии он сказал открыть окна. Роберт вцепился в его руку и судорожно захватывал ртом воздух.

Увидев, что ему легче не становится, Лев укрыл его несколькими простынями, взял на руки и спустил его в беседку, что позади базилики у озера. Талию он попросил разбудить их служанку, чтобы та побежала за доктором.

Они втроем сидели в беседке. Звезды с интересом посматривали на них. Лунный свет проходил сквозь стены - шпалеры, бросая на них троих плетённую тень. Роберт перестал задыхаться, он зарывшись губами в простыню, сидел и дышал спокойно носом. Делал вдох и выдох, как велел ему Лев. Талия попыталась допытаться, узнать у него причину, но Лев её быстро осадил, чтобы она сейчас не лезла.

Так они и дождались доктора. Он быстро с кое-как заправленной рубашкой, с открытой сумкой, прибежал через храм к ним в беседку. Его бег по нефу был слышан даже на улице. Топот ног раздавался по всему храму, нарастая до них.

Он пришёл, поприветствовал Льва и стал осматривать Роберта.

- Ну что скажите?

- У него давление, сосуды шалют, что насчёт дыхания, то ему может казаться, что он задыхается.

- Казаться?

- Да, некие фантомные боли на фоне давления. Сейчас сразу спать не ложитесь. Пройдитесь немного. Я дам таблетку. Вы можете прогуляться, а перед сном дать ему маленький стаканчик вина.

- Боюсь, у меня нет вина.

- Ну значит завтра. Сейчас немного пройдитесь, поработайте ногами. А завтра приведите ко мне, чтобы я смог его посмотреть.

- Хорошо, спасибо вам и извините, что все так поздно. Мы перепугались, если честно...

- Нет, нет, все хорошо, господин Магнифит.

- Я вам что-то должен?

- Нет, что вы. Увидимся с вами завтра. (Улыбнувшись) ну, точнее уже сегодня.

- Да, до завтра. Талия проводила доктора, а потом принесла вещи.

Лев стал одеваться, надевая джинсы, футболку, а свой чёрный плащ взял в руки. Потом они оба одели Роберта, нацепили ему брюки и рубашку, Лев накинул на его плечи плащ и взял под руку. Они медленно стали идти по центральному нефу к выходу. Роберт шёл и сновался взглядом по потолку и витражам, будто видел их в первый раз. Талия шла позади, волоча простыни по полу.

- Лев, мне с вами пойти?

- Что? (Обернувшись) нет, зай, возвращайся к детям и комнату проветри, минут пятнадцать, не больше, потом закрой, чтобы холодно не было. Мы прогуляемся и придём.

Они пересекли площадь и шли по узкой улочке меж домов. Они заново отстраивались, у людей вместо дверей или стен висели простыни, как пологи в борделе. Всюду были строительные леса, делая улицы более узкими, они уже становились частью города, учитывая, что их перила обвивали бегонии. По всей стройке и во всех домах изнутри были развешены маленькие, маловольтные лампочки, постоянно горящие. Их свет теперь венчал собою весь город.

Лев и Роберт аккуратно ступали по брусчатке, чтобы не споткнуться на ней. И вдруг Роберт произнёс:

- Можно забраться по этим лесам на окна.

- Да, действительно можно, но тут сейчас полиция патрулирует, так что никто не залезет.

- Да-нет, ты можешь забраться, а я на шухере постою.

- Зачем?

- Возьмёшь у кого-нибудь вина, и хлеба ещё можно, заодно лампочки возьми тоже.

- Ты чего? Я завтра все куплю.

- Завтра это завтра, а сейчас, что делать будешь, давай лезь.

- Роба, ты что, молодость решил вспомнить? Сейчас воровать не в моде.

- А ты с каких пор таким правильным стал. Говорю, лезь тебе. Давай. Я постою. Если что, шепну тебе.

- Полиции попадёмся, проблемы будут.

- Дурень, какие у тебя могут быть проблемы, ты же хозяин здесь всего. Давай, у них наверняка у кого-то есть вино, хлеб не забудь.

Лев полез по лесам и залез в окно, минут через десять в окнах раздался крик

женщины на слух полной, как луна в ту ночь. Лев опрометью выбежал обратно к лесам и бросил Роберту сверху вино с хлебом. Сам, прижав одной рукой к груди несколько лампочек, стал спускаться вниз. Он хотел было бежать, но Роберту было все равно, он стоял на месте и пил вино, отламывая хлеб. Женщина выбежала на свой балкон и стала кричать полицию. Она и не видела воришек, спрятавшихся в карманной темноте переулка, куда не заглянул свет полной луны. Роберт, как шпана, возгордившейся наворованным, стал приплясывать и ходить взад-вперед перед этой полной женщиной, попивая вино, и приглашая к себе Льва. Наконец в конце переулка появился полицейский с пронзительным свистом длиной во весь этот переулок. Он свистнул на них и побежал. Роберт и Лев побежали от него, завернули на соседнюю улицу и оба укрылись чёрным плащом. Когда полицейский пробежал мимо, Льву показалось, что лампочки заново зажигаются под ними.

Немного подождав, они выбежали обратно к озеру и уселись на камни, поодаль от базилики и города. Озеро было таким спокойным, словно застывшим. За ним стоял поредевший лес ещё с темных времён. Полная луна нависала над горами и белой рябью покрывала моховой лес и воду, а горы так и оставила чёрными, словно торчащие зубы гиганта.

- Что это на тебя нашло сегодня?

- А, да ладно, брось, дай мне вдоволь насладиться перед смертью.

- Не говори глупостей.

- Да, говорю тебе, этой ночью я умру.

- Ты что, бог, чтобы знать подобное?

- Хуже, я старик, причём глубокий старик, многих переживший. Жену, сыновей, дочь, врагов, тяжелых времён. Такие, как я, умирают, когда им самим виднее, тогда, когда они могут умереть. Это для молодых смерть неожиданность, но не для меня. Эта ночь последняя. И ты посмотри, как она прекрасна. Во истину на все воля божья в этом мире. – Лев лишь усмехнулся в ответ, и Роберт посмотрел на его потупленное лицо. – Что, не веришь?

- (Мотая головой) как же после всего этого можно верить в эту чушь?

- (Лукаво улыбаясь) а-а, в чушь значит, да, я тоже когда-то так считал. Это произошло за несколько часов, как у меня появились вы трое. Мальчик пришедший с войны, так похожий на моего сына, и два ребёнка завернутые в ковры, немая девочка, такая же немая как бог, и мальчик, который носит мой крест. И вполне заслуживает его.

- Я так не считаю.

- Вот потому и заслуживаешь. (Толкнув его) хватит уже, Лев!

- Что хватит?

- Горевать! – крикнул он и сразу успокоился. - Ты же знаешь на самом деле, что смерть это не конец. А это значит лишь только одно, что её не существует. Может для тебя, человека, которого это все обходит стороной. Но для человека, которого она касается, это абсолютное ничто. – сказал он и стал смотреть на озеро.

- Мне приснился сон. Будто Корнеид и Эля вернулись домой в Красный город. А там все по-прежнему. Как-будто время там и не шло вперёд.

- Может они, правда, там оказались.

- Я не знаю. Но Эля, за что?

- Никто не знает.

- В том-то и дело, что никто не знает, потому что ничего и нет...

- А зачем, чему-то быть? – Лев не ответил на это. - Ты ведь был у короля?

- Да.

- Лично с ним разговаривал?

- Да, конечно, после всего, что произошло. Оказывается Корнеид оставил после себя ему письмо, где завещает свою власть мне, а также просит прощения и все берет на себя.

- А их тела?
- Так и не найдены. Я уже и сомневаюсь, что найдутся.
- Они живы, Лев, в сердцах всех григориан. Они оба совершили такое, что нельзя стереть.

- Не знаю, это для нас они великие, а люди забудут быстро.

- Нет не забудут поверь мне. Они не забывают моё правление в темные времена, а их поступок и этот рисунок издавна. Теперь это новый символ. Врата в город. Нет. Такое не забывается. Но вот, что я тебе скажу. Все это и ерунда с другой стороны.

- Ерунда?

- Конечно, что толку быть великим. Посмотри на меня. Я был великим правителем, но каким я был отцом. Я недоглядел за вами. Я прекрасно знаю, что гибель моих детей, это моя вина. Я мог потерять и тебя с Талией. Не так важно быть великим, как важно быть подлинным. А таковым ты можешь быть только для своей семьи. Твоя задача сохранить их память для их детей. А все остальные – считают они их великими или нет – бог с ними. Но сам всегда помни, Лев, что если не ставить нашу подлинность выше величия, то величие и не настанет для... (Махнув рукой) нет, не слушай меня... Лучше скажи мне, как там наш маленький Александр.

- (Улыбнувшись) ползает, капризничает уже. Начинает показывать свой характер.

- (Мечтательно) показывать характер. – и усмехнулся про себя. – он в этом весь в маму. Но про Диану и Сандро тоже не забывай. Ты должен быть отцом в равной мере для всех. Понял меня?

- Да, конечно, я это понимаю.

- Вот так, и да, держись подальше от этого короля. Не приближайся к нему, если сам не завет. Развивай город. Он и без общения с тобой будет поддерживать развитие города. Наш город очень важен.

- Да, понял. – говорил Лев тихо, смотря себе на ноги.

- Ну что с тобой, соберись уже, Лев.

- (Мотая головой) я не знаю, не знаю. Я не гожусь для этой роли. Настоящим помазанником был Корнеид, а не я. (Посмотрев на него) я не Магнифит.

- Ты всегда им был. Теперь ты тоже помазан. И ты ошибаешься. Ты намного больше других подходишь на эту роль. Господь привёл тебя к ней. Господь. Ты пойми, Лев, делаешь ты шаг вперёд, или два шага назад, или вовсе ты топчешься на месте, это все не имеет значение, и в этом нет ничего страшного, значит так и надо. Ты думаешь, что твоя сестра умерла не по справедливости, но она сделала шаги вперёд, уготованные ей, как и Корнеиду. Тебе пора повзрослеть и понять это. Что войны будут всегда. И эта несправедливость, она будет продолжаться. Но позволь задать вопрос тогда тебе, а на что ты нужен тогда? (Передразнивая его) «ничего там нет». И это говорит мне, Лев Магнифит. Упрямец из всех упрямцев. Человека, которого не убедить. Человек, который верит в этот мир, в этих людей после всего, что произошло. Такие как ты доказывают, что бог есть, даже если не верят в него. Кого ты хочешь обмануть? Себя? Ты с самого своего рождения был Магнифитом.

- (Крикнув на него) хватит уже!

- Пора мальчику завернутому в ковёр стать мужчиной. У тебя уже трое детей. Соберись.

- (Успокоившись) извини, я не хотел накричать.

- Я знаю, Лев, я знаю. – после этого они надолго впали в молчание, пока Роберт ни нарушил его. – Расскажи мне, Лев. Хочу уйти из жизни, зная наверняка. Почему Мария на скале?

- А ты не знаешь?

- Нет.

- Его мама была очень на неё похожа. Она была григорианкой. Собственно он григорианец по её крови. Она выглядела как богиня. Точь-в-точь. Эле она очень нравилась. Она ещё с детства рисовала её лицо. Все её рисунки девы Марии, это на самом деле не она, это мама Корнеида.

- Мама...

- Да, она думала, что если нарисует такое, то сможет его остановить от всего этого. Но она не понимала, что было слишком поздно. Его нельзя было остановить уже с той чёртовой ночи.

- Мама...

- Да, мы ведь жили напротив. (Усмехнувшись про себя) да, кто мы мог подумать, что мы будем с ним братьями. – и тут Лев осознал всю его волю, и он смотрел на озеро, на горы, будто пытаясь его увидеть. - Удивительно...

- Мама...

- (Посмотрев на него) что с тобой, Роберт?! – он повалился на землю, и Лев нагнулся над ним, ухватив за спину, приподнимая. – Нет, Роберт, не делай это, прошу тебя. – но он положил руку ему на плечо, улыбнулся ему и кивнул, будто говоря, что он никуда и не уходит. Лев кивнул ему в ответ, и они взялись за руки. Так Роберт Магнифит и умер. На берегу своего озера. Ночью в полную луну.

Через мгновение он почувствовал, что его уже никто не держит, а под ним нет земли. Он плыл на спине по течению реки. А в уши вместо воды вливалась музыка.

«О любовь моя, ради которой я одам свою душу
Я напишу тебе её на лепестках
Пусть лучше они пронесутся по ветру и упадут на твою щеку
Чем упадут слезы из полюбивших мне глаз.

О на-на на-а на на-на, о-о на-а на-на на-нинья
О любви-и-мая моя
Ты не плачь, ты не бойся
Ведь теперь бессмертна моя душа».

Певец стоял на берегу и пел, провожая своим бархатным голосом проплывающего старика. Его остановили двое мужчин и помогли ему подняться. Двое очень похожих друг на друга. Это были его сыновья, а за ними горы, на коих стояли все прошлые правители Магнифит. Они оба положили ему руки на плечи и приветливо улыбнулись. Наконец-то они были снова вместе.

***

Вся семья сидела в беседке. Диана игралась с камушками на берегу озера, Лев сидел с маленьким Александром, который держался ручкой за его розарии, а Талия сидела с Сандро на коленках. Начинало вечереть, и Лев в тот вечер должен был ненадолго уйти по делам. Он предложил Талии в определенный час встретиться с ним и пойти прогуляться в город, послушать музыки, немного выпить, а детей уложить и оставить с нянькой.

Талия по началу не хотела никуда уходить, она была опустошена всеми этими смертями и, затворившись в базилике, блуждала под отгисками витражей, как приведение, откликаясь на детский смех или плач. А Лев, наоборот, был с очень поднятым духом и пытался вытащить из подавленного состояния любимую жену. В тот вечер у него это получилось. Талия нехотя согласилась, когда он сказал, что все равно планирует погулять. Когда она согласилась, он стал собираться в город, и

попросил в его отсутствие уложить детей спать и намекнул ей одеться красиво. Даже отдал ей свой крест, повесив ей на шею, как знак того, чтобы она к нему пришла и вернула его.

Лев ушёл. Талия смотрела, как его одинокая фигура идёт по центральному нефу к выходу. Она стала укладывать детей, оставив их под присмотром няньки, а потом зашла в комнату. В ней когда-то спали Роберт с Кнаррой, а затем и Корнеид с Элей. Эта была та самая комната с большой кроватью с занавешенным пологом. Рядом стоял платяной шкаф, из которого она стала вытаскивать платья и бросать их на кровать. Выбор платья уже начинал ей поднимать настроение и настрой понравиться в ту ночь Льву. В ней проснулось её былое кокетство той красноволосой девчонки. Она выбрала кремовое платье карандаш с обтягивающей юбкой выше колен и с лифом, который открывал ключицу и плечи. На ноги она надела чёрные туфли с каблуком и взяла с собою чёрную сумочку. Свои светлые волосы она собрала. На голой ключице свисали белые бусины розарий. Веки она накрашила серыми тенями и подвела глаза. Губы красить не стала, зная, что Лев захочет её поцеловать, ну или она сама его поцелует. На ресницы она наложила блеск Эли. В уши продела жемчужные серёжки.

Она приготовилась и ждала. Сидела и смотрела в зеркало. На кровати так и остались лежать разбросанные платья, а по всему столику была разброшена косметика. Она собралась чуть раньше, и надо было немного подождать. Она стала замечать, как тянувшееся время играет против неё. Берedit все те же тягостные мысли и воспоминания, от которых уже так и хотелось спрятаться в объятиях Льва или отогнать их через свои объятия с ребёнком. В её столике лежало письмо, которое она все никак не могла прочитать. Оно все так и лежало запечатанным.

Она его взяла и спустилась обратно в беседку к озеру. Было лето, поэтому не так быстро темнело. Ещё можно было что-то разобрать. Но она просто ходила взад-вперёд по берегу, сновалась по нему. Хотя ещё чуть-чуть и письмо уже было бы не разобрать. У неё колотилось сердце, будто он сейчас с ней снова заговорит. И вот она раскрыла письмо. Глаза стали бегать. В надежде увидеть что-то особое, что она отгоняла от себя столько времени.

«Привет, Таль. Я сейчас сижу в храме, тот что у моря, и пишу тебе это письмо. Скоро будет наступление на Магнифит. Мне захотелось попрощаться. Я мог бы уйти тихо, но мы оба знаем, что это последнее письмо должно существовать. Да и я бы не простил себе, если бы не попрощался с тобой. Так что, судя по всему, это моё последнее письмо, и я могу только гадать сколько времени меня уже нет, и когда ты его читаешь. Но если ты его читаешь, то я очень рад: ведь я его написал тебе все с той же целью, что и предыдущие – я хочу попросить прощение. Возможно, если ты захотела его прочитать, значит ты можешь меня простить.

Помнишь ту ночь в беседке, когда я попросил дружбы? Я просто пытался сказать, что мне хотелось заботиться о тебе. Помогать тебе во всем, чтобы заслужить прощения, но и не только поэтому. Мне просто хотелось тебе помогать. Я боялся что не буду тебя не видеть, не слышать. Что в итоге и произошло, а это самое ужасное, что могло со мной произойти. Уже я не мог себе этого простить, что я даже не вижу тебя. Это так ужасно - не видеть любимого человека. Но таков был твой выбор, и мне пришлось с ним лишь смириться. Я знаю, что ты на самом деле любишь Льва, а ко мне у тебя остались лишь воспоминания. И я очень счастлив за тебя. Ты заслужила этого человека. Он также красив, как и Эля. Он силен и справедлив. Он умеет любить и делает это необычно. Он очень хороший человек, я рад, что мы с ним остались братьями. Поначалу я злился на него из-за тебя, но потом остыл. Но я все же до сих пор люблю тебя. Я не могу разлюбить. И не нахожу место в этой жизни. Да, у меня есть Эля и двое детей. И я люблю их. Но то, что испытывает мой дух и сердце к тебе не объяснить словами. И это нельзя забыть или вылечить от этого. Эля заболела и уже не будет прежней, она также умирает, как и я. А моё сердце ещё больше от этого разломано, оно устало терять

для себя людей, которых любит. Я испытываю лишь ярость. Во мне уже нет любви или прощения.

Вот я и прошу его у тебя. Я, наверное, уже черт знает сколько мертв, а все жду его от тебя. Но не хочу у тебя его выпрашивать. И ни в коем случае, давить на жалость этим письмом. Возможно, ты не можешь меня простить, возможно, я остался в памяти людей кровавым правителем, предателем, да будет так. Но умаляю тебя об одном. Стань матерью для моих детей. И, пожалуйста, когда придёт время, расскажи Диане и Сандро всю правду обо мне и Эле. Пусть они знают про нас. Конечно, у тебя и у самой уже есть ребёнок. Я рад, что ты стала мамой, и вполне уверен, что ты замечательна в этой роли. Надеюсь, я буду смотреть на тебя сверху и радоваться твоему материнству.

Я всегда вам буду помогать. Когда я был помазан, Роберт мне сказал, что все помазанники всегда помогут своим приемникам. И я тоже всегда буду рядом вместе с ними и с вами. На счёт Льва, не волнуйся, я написал письмо королю, где все подробно объясняю и наследую ему свой крест. Там дальше он пусть сам решает, кто его получит – мои дети или ваши. Пусть его получит достойный, а ты во всем его поддерживай.

Ладно, Таль, мне пора уже идти. Это письмо можно писать долго, хотя я обещал себе всего пару слов. Я знаю, что обещал тебе больше никогда не говорить о своих чувствах. И как всегда я не сдержал своё обещание. Ты уж не злись. Я очень люблю тебя. И всегда буду любить. Я бы отдал все, чтобы ещё раз оказаться с тобой на пляже у нашей скалы. Хоть ещё один день. Вспоминай меня, хоть изредка. Пусть эти воспоминания теперь хранятся в твоём сердце.

Пора прощаться. Улыбнись, Таль. Если горюешь, не горюй. Все хорошо. И у меня. И у тебя. Я очень тебя люблю. Прощай. Твой Корнеид».

У Талии потекли слезы, и она нежно улыбнулась в зеркальное гладкое озеро. Конечно, Корнеид не запомнился как кровавый правитель или предатель. Он и Эля остались в истории великими защитниками Магнифит, а рисунок на скале был доработан и являлся символом города и символом защиты детей. Город Магнифит навсегда остался городом, в котором дети не знали горя. Темные времена для каждого человека стали историей о жизни пятерых детей Роберта и Кнары. Талия в ту ночь встретила со Львом в кафе, она любила его и их четверых детей до конца своих дней. Лев испытывал не мало трудностей, но не было тех, с которыми он бы не справился. И после него крест получали как и его потомки, так и потомки Корнеида.

Но все это было потом. А сейчас Талия стояла у озера, а за ним были горы. Сумерки тонули в темноте. Маленький огонёк свечи уже держался на невидимой ниточке, увязшей в воске. Но она заметила в тот неуловимый миг множество силуэтов на разных точках гор. Они стояли и смотрели на неё на фоне уже процедившегося мерцания звездного неба. И один силуэт, как ей показалось, стал махать ей рукой. Она вдруг заулыбалась и стала махать ему в ответ, и смеяться от счастья. А на её груди тряслось все бремя семьи Магнифит.

Посвящается братьям и сёстрам: Льву, Роберту, Жанне и Эльмире.